Сергей Цветков

Эпоха единства

Древней Руси

от Владимира Святого до Ярослава Мудрого

СКАЗАЛИ ЖЕ БОЯРЕ: «ЕСЛИ БЫ ПЛОХ БЫЛ ЗАКОН ГРЕЧЕСКИЙ, ТО НЕ ПРИНЯЛА БЫ ЕГО БАБКА ТВОЯ ОЛЬГА, А ОНА БЫЛА МУДРЕЙШЕЙ ИЗ ВСЕХ ЛЮДЕЙ». И СПРОСИЛ ВЛАДИМИР: «ГДЕ ПРИМЕМ КРЕЩЕНИЕ?»
ОНИ ЖЕ СКАЗАЛИ: «ГДЕ ТЕБЕ ЛЮБО».

Сергей Цветков

Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого

«Центрполиграф»

2012

Цветков С. Э.

Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого / С. Э. Цветков — «Центрполиграф», 2012

Известный писатель, автор многочисленных научно-популярных книг и статей, историк С.Э. Цветков подробно рассматривает один из самых драматических периодов древней русской истории – со второй половины 70-х годов X века до 1054 года. Это время кровавых династических распрей, коренного преображения духовных основ древнерусской жизни, блестящего взлета древнерусской государственности и культуры, напряженного поиска Русью своего места в мировом историческом процессе, время великих людей, великих событий, великих идей.

© Цветков С. Э., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Часть первая Распря Святославичей 6
Глава 1 Русь после гибели Святослава 6
Территориальные потери 6
Сыновья Святослава 7
Глава 2 Схватка за Полоцк 11
Ярополк и его ближнее окружение 11
Поход Владимира на Полоцк 13
Глава 3 Начало усобицы 17
Знамение 17
Летопись о гибели князя Олега Святославича 17
Причины распри Святославичей 20
Братья-христиане 26
Глава 4 Захват Владимиром Киева 31
Внешняя политика Ярополка 31
Владимир готовится к войне с братом 33
Поход на Киев 35
Убийство Ярополка 37
Часть вторая Княжение Владимира 42
Глава 1 Под покровительством богов 42
Шаги по упрочению власти 42
Религиозная реформа 42
Человеческие жертвоприношения 44
Варяги-мученики 45
Совместные культовые действа 47
Глава 2 Войны Владимира (дохристианский период) 48
На западных границах 48
Поход на радимичей 50
Войны с вятичами и волжскими булгарами 51
Разгром Хазарии 56
Глава 3 Обращение Владимира в христианство 59
Повесть временных лет о крещении Владимира 59
Внелетописные источники о крещении Владимира 63
Варда Фока против Варды Склира 65
Византийско-болгарская война 65
Владимир выступает на стороне болгар 66
Восстание Варды Фоки 68
Переговоры Василия II с Владимиром 69
Условия русско-византийского договора 987 г 74
Вопрос о «двуличии» Василия II 74
Побудительные мотивы Владимира к принятию крещения 78
Крещение Владимира 80
Глава 4 Крещение Киева 84
Отправка в Византию русских «воев» 84
Подготовительные шаги к крещению киевлян 85
Крещение народа 86

Глава 5 Падение Херсона 90
Причины похода на Херсон 90
Подавление восстания Варды Фоки 94
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Сергей Эдуардович Цветков Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого

Часть первая Распря Святославичей

Глава 1 Русь после гибели Святослава

Территориальные потери

Поражение Святослава в Болгарии обошлось недешево Русской земле. «Молодое поколение» русов, которое, по свидетельству Льва Диакона, Святослав увлек за собой на Балканы, почти целиком полегло под стенами болгарских и греческих крепостей; остатки, вместе с самим князем, погибли в столкновении с печенегами у днепровских порогов. То было отборное воинство, тысячи «цветущих здоровьем мужей», и эта потеря была невосполнима. Последствия не замедлили сказаться. В самое короткое время, истекшее после рокового лета 971 г., ряд обширных окраин был отторгнут от Русской земли вооруженной рукой, другие отложились от нее сами, воспользовавшись случаем.

Наибольший территориальный ущерб Русская земля понесла на своих западных границах, где ее соседом со второй половины X в. была Чехия, претендовавшая на наследство Великой Моравии. Чешский натиск на восток был стремителен. В 940—960-х гг. чешский князь Болеслав I Укрутный (Грозный) захватил Моравию, Словакию и Краковскую землю. Согласно путевым запискам испанского еврея Ибрагима Ибн Якуба, посетившего в 965/966 г. Центральную Европу, Чехия «простиралась в длину от города Праги до города Кракова». В последующие восемь лет под руку наследника Болеслава I, Болеслава II (967–999), отошла и вся «русская» Галиция, а также Подолия с Червенскими городами (Львов, Червен, Белз и др.).

На некоторый, впрочем, весьма непродолжительный срок Чехия превратилась в одно из крупнейших государств Европы. Учредительная грамота Пражской (Чехо-Моравской) епископии засвидетельствовала, что около 973 г.[1] восточные границы этой епархии проходили по верховьям Западного Буга и Стыри (правого притока Припяти)[2]. Здесь пролегал этнический рубеж восточнославянской Руси – в этих местах сходились крайние западные пределы племенных земель белых хорватов и волынян[3]. Приближение чешских войск вско-

---

[1] До 973 г. Чехия входила в состав Регенсбургской архиепископии.

[2] Этот документ дошел до нас в списках конца XI в. Грамота 1086 г. пражского епископа Яромира-Гебхарда гласит, что Пражская епископия «имеет на востоке следующие границы: Буг и Стырь, а также город Краков и область под названием Ваг [Западная Словакия] со всеми территориями, относящимися к поименованному городу Кракову». Прежде многие историки относились к этому сообщению скептически, усматривая в нем откровенное измышление или в лучшем случае недоразумение. Однако «в настоящее время справедливо преобладает точка зрения, что Гебхард использовал актовые материалы X в. – вероятнее всего, как он и утверждает, учредительную грамоту Пражской (видимо, и Моравской) епископии, т. е. указанные границы соответствуют церковно-политической реальности ок. 973 г.» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 395).

[3] См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 271.

лыхнуло часть местного населения. Волыняне сохранили верность Киеву, но хорваты вернули себе племенную независимость. Таким образом, в начале 70-х гг. X в. Киев утратил все приобретения на Карпатах, сделанные за четверть века до этого князем Игорем.

Еще одним восточнославянским племенем, отпавшим в 970-х гг. от Русской земли, были радимичи[4]. Сепаратистские настроения хорватов и радимичей объясняются, по-видимому, тем, что у этих племен сохранялась сильная прослойка родоплеменной знати, способная возглавить борьбу за этнополитическую обособленность.

Приблизительно в то же время на черноморском юге, в Крымской Готии, с данической зависимостью от киевского князя покончили крымские «древляне» – готы-тервинги. По сообщению анонимной «Записки греческого топарха» (начало 990-х гг.), «варвары», обитавшие в «Климатах», то есть на земле Горного Крыма, издавна были подданными русов, однако с некоторых пор вышли из подчинения, «так как домогались более всего самостоятельного управления». Древнерусские предания о смерти Игоря и мести Ольги тоже хорошо запомнили стремление готов-«древлян» к политической независимости. И поскольку тогда, в середине X в., свободолюбивые притязания крымских готов пробудились в связи с убийством киевского князя (Игоря), то естественно предположить, что их вторичное отпадение от Киевской державы было вызвано схожей причиной (гибелью Святослава), и потому данное известие «Записки греческого топарха» следует датировать первой половиной 970-х гг.

Итак, внешние границы Русской земли трещали по всем швам. Но угроза полного государственного распада на сей раз была уравновешена естественным сдерживающим фактором – безоговорочным признанием со стороны большинства восточно-славянских и иных племен, входивших в состав Русской земли, легитимности власти «великого князя русского», киевского династа из рода Игоря. Упомянутый греческий топарх отметил, что в прежнее время (очевидно, в период княжения Ольги) «города и народы добровольно присоединялись» к русам вследствие их «бесстрастного и справедливого» управления.

Благодаря возросшей внутренней сплоченности Русской земли гибель Святослава стала важной вехой в древнерусской истории. Впервые за добрую сотню лет смерть князя «от рода русского» не повлекла за собой немедленно династических потрясений и посягательств со стороны на права великокняжеского киевского рода. Немалую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что Святослав был первым киевским князем, оставившим после себя многочисленное мужское потомство. Отныне будущее династии Игоревичей было упрочено на много столетий вперед.

Сыновья Святослава

Однако теперь политическому единству страны угрожала опасность другого рода, и опасность эта была тем серьезнее, что коренилась она в самой сущности властных отношений между представителями владетельной династии.

Политической культуры как таковой на Руси еще не существовало. В основе «княжого права»[5] лежало понятие семейного владения. Члены княжеской семьи – великий князь и его сыновья – понимали свое обладание киевским столом как семейную прерогативу на собственность (в виде полюдья и даней), переходящую из рук в руки по праву наследования. Княжение приобреталось наследованием по отцу[6]. Но и при жизни последнего наследник

[4] Факт отпадения радимичей и хорватов от Киева после гибели Святослава устанавливается по дальнейшим летописным сообщениям, согласно которым Владимиру в 80—90-х гг. X в. пришлось заново приводить эти племена к покорности.

[5] Термин А.Е. Преснякова, понимавшего под княжим правом «совокупность обычно-правовых норм, возникавших… в сфере деятельности княжих сил, независимой от общего уклада народной жизни» *(Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетия. СПб., 1909. С. VI).

[6] В том случае, если у отца не было братьев, которые имели преимущество в деле наследования княжения перед своими

великокняжеского стола, а также его братья, если таковые были, имели свою долю в этом общем владении. Их долевое участие в княжении обеспечивалось путем посажения княжих детей по волостям. По сути, это был «семейный раздел, такой же, как раздел дома по отцовскому ряду согласно Русской Правде»[7].

Поскольку князь не был собственником общинных земель, то и наделение княжича волостью (крупным городом с сельской округой) не имело ничего общего с земельным пожалованием. Ему предоставлялось право *кормления* – сбора в свою пользу с местного населения полюдья или дани, судебных пошлин и т. д. Политическая власть князя-отца над сыновьями– владельцами волостей была продолжением власти родовой, семейной, а потому отношения детей-княжичей к отцу-князю определялись семейным правом, в силу которого дети состояли в подчинении воле родителей. Это подчинение «выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владетельными князьями. Если… им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли ею в качестве посадников князя-отца, а не самостоятельных владельцев»[8]. В результате между князем-отцом и его детьми возникала своеобразная форма сюзеренитета, при которой вассальные связи целиком совпадали с отношениями семейной иерархии[9].

Первый пример подобного раздела известен по сообщению Константина Багрянородного, что во время княжения Игоря малолетний Святослав сидел в загадочном «Немогарде». Сам Святослав, будучи многодетным отцом, перед последним походом на Балканы выделил своим сыновьям уже несколько волостей. На киевском столе он посадил Ярополка, в Овруче (город в Древлянской земле, на правобережье Днепра) – Олега. Новгородцы заполучили себе в князья Владимира, внеся важное новшество в порядок получения княжеского стола (избрание, или приглашение князя) и, главное, соединив наконец историю словенского севера с историей Русской земли. Как можно догадываться по сообщениям византийских историков, в Таврической Руси Святослав оставил четвертого своего сына, Сфенга, о котором Иоанн Скилица и Георгий Кедрин пишут, что этот «брат Владимира» в 1016 г. помог Византии восстановить ее власть над крымскими землями[10] (речь об этом впереди).

В год гибели Святослава (971) все четверо Святославичей были еще отроками или только что вступили в возраст мужества. Наши летописи, знающие только Ярополка, Олега и Владимира, отдают старшинство Ярополку и называют Владимира его «меньшим» братом, не поясняя, впрочем, был ли он старше или младше Олега; одна Иоакимовская летопись считает последнего «юнейшим» из троих братьев[11].

Мы не можем вполне довериться этой довольно-таки неопределенной родословной, хотя бы по той причине, что древнерусские летописцы пребывают в совершенном неведении относительно точных дат рождения всех троих сыновей Святослава[12]. Строго говоря,

---

племянниками. Далее мы увидим, что были и другие основания к замещению княжеских столов. Но они возникали по мере разветвления великокняжеского рода и усложнения социально-политической жизни Древней Руси. В исторической действительности второй половины X в. им еще не было места.

[7] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 154.

[8] *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. В 3 т. СПб., 1890–1903. Т. II. С. 121–122.

[9] См.: *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. М., 2001. С. 532.

[10] См.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 384; *Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 178.

[11] См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. В 8 т.: История Российская. М.; Л., 1962–1964 (репринт: М., 1994–1995). Т. I. С. 111.

[12] Либо отводят им непомерно долгие сроки жизни. Так, поздний Пискаревский летописец под 6488/980 г. замечает: «Бысть княжения Ярополча 50 лет…», то есть относит его рождение к первой четверти X в. О Владимире Переяславско-Суздальская летопись (XIII в.) говорит, что он прожил 73 года. Отсчитывая их от года его смерти (1015), получаем 942 г., под которым в Повести временных лет значится рождение его отца. Эти записи, по-видимому, принадлежат к той летописной традиции, которая стремилась устранить очевидную нелепость хронологических сообщений Повести временных лет, касающихся жизни князя Игоря, путем более ранней датировки рождения его первенца – Святослава и соответственно Игоревых внуков. Например, В.Н. Татищев опирался на какой-то утраченный ныне источник, где рождение Свя-

возрастное старшинство Ярополка над его братьями обосновано в летописи задним числом – по тому обстоятельству, что именно он был посажен отцом в Киеве, «старейшем» (главном) городе Русской земли. Помимо этого, у нас есть лишь одно косвенное указание, к тому же легендарного характера, имеющее отношение к возрасту Ярополка. По преданию, Святослав дал ему в жены захваченную на Балканах прекрасную гречанку – монахиню или, быть может, послушницу: «…у Ярополка жена грекини бе, и бяше была черницею, юже бе привел отец его Святослав и вда ее за Ярополка, красы деля лица ея» (Ипатьевская летопись).

На территорию Византии войско Святослава вторглось лишь однажды, в ходе кампании 970 г., следовательно, только тогда оно и могло на время завладеть каким-то византийским монастырем. Казалось бы, мы вправе предположить, что в 970 г. Ярополк достиг по крайней мере пятнадцати лет – возраста, достаточного для вступления в брак, согласно понятиям эпохи. Но история с женой-гречанкой имеет все признаки легендарного происхождения, о чем у нас еще будет повод сказать подробнее. Ввиду всего этого в нашем распоряжении остается последний более или менее неоспоримый аргумент, а именно бездетность Ярополка на момент его смерти в 978 г. (по хронологии автора XI в. Иакова Мниха, отличающейся большей точностью, сравнительно с датой Повести временных лет, где смерть Ярополка отмечена под 980 г.), и данное обстоятельство, скорее всего, свидетельствует о том, что он погиб, едва достигнув семнадцати-восемнадцатилетия. Поэтому с наибольшей долей вероятия время рождения Ярополка приходится на 960–961 гг.

Относительно Владимира Повесть временных лет в Лаврентьевской редакции сообщает, что его вокняжение в Новгороде (970/971) произошло в пору несовершеннолетия: «Володимеру сущю Новегороде, детьску сущу еще…» Уточнить эти сведения позволяет предание Никоновской летописи (XVI в.) о ссоре княгини Ольги с Малушей, матерью Владимира. Напомню, что связь Святослава с княжей рабой (то ли «милостницей», то ли «ключницей») вызвала гнев Ольги, которая отослала беременную Малушу в какое-то дальнее село. Это известие корректируется, с одной стороны, обоснованной гипотезой о намерении Ольги в 957 г. женить Святослава на византийской принцессе, с другой – хронологическими расчетами биографии Святослава, из которых следует, что примерно в то же время сын Ольги вступил в совершеннолетний возраст (пятнадцать– семнадцать лет), после чего неограниченная власть матери над его личной жизнью должна была кончиться. Отсюда напрашивается вывод, что близкие отношения Святослава с Малушей имели место где-то между 955 и 958 гг., каковой временной промежуток, по всей видимости, и должен служить началом отсчета жизни Владимира[13].

И коль скоро Святослав обрел самостоятельность около 957/958 г., уже после разлуки с Малушей и неудачного сватовства к византийской принцессе, логично думать, что примерно тогда же он и заключил свой первый законный брак. То есть, как и было сказано, его второй по счету (и первый, рожденный в законном браке) сын Ярополк, вероятнее всего, появился на свет между 960 и 962 гг.

тослава было отмечено 920 г. вместо 942 г. О.М. Рапов посчитал возможным принять татищевскую дату, а вместе с ней и сведения Переяславско-Суздальской летописи о 73 годах жизни Владимира на том основании, что эти биографические данные якобы согласуются с известием германского хрониста начала XI в. Титмара Мерзебургского, по которому Владимир умер «отягченный годами» (*Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 157–158), или, в другом переводе, «глубоким стариком». Однако это всего лишь фигуральное выражение. В другом месте своей «Хроники» Титмар говорит иначе: «умер в преклонных летах» (*Древняя* Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 319). Очевидно, что преклонные годы и глубокая старость – не одно и то же.

[13] Рождение в середине – второй половине 950-х гг. между прочим позволяет Владимиру умереть в 1015 г. в «преклонных летах», как и свидетельствует Титмар, то есть около шестидесяти лет – возрасте по тем временам весьма почтенном. Немецкий проповедник Бруно Кверфуртский, видевший Владимира за семь лет до его смерти (в 1008 г.), мимоходом отметил, что князь легко «спрыгивал с коня на землю». Подобное проворство вполне вероятно для человека пятидесяти с небольшим лет, но вряд ли оно могло отличать «отягченного годами» старика.

Итог наших рассуждений таков, что мы скорее склонны признать старшим Святославичем Владимира, который, судя по всему, опережал Ярополка несколькими годами. Передача же Киева Ярополку исчерпывающе объясняется тем обстоятельством, что Владимир был «робичичем», сыном рабыни, и потому не годился на роль главы рода.

О двоих других сыновьях Святослава можно сказать еще меньше определенного. Олег, вероятно, и в самом деле был младше Ярополка, почему и получил на покорм не Киевскую, а Древлянскую землю.

Что касается Сфенга, то допустимо видеть в нем сына Святослава от представительницы какого-то знатного рода таврических русов или, возможно, от касожской или ясской княжны. Тогда его появление на свет следует датировать 965–967 гг. – временем пребывания Святослава в Тмуторокани и на Северном Кавказе. В этом случае Сфенг действительно мог к 970 г., когда Святослав делил столы между сыновьями, пройти обряд «постригов», совершаемый над трех-пятилетними княжичами, и тем самым приобрести право на княжение в Таврической Руси, а также быть активным действующим лицом международной политики в 1016 г.

Со смертью Святослава Русская земля (включая теперь и территорию новгородских словен) превратилась в своего рода семейный союз, основанный на кровнородственных связях четырех братьев, представителей династии. При отсутствии живого отца отношения между братьями регулировал родовой принцип *старейшинства*, который заключался в том, что Ярополка, сидевшего на «отнем столе», остальные Святославичи должны были чтить «в отца место», то есть как родителя. Фактически по отношению к старейшему брату, киевскому князю, прочие братья продолжали числиться подчиненными ему «посадниками», обязанными выплачивать дань в дни мира и оказывать силовую поддержку в случае войны. Так, про сына Владимира князя Ярослава, посаженного позднее отцом в Новгороде, известно, что он должен был платить ежегодный «урок» Киеву в 2000 гривен; «и тако даху вси [прежние] посаднице новьгородстии», – добавляет летопись (статья под 1014 г.). Из этих слов можно заключить, что ранее то же самое правило распространялось на самого Владимира – первого киевского посадника в Новгороде.

Единство страны, обеспечиваемое подобным образом, было конечно же чисто формальным. Принцип старейшинства был скорее морально-этической нормой, нежели правовым установлением. Общепризнанного политического прецедента, который помог бы Святославичам выстроить их отношения на основе государственного права, не существовало. Семейное же право не давало никаких преимуществ старшему брату перед другими[14].

Чтить старшего брата «в отца место» было *естественно* и похвально, но этого требовала традиция, а не закон, поэтому на деле послушание меньших братьев старейшему покоилось исключительно на их доброй воле. Хрупкость семейно-иерархических связей между братьями после смерти отца вела к ослаблению и практически полному разрушению системы политического вассалитета.

Таким образом, распределение столов между сыновьями Святослава открывало путь к дроблению Русской земли на ряд независимых друг от друга княжеств. Для того, чтобы собрать их вновь в одно государственное целое, нужно было уничтожить сам факт раздела, а сделать это можно было только посредством кровавой братоубийственной борьбы.

[14] См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 30.

Глава 2 Схватка за Полоцк

Ярополк и его ближнее окружение

Приступая к рассмотрению краткого княжения Ярополка, следует помнить, что его совершеннолетие, как мы выяснили выше, скорее всего, пришлось на 974/975 или 976/977 **ГГ.** Повесть временных лет косвенным образом подтверждает эти расчеты, делая Ярополка героем лишь тех событий, которые датируются серединой – второй половиной 970-х гг. Следовательно, реальная власть поначалу находилась в руках ближнего окружения молодого князя.

Кто были эти люди?

Первым делом в поле нашего зрения попадают две фигуры, которые мы находим в летописи рядом с Ярополком, – воевод Свенгельда и Блуда. Первому из них отведена ключевая роль в распре между Ярополком и Олегом (статьи под 975 и 977 гг.), второму – в свержении и убийстве Ярополка Владимиром (статья под 980 г.). С их именами связан давний историографический спор. Дело в том, что естественную мысль о последовательном замещении одного воеводы другим (Свенгельда – Блудом, после вероятной смерти старого вояки во второй половине 70-х гг. X в.) нарушает стоящее особняком известие Новгородской I летописи, где Блуд упоминается в качестве воеводы Ярополка уже в 972 г., то есть еще при жизни Свенгельда.

Но могло ли быть так, чтобы при Ярополке находились сразу два воеводы?

Со стороны ряда ученых подобная возможность вызвала решительное отрицание, в связи с чем были предприняты попытки исключить либо одного, либо другого воеводу из истории междоусобной брани Святославичей. Впрочем, во всех случаях выдвинутая система доказательств оставляет желать лучшего[15].

---

[15] Например, по А.А. Шахматову, у Ярополка был только один воевода – Блуд, но в процессе переработки текстов статей 6483/975 и 6485/ 977 гг. позднейшими редакторами Повести временных лет его имя было заменено именем Свенгельда (см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 234, 242, 354–357, 364). Многие исследователи до сих пор сочувственно высказываются об этой гипотезе, считая ее «текстологически достаточно убедительной» *(Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2000. С. 364). Однако не стоит забывать, что Шахматов вымарывал имя Свенгельда из статей под 975 и 977 гг., будучи увлечен своей концепцией причастности этого воеводы к убийству Игоря, от которой, под воздействием аргументированной критики, впоследствии отказался.Дальше всех по пути отрицания известий летописи пошел А.Л. Никитин, который усомнился в реальности обоих сподвижников Ярополка. Историческая «избыточность» фигуры Свенгельда для хода событий 970-х гг. проявляется, по мнению исследователя, прежде всего в том, что летописная «история Свенельда оказывается слишком растянутой во времени. Даже если предположить, что в 920–925 гг., когда с наибольшей вероятностью родился Игорь, Свенельду было уже 30 лет, к моменту поражения Святослава у Доростола ему оказывается не менее 75 лет, тогда как к моменту убийства Олега «древлянского» ему идет уже девятый десяток – вещь совершенно невероятная для активно действующего воеводы X в.» *(Никитин А.Л.* Основания русской истории. М., 2001. С. 229).Этот «возрастной» аргумент исследователя откровенно слаб, поскольку основан на произвольном предположении, что Свенгельду должно было исполниться тридцать лет именно к моменту рождения Игоря, хотя ничто не препятствует думать, что воевода разменял свой четвертый десяток, например, к тому времени, когда Игорь достиг совершеннолетия, то есть в конце 930-х гг. А может быть, ему тогда было лет двадцать пять… Словом, мы не знаем точно, в каком именно возрасте Свенгельд участвовал в обороне Доростола и сколько лет ему могло быть в 975 г., когда, согласно Повести временных лет, он натравливал Ярополка на Олега, а потому вывод о его старческой немощи в 70-х гг. X в. повисает в воздухе. В летописи имеется неоспоримый пример государственного и ратного долголетия: сообщение под 1106 г. о смерти маститого старца, воеводы Яна, прожившего добрых девяносто лет.Другой довод Никитина о непричастности Свенгельда к событиям 975–977 гг. состоит в том, что к этому времени его уже просто не было в живых. Опорой исследователю служит известие Льва Диакона о знатном русе Сфенкеле/Сфангеле, который, наряду с князем Святославом и неким Икмором, был одним из предводителей русского войска, осажденного ромеями в Доростоле (аналогичное сообщение есть и у Скилицы). Считая Сфенкела и Свенгельда одним и тем же лицом, Никитин полагает, что жизнь Свенгельда/Сфенкела оборвалась в 971 г., за два дня до заключения мира с греками, как о том пишет Лев Диакон. Дальнейшее его участие в борьбе Ярополка с Олегом уже «принадлежит литературе, а не истории» *{Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 226, 229–230).Очевидно, что, отождествляя Свенгельда с погибшим в бою Сфенкелом, Никитин в корне

Со своей стороны берусь утверждать, что в упоминании летописью двух воевод Ярополка нет никакого противоречия. Русские князья всегда чтили и держали при себе «отних мужей», ближних дружинников умершего отца. Многочисленные примеры тому предоставляет летопись. В 1096 г. великий князь Святополк Изяславич предложил черниговскому князю Олегу Святославичу положить «поряд о Рустей земле пред епископы и пред игумены и пред *мужи отец наших»*. В 1182 г. у Владимира Всеволодовича был воевода Дорожай, «отнь слуга» и т. д. Так и Свенгельд, этот «воевода отень» (статья под 971 г.), в продолжение своей долгой жизни переходил служить поочередно от Игоря к Святославу, от Святослава к Ярополку. Но у последнего был и собственный воевода – Блуд, которого, по всей видимости, приставили к несовершеннолетнему Ярополку при посажении его в 970 г. на киевский стол. Эти соображения, как мне представляется, вполне удовлетворительно разрешают загадку двух воевод Ярополка.

В летописи нет достаточных данных для того, чтобы можно было определить точные размеры властных полномочий обоих воевод при взрослеющем князе, и вряд ли оправданно считать их «опекунами» и даже «соправителями» малолетнего Ярополка, всесильными регентами, как это делают некоторые историки. Согласно летописному тексту, Свенгельд и Блуд только подталкивают Ярополка к совершению тех или иных действий, но никак не диктуют ему свою волю. О «послушании» им молодого князя нет и речи. Вероятно, они имели свой голос в княжем совете, в остальном же их властные прерогативы не выходили за пределы традиционных функций русских воевод: «управлять войсками, нападать на врагов и замещать князя у его подданных» (сообщение Ибн Фадлана).

Говорить от имени несовершеннолетнего великого князя и «всего княжения» имели право только взрослые родственники Ярополка, члены великокняжеского рода. Многочисленная родня «великих князей русских» попала в поле зрения источников лишь однажды

подрывает свой собственный тезис о «старческой» недееспособности Свенгельда в 970-х гг. Но это так, к слову… На наш взгляд, идентичность Сфенкела из «Истории» Льва Диакона и летописного Свенгельда не только возможна, но даже весьма вероятна. Однако из этого следует только то, что сообщение Льва Диакона о смерти Сфенкела нужно признать ошибочным, поскольку Свенгельд упоминается в договоре Святослава с греками, а официальный документ по части достоверности все же имеет преимущество перед хроникой, составленной частным лицом, которое к тому же не было непосредственным очевидцем событий.Никитин, естественно, ставит под сомнение достоверность упоминания Свенгельда в договоре 971 г., подозревая в этом месте летописи редакторскую правку более позднего времени, которая «скорее всего может быть объяснена заменой стоявших здесь в подлиннике имен Сфенкела и Икмора…» *(Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 230). Здесь исследователь уже совершенно перестает следить за логикой своих рассуждений: полностью доверяя известию Льва Диакона о гибели Сфенкела *до* подписания договора, он тем не менее допускает присутствие его имени в «подлинном» тексте этого документа. Кстати, Икмор тоже погиб до заключения мира. Вообще мысль о намеренной фальсификации летописцами официального дипломатического документа нельзя назвать удачной.Устранение из летописного текста другого воеводы, Блуда, Никитин производит на том основании, что далее в летописи под 1018 г. упоминается княжий воевода Буды, участник сражения князя Ярослава с поляками на Буге. «Имя воеводы Ярослава – Буды/Будый, – пишет Никитин, – которое, как и производные от него, широко представлены в «Славянском именослове» М. Морошкина, позволяет предполагать, что мы имеем дело с реальной исторической фигурой. Это, в свою очередь, заставляет усомниться в реальности «воеводы Блуда» ст. 6488/980 г., созданного по образцу «Будыя» и действующего в соответствии со своим именем», ибо, развивает в другом месте свою мысль исследователь, «трудно предположить реальность человека по имени «Блуд», единственной функцией которого является передача Киева и Ярополка в руки Владимира…» *(Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 258, 259).Смешение в статьях под 980 и 1018 гг. имен «Буды/Будый» и «Блуд» действительно наблюдается в ряде летописных списков Повести временных лет. Вероятно, это произошло вследствие того, что некоторые редакторы и переписчики Повести посчитали обоих воевод одним и тем же лицом (и, кстати сказать, временной разрыв в 38 лет между упоминанием одного и другого не препятствует такому отождествлению). Однако поставить знак равенства между Будыем и Блудом едва ли возможно. Имена эти имеют различную семантику, что исключает предположение Никитина о «создании» летописцем мифического воеводы Блуда по образцу «реального» Будыя.Наличие в древнерусском именослове имени Блуд, не являющегося аналогом «Будыю», засвидетельствовано, помимо летописной статьи 980 г., былиной о Хотене Блудовиче и названием Блудовой улицы в Новгороде. Судя по тому, что мать «Хотинушки Блудовича» носит в былине прозвище «вдовы честно-Блудовой жены», имя Блуд не имело скабрезного, отрицательного смыслового оттенка («развратный человек»), а состояло в связи с корнем «блуд» в значении «блуждать, странствовать». Таким образом, отпадает и подозрение Никитина о том, что воевода Блуд, предатель Ярополка, – это всего лишь литературный герой с нарицательным именем, вроде столь любимых русской литературой XVIII – начала XIX в. Правдиных, Стародумов, Скотининых, Скалозубов и тому подобных персонажей.

– в период правления Игоря. Это – «боляре» из договора Игоря с греками 944 г., они же – «архонты», отправлявшиеся в полюдье вместе с Игорем и славшие в Царьград своих «послов» для ведения торговых операций и деловых переговоров с василевсами, как явствует из сообщений Константина Багрянородного. Возможно, в договоре Святослава с Цимисхием «бояре» также означают родственников русского князя, хотя утверждать наверняка здесь ничего нельзя.

Во всяком случае, очевидно, что в 70-х гг. X в. родственное окружение великих князей не вымерло вдруг, и, например, Скилица в связи с событиями начала XI в. упоминает «какого-то сородича» князя Владимира, по имени Хрисохир («Щедрая рука»). Об этом нужно помнить, знакомясь с попавшими в летопись древнерусскими преданиями, представляющими детей Святослава по большей части одинокими героями, как того и требуют драматические законы жанра. Впрочем, и русские люди хорошо запомнили Владимирова уя (дядю по матери) Добрыню.

Поход Владимира на Полоцк

Именно межклановое соперничество княжеской родни, ревниво оберегавшей престиж «своих» князей, привело к первому столкновению, – правда, пока еще на чужой земле.

Подробности его читаем в предании о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде. В Повести временных лет оно входит в статью под 980 г., где излагается история и трагический исход противоборства Ярополка и Владимира, однако «полоцкий эпизод», безусловно, должен занять место среди более ранних событий. Для этого хронологического сдвига есть по крайней мере три серьезных основания.

Во-первых, по известию Лаврентьевской летописи, где предание о Владимире и Рогнеде сохранилось в наиболее полном виде (статья под 1128 г.), появление новгородских сватов в Полоцке относилось к тому времени, когда Владимир был еще «детьску сущу» (впрочем, и не настолько «детьску», чтобы его возраст помешал ему силою «поять» Рогнеду).

Во-вторых, полоцкий поход явно нарушает логическую последовательность развертывания событий. Вспомним: Олег гибнет в борьбе с Ярополком; Владимир, убоявшись Ярополка, бежит «за море». Затем, вернувшись с «варягами» в Новгород, он изгоняет посадников Ярополка, шлет брату грозное предупреждение: «Володимир идеть на тя, пристраивайся противу битися», после чего… делает предложение Рогнеде и, получив отказ, отправляется громить Полоцк. Очевидно, что полоцкий поход должен был предшествовать другим событиям.

И последнее. Речная навигация на Руси открывается в апреле – мае. По сведениям Иакова Мниха, 11 июня с Ярополком было уже покончено. На ведение переговоров о браке и попутный захват Полоцка у Владимира просто не остается времени.

По совокупности этих наблюдений мы должны признать полоцкий фрагмент в составе статьи под 980 г. очевидной вставкой и датировать его довольно кратким промежутком времени, между началом самостоятельного княжения сыновей Святослава (971) и 973/974 г., но не позже, по причинам, которые станут ясны из дальнейшего.

Суть «полоцкого дела» дошла до нас в следующем виде.

Княжение в Полоцке держал пришедший «из заморья» князь Рогволод, «а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю еще и погану, и бе у него Добрына, воевода его, храбор и наряден [тот, кто *на ряде*, то есть в головах, начальниках] муж; сей посла к Роговолоду и проси у него дщере [его] за Володимера». Однако к тому времени в Полоцке уже побывали киевские сваты: «В се же время хотяху вести Рогнедь за Ярополка».

Рогволод предоставил выбирать жениха самой дочери: «он же рече дщери своей: хощеши ли за Володимера; она же рече: не хочю розути робичича [сына рабыни], но Яро-

полка хочю». Владимир «разгневася о той речи» и «пожалиси» Добрыне (ответ Рогнеды оскорблял не только «робичича» Владимира, но и его дядю, брата «рабыни» Малуши). Тот «исполнися ярости, и поемше вой идоша на Полтеск, и победиста Роговолода». Полоцк был взят, вся княжеская семья попала в руки Добрыни и Владимира. В поношение Рогволоду и его гордячке-дочери Добрыня «нарек» последнюю «робичицей» и «повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью», то есть приказал племяннику изнасиловать Рогнеду на глазах у ее родителей; «потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Гориславa» (Лаврентьевская летопись, под 1128 г.). Ипатьевская и Иоакимовская летописи добавляют, что вместе с Рогволодом были убиты два его сына.

Таково предание, причем достаточно древнее, судя по отсутствию в нем «варягов» – термина, появившегося не ранее первой трети XI в.[16] Явственно просматривается его близость двум популярным фольклорным мотивам: «добывания невесты» и «укрощения строптивой невесты»[17].

Как все это соотносится с историей? Археологические раскопки Полоцка показали, что город сложился в IX–X вв. на основе местного племенного центра кривичей, расположенного в гуще сельских поселений. Существование у полочан княжеской власти подтверждается наличием крепостного детинца, к которому прилегал городской посад[18]. Княжеская династия утвердилась в городе мирным путем, вероятно на началах избрания или приглашения – в пользу этого говорит тот факт, что снос общинного племенного центра, на месте которого возник княжий детинец, не носил характера военного разрушения[19]. Но сама княжеская крепость Полоцка, как и повествует предание о Владимире и Рогнеде, во второй половине X в. подверглась разгрому, ее культурный слой этого времени хранит отчетливые следы сильного пожара[20].

Таким образом, князь Рогволод, по-видимому, – лицо историческое, и сам факт его княжения в Полоцке не вызывал споров среди историков. Зато его происхождение «из заморья» всегда давало повод к разногласиям. Ученые норманнской школы предпочитали видеть в нем обосновавшегося в Полоцке шведского конунга, «истинное» имя которого было Рёгнвальд/Рагнвальд (Ragnvaldr). Но за их аргументацией не стоит ничего, кроме случайного созвучия имен. Корневая основа «волод», давшая жизнь многим славянским именам, в том числе сложносоставным (Володарь, Всеволод, Беловолод, Владислав, Владимир и др.), имеет вполне ясную славянскую этимологию – «владеть», «обладать», «властвовать». Характерно, что в скандинавских сагах славянское имя Всеволод переиначено в «Виссавальд», но примеры обратного переделывания германского «вальд» в славянское «волод» неизвестны. Вместе с тем имена Рох, Роуг, Рохослав, Роховлад зафиксированы у западных и южных славян (чехов, сербов) еще в VIII в., и, стало быть, они появились в славянском именослове без какого-либо участия скандинавских конунгов. Точно так же и имя Рогнеда встречалось преимущественно в славянской среде, где оно имело форму Рогнедь/Рожнеть (у чехов – Rozneta, Roznet). Например, в Новгородской I летописи читаем: «В лето 6643. Заложи той же князь Всеволод Святую Богородицу на Торгу, а Рожнеть [видимо, сестра или жена Всеволода] Святаго Николу на Яковлевой улице». В этой же связи обращает на себя внимание Рожне поле, фигурирующее в летописи под 1099 и 1144 гг. – и не где-нибудь в Скандинавии, а неподалеку от Теребовля.

---

[16] В летописной статье под 980 г. «варяги» сопутствуют Владимиру в его походе на Полоцк и Киев. Здесь видна рука позднейшего редактора, и это служит еще одним аргументом в пользу того, что в древнейшем летописном тексте «полоцкое сказание» предшествовало рассказу о захвате Владимиром Киева.

[17] *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. М., 2003 (репринт: СПб., 1914). С. 201.

[18] *Седое В.В.* Восточные славяне в древности. С. 243.

[19] См.: *Тимощук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 123.

[20] См.: *Древнерусские* княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 219.

Для окончательного прояснения этнического происхождения семейства Рогволода полезно припомнить слова Рогнеды: «не хочю розути робичича». Широкое бытование свадебного обряда разувания жениха на Руси надежно засвидетельствовано многими источниками. Между тем у германцев жених должен был одарить невесту обувью, то есть германский свадебный обычай делал упор на *обутие невесты*, тогда как древнерусский – на *разутые жениха.*

Характерные этнографические признаки проступают также в сказании о неудачной мести Рогнеды. После того как Владимир, став киевским князем, «поя ины жены многи», Рогнеда «нача негодовати» на него. Однажды, когда муж ее уснул, она попыталась зарезать его спящего. Однако Владимир в последний миг проснулся и схватил занесенную над ним руку с ножом. Преступница стала молить о милости, но Владимир приказал ей готовиться к казни, которую решил свершить собственноручно: «и повеле ей устроитися во всю тварь царскую [княжеские одежды]… и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть [пронзит мечом] ее…» Тогда Рогнеда подучила своего маленького сына Изяслава внезапно войти в комнату с обнаженным мечом в руке и напомнить отцу, что *он здесь не один.* Владимиру не хватило духу прикончить мать на глазах у сына – «и поверг меч свои; и созва боляры, и поведа им». Бояре посоветовали ему отослать Рогнеду и Изяслава с княжего двора. «Володимер же устрой город и дал има, и нарече имя городу тому Изяславль».

Эта история целиком выдержана в духе славянских правовых представлений дохристианской эпохи. В Житии святого Адальберта-Войтеха есть схожий эпизод казни неверной жены одного из чешских бояр. Мужу ее надлежало самому исполнить приговор, как того требовал more barbarico, то есть «варварский» (в данном случае древнеславянский, языческий) обычай, кстати, просуществовавший в Чехии до XIV в. Таким образом, намереваясь покарать Рогнеду, Владимир лишь подчинялся славянскому языческому обычаю, на что указывают между прочим торжественные приготовления к казни и объяснение Владимира с боярами по поводу неисполнения им смертного обряда.

Итак, стоит только перестать тревожить попусту тени викингов, как все встает на свои места, и летописное «заморье», откуда пришел Рогволод, оказывается не чем иным, как славянским берегом Балтики. Предания самих же германских народов недвусмысленно указывают на то, что в Полоцке правила пришлая династия князей из славянского Поморья. В «Деяниях данов» Саксона Грамматика (вторая половина XII – начало XIII в.) датские конунги VIII–IX вв. ведут ожесточенные войны с князьями «рутенов» (поморских славян), во владении которых находятся многие области Восточной Прибалтики, а также Полоцкая земля. Сношения потомков Рогволода со славянским Поморьем прослеживаются и в более позднее время. По сведениям В.Н. Татищева, который в данном случае сослался на летопись Еропкина, полоцкий князь Борис Давидович около 1217 г. женился на Святохне, дочери поморского князя Казимира, которая, как оказалось впоследствии, замышляла подчинить Полоцк Поморью.

Как видно из древнерусского сказания, Полоцк пал жертвой соперничества Ярополковой и Владимировой родни. О Ярополковых послах сказано, что они «хотяху вести Рогнедь» за своего князя. Влияние Добрыни на Владимира проступает еще более рельефно: именно он выступает инициатором сватовства, организует поход на Полоцк и приказывает Владимиру обесчестить Рогнеду. Политическая сторона дела при этом остается в тени, но, видимо, и Киев, и Новгород стремились войти в союзные отношения с Полоцком – важным стратегическим и торговым центром Западного Подвинья. По сообщению Иоакимовской летописи, непосредственным следствием договоренности Киева и Полоцка о заключении династического брака была враждебная выходка Рогволода против Новгорода, которая и вызвала ответный поход Владимира на Полоцк: «Владимир… иде на полоцкого князя Рохволда, зане тот

повоева волости новгородские»[21]. Похоже, для Словенской земли вопрос лояльности полоцких князей имел первостепенное значение, чем, по всей видимости, и объясняется болезненная реакция Владимира и Добрыни на отказ Рогнеды стать женой новгородского князя.

Полоцкая трагедия стала прелюдией к беспощадной схватке за первенство между тремя Святославичами.

[21] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 111.

Глава 3 Начало усобицы

Знамение

Летом 975 г. умы людей в разных концах света были смущены необычным видением на небе: «В это время, в начале августа месяца, явилась на небе удивительная, необыкновенная и превышающая человеческое понятие комета. В наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небе. Она восходила на зимнем востоке и, поднимаясь вверх, высясь, как кипарис, достигала наибольшей высоты, а потом, тихо колеблясь, испуская блестящие и яркие лучи и являясь чем-то полным страха и ужаса для людей. Быв усмотрена, как сказано, в начале августа, она совершала свой восход в продолжение целых 80 дней, будучи видима от полудня до самого белого дня».

Льву Диакону, которому принадлежат эти строки, подобно многим другим, казалось, что комета появилась не на добро, предвещая «страшные мятежи, нашествие народов, междоусобные брани, переселение городов и стран, голод и моровые язвы, ужасные землетрясения и почти совершенную гибель Римской империи, как мы убедились из последовавших затем событий».

Русские летописцы также отметили это небесное явление (правда, ошибочно поместив его под 979 г.): «Того же лета быша знамение в луне, и в солнце и в звездах и быша громи велици и страшни, ветри сильны с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским [полевым]» (Никоновская летопись). Как оказалось, «знамение» не сулило ничего хорошего и Русской земле.

Летопись о гибели князя Олега Святославича

Повесть временных лет начинает историю княжения сыновей Святослава рассказом о первой жертве семейного раздела княжеских столов – древлянском князе-посаднике Олеге (статьи под 975–977 гг.).

Однажды ему донесли, что в его охотничьих угодьях появился сын Свенгельда («Свенальдич»), именем Лют[22], который, выехав из Киева на «ловы», «гна по звери в лесе», пока волей или неволей не нарушил границы «Деревьской земли». Олег убил браконьера. «И о том бысть межю ими ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свенальд: «Поиди на брат свои и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему»[23].

---

[22] Вероятно, уменьшительное от Лютобор – имени, известного у чешских хорватов (ср. также со славянским племенным этнонимом «лютичи»). Норманнистам чудится в Люте искаженное скандинавское имя Ljot, Loti (см., напр.: *Поппэ А.* Князь Владимир как христианин // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 71).

[23] В более ранней статье под 6453/945 г. о мести Ольги имеется выражение «Свенельд, тоже отец мьстишин», из чего обыкновенно делался вывод, что у Свенгельда был еще один сын – Мстиша/Мстислав. Однако А.Л. Никитин, вслед за А. Поппэ, предлагает считать это место испорченным текстом: «Вероятнее всего, в указанной фразе следует читать первоначальное или «тоже отец мсти сына», или же «тоже отец мести», последствия чего мы и обнаруживаем в сюжетах о борьбе Олега и Ярополка» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 42, 229; *Поппэ А.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. Сборник статей. М., 1974. С. 84).

Убийство Люта древлянским князем Олегом Святославичем.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Свенгельд добивался правды в полном соответствии с законом русским: «Убьеть муж мужа, то *мьстить* брату брата, или сынови отца, *любо отцю сына…»* Видимо, поэтому речи воеводы в конце концов были услышаны: «Поиди Ярополк на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и ополчистася». Однако в бою Олег не устоял и побежал «с вой своими в град, рекомый Вручий [Овруч]». Путь к городским воротам лежал через мост, перекинутый надо рвом. Преследуемые беглецы ринулись по нему всем скопом, тесня и сбрасывая друг друга в ров. Вместе со многими простыми воинами спихнули вниз и Олега. Под тяжестью придавивших его людей и лошадей князь задохнулся (по сведениям Иакова Мниха, мост, не выдержав тяжести, рухнул и придавил Олега во рву).

Ярополк, войдя в город, не нашел среди пленников брата. На вопросы о его судьбе один древлянин сказал: «Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту». Тогда Ярополк послал людей искать брата во рву, «и влачиша трупье из гробли [рва] от утра и до полудне». Тело Олега, найденное под грудами мертвецов, вытащили и положили на ковре. «И приде Ярополк, над нем плакася, и рече Свеналду: «Вижь [смотри], сего ты еси хотел!»

Бегство древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Гибель древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи

И погребоша Ольга на месте у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего». Ярополк же «перея власть [волость]» брата своего.

Фраза о могиле Олега, существующей «и до сего дне» (это выражение характерно для статей Повести временных лет, подвергшихся редакции в XII в.[24]), показывает, что в данном случае мы имеем дело с довольно поздним преданием, связанным с каким-то «Олеговым курганом» в окрестностях города Овруча. Насколько эта краеведческая справка соответствует действительности, видно по другой летописной записи, свидетельствующей, что

[24] См.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 31–32.

настоящая могила Олега Древлянского была разрыта уже в 1044 г., когда «кости» его были вынуты из земли и перезахоронены в киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной). Впрочем, сама легенда, которой воспользовался летописец в статьях под 975 и 977 гг., вероятно, в главных чертах отразила истинное происшествие. Однако нельзя не заметить, что в ней уже предана полному забвению историческая подоплека схватки Ярополка с Олегом, а в качестве движущей интриги выступает мотив мести за убитого древлянским князем «Свенальдича». Свести вслед за летописцем все дело к личной неприязни Свенгельда к Олегу мы, конечно, не можем.

Причины распри Святославичей

Борьба Ярополка с Олегом и Владимиром, имевшая обманчивый вид исключительно внутреннего междоусобия, находилась в непосредственной связи с упомянутым выше обострением русско-чешских отношений[25].

В 972 г. произошло событие, замеченное всей Европой. После десятилетних дипломатических усилий, перемежавшихся с военным нажимом, Оттон I добился от Византии признания его титула «императора августа Священной Римской империи германской нации». Договор был скреплен женитьбой его старшего сына, соправителя и наследника Оттона II, на византийской принцессе Феофано, племяннице василевса Иоанна Цимисхия. В следующем году, на Пасхальной неделе, победитель пышно отметил свое торжество на имперском съезде в Кведлинбурге. В продолжение празднеств в императорскую резиденцию одно за другим прибывали посольства из соседних стран с поздравлениями новому цезарю.

Среди тех, кто «явился с большими дарами», саксонский хронист 70-х гг. XI в. Ламперт Херсфельдский отметил и послов «от Руси» (Ruscorum). С какой целью прибыли они в Кведлинбург? Вероятно, не только затем, чтобы чествовать Оттона I. Как мы помним, буквально только что, за год или два перед Кведлинбургским съездом, чешский князь Болеслав II оторвал от Русской земли изрядный кусок Северо-Восточного Прикарпатья и Подолии вместе с Червенскими городами. К тому же 973 г. был годом учреждения Пражско-Моравской епископии, и этот вопрос, по всей видимости, обсуждался на съезде в Кведлинбурге, поскольку Болеслав II явился туда лично. Восточные границы нового диоцеза не могли не интересовать и посланцев Ярополка. Мы не знаем, вынашивались ли в Киеве планы возврата в обозримом будущем карпатских земель, или там стремились только не допустить дальнейшего продвижения чешских дружин на восток. Однако ясно, что в том и другом случае Ярополку было важно заручиться поддержкой Оттона I против Болеслава II, являвшегося вассалом германского императора.

Неизвестно, как откликнулся Оттон I на предложения Киева. В том же 973 г. он умер. Но обстоятельства сложились так, что в самом скором времени германская сторона сама должна была проявить живейшую заинтересованность в союзе с Русской землей, направленном против Чехии. Едва Оттон II успел освоиться с положением самодержавного «императора римлян», как в июне 974 г. баварский герцог Генрих II Сварливый поднял против него мятеж. Болеслав II и польский князь Мешко (Мечислав) I присоединились к непокорному вассалу императора. В этой ситуации Оттон II безусловно испытывал острую нужду в союзниках, и его обращение к Ярополку с предложением создания античешской коалиции выглядит с точки зрения сложившейся расстановки сил вполне естественным и закономерным.

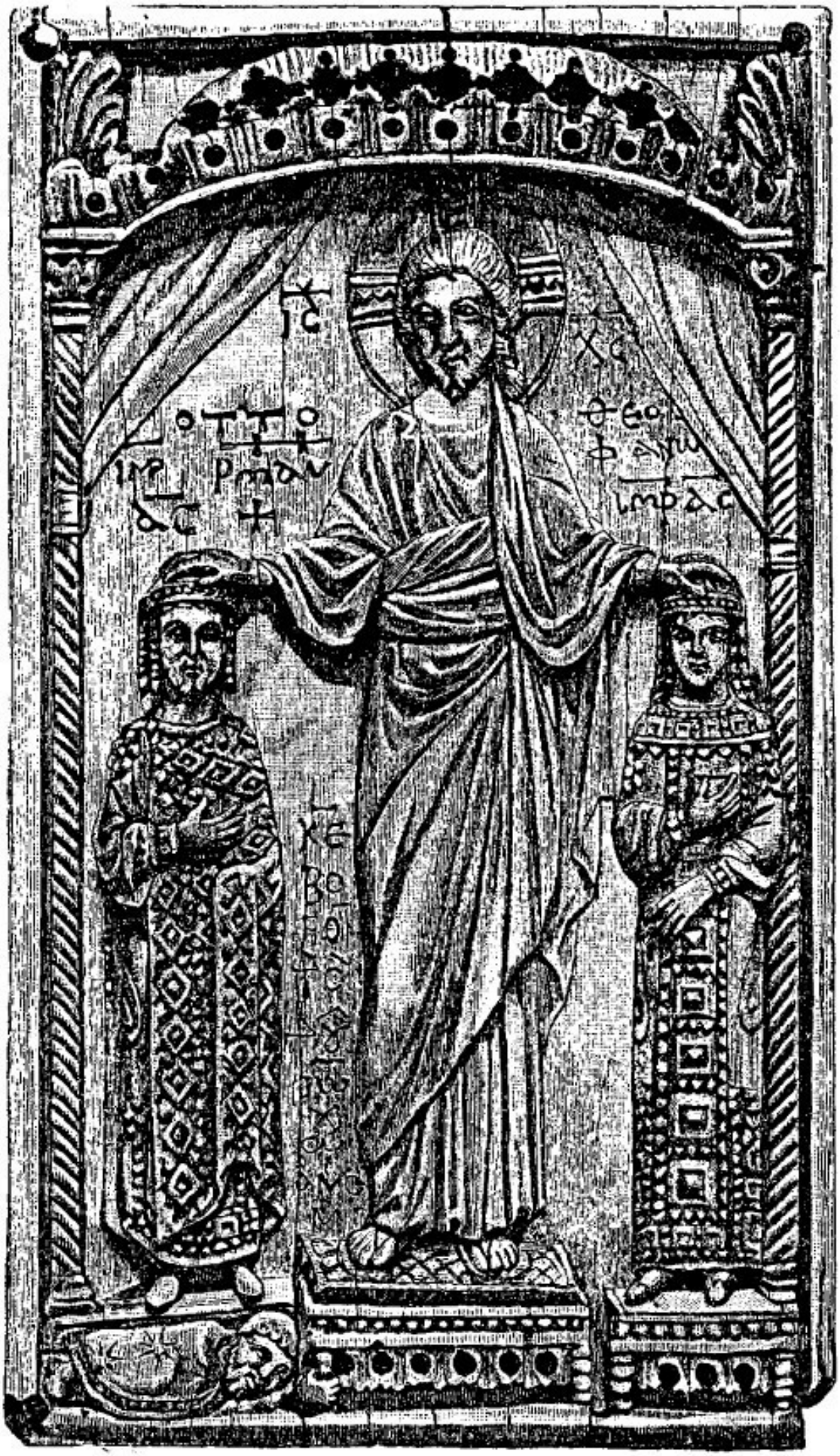
---

[25] Исторические обстоятельства, обусловившие возникновение конфликта трех Святославичей, приоткрылись сравнительно недавно благодаря исследованиям А.В. Назаренко. Для лучшего освещения этой темы, представленной в русских летописях лишь отрывочными данными полулегендарного происхождения, ученый привлек дополнительные источники, которые и помогли «обнаружить стержень, логическую ось событий, развернувшихся на Руси после гибели Святослава Игоревича» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 361–373).

Свидетельство о русско-немецких переговорах 974/975 г. и их благоприятном исходе содержится в «Генеалогии Вельфов», составленной около 1125 г. В этом родословном списке могущественного швабского рода упоминается между прочим некий «знаменитейший граф Куно из Энингена» и его многочисленное семейство, в том числе четыре дочери, одна из которых, Ита фон Энинген, во второй половине 70-х гг. X в. вышла замуж за графа Рудольфа Вельфа, другая, не названная по имени, стала женой «короля Руси» (regi Rugorum) Ярополка[26]. В настоящее время установлено, что Куно из Энингена – это реальное историческое лицо, граф Конрад (Куно – латинская форма этого имени, Chuono, Chuonis) фон Энинген, с 983 г. – герцог швабский[27].

[26] В отечественной историографии распространена ошибочная гипотеза видного генеалога «Рюриковичей» Н.А. Баумгартена, который отождествил «короля Руси» с князем Владимиром (его статьи на эту тему были опубликованы в 1927–1930 гг. в римском журнале Orientalia Cristiana на французском языке). В подкрепление своего мнения Баумгартен сослался на известие Титмара Мерзебургского о том, что в 1018 г. в руки польского князя Болеслава I Храброго, захватившего Киев, попала мачеха князя Ярослава Владимировича. Поскольку византийская супруга Владимира, царица Анна, умерла, согласно летописи, в 1011 г., ученый посчитал, что под «мачехой» Ярослава скрывается дочь графа Куно, ставшая женой «короля Руси» Владимира между 1012 и 1015 гг. На капитальные недостатки этой теории указал А.В. Назаренко (см.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 310–311; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 362). По внутренней хронологии «Генеалогии Вельфов» русский брак дочери Куно должен был прийтись на вторую половину 970-х гг. Ведь Куно именуется там графом, а не герцогом (последний титул был ему пожалован только в 983 г.). Следовательно, составитель «Генеалогии Вельфов» в этой части своего труда воспользовался каким-то документом, написанным до 983 г. Нельзя не учитывать и того, что в 1012 г. этой дочери Куно должно было исполниться не меньше 35–40 лет – возраст, совсем не подходящий для династического брака, тем более с Владимиром – государем, известным в качестве большого знатока женских прелестей.

[27] См.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 310; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 362.



Оттон II и его супруга Феофано, благословляемые Христом. Париж. Музей Клюни

Когда в 975 г. дело дошло до открытого столкновения Оттона II с Болеславом II, Конрад выступил на стороне императора и активно поддерживал его в течение всей германо-чешской войны, продлившейся до 977 г. Таким образом, сам выбор невесты для Ярополка доказывает, что античешский союз Германии и Руси все-таки состоялся. Посредством брака с дочерью Конрада Ярополк вошел в близкое свойство с императорской семьей, так как энингенский граф, если верить родословной Вельфов, приходился зятем Оттону I[28]. Надо заметить также, что, по всей вероятности, в 974/975 г. была оглашена лишь помолвка (вероисповедальных различий между женихом и невестой, как будет показано далее, не было), тогда как отправка невесты Ярополка в Киев состоялась, очевидно, в 977 г., после окончания войны с Болеславом II.

Заключение германо-киевского соглашения 974/975 г., скрепленного женитьбой Ярополка на дочери имперского графа, возвращает нас к проблеме датировки полоцкого сватовства Ярополка и Владимира. Теперь мы видим, что последнее событие не могло иметь место позже 974 г., ибо Ярополк, разумеется, не стал бы добиваться руки Рогнеды, будучи обручен с родственницей государя христианского Запада, так как подобное поползновение на двоеженство немедленно разрушило бы все надежды на престижный династический союз.

Опасность быть зажатым между двух огней побудила Болеслава II, в свою очередь, начать поиск союзников. И он скоро нашел их. Ими стали братья Ярополка – Олег и Владимир, в чьих биографиях прослеживаются более или менее прочные связи с Чехией.

В одном из своих сочинений по истории Моравии (Zrdcadlo slavneho Margkrabstwij Morawskeho, 1593) чешско-польский историк Бартоломей (Бартош) Папроцкий, ссылаясь на находившиеся у него под рукой «анналы русские и польские», пишет о некоем русском князе, сыне «Колги Святославича» и племяннике князей Ярополка и Владимира. Жизни Колги/Олега грозила опасность со стороны его брата Ярополка, поэтому он отправил своего сына в Чехию. Впоследствии Колга был убит Ярополком, а его спасенный сын стал родоначальником моравского рода Жеротинов[29]. Эти события почему-то датированы Папроцким 861 г., но речь, несомненно, идет о междоусобной брани Святославичей во второй половине 70-х гг. X в.

Безымянный Ольгович, переправленный отцом в Чехию, по всей видимости, существовал в действительности, и память о нем некоторое время жила в чешско-моравских летописях. Иначе трудно объяснить, каким образом он попал в пращуры Жеротинов, ведь специально измышлять в генеалогических целях столь незначительную фигуру им не было никакого смысла[30]. Олег, судя по всему, был ненамного моложе Ярополка, и потому вполне мог в 975–977 гг. иметь младенца-наследника. Категорически отвергнуть такую возможность, во всяком случае, нельзя. Доверить своего сына Олег безусловно мог только друже-

---

[28] В «Вайнгартенской истории Вельфов» (60-е гг. XI в.) дочь императора, вышедшая замуж за Куно, носит имя Рихлинт. Однако женское потомство Оттона I хорошо известно, и дочери с таким именем среди него нет. Тем не менее Куно/Конрад фон Энинген, по-видимому, в самом деле состоял в довольно близком родстве с императорской семьей, так как его сын, швабский герцог Херманн II, серьезно претендовал на королевский трон Саксонии, опустевший в 1002 г. после смерти бездетного Оттона III, внука Оттона I и последнего представителя Саксонской династии (см.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 309; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 371–372).

[29] См.: *Флоровский А.В.* Русское летописание и Я.А. Коменский // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 313–314.

[30] Жеротины, напротив, желали происходить от знаменитых государей. Известно их притязание на родство даже с византийскими императорами, хотя и все равно через русское посредство – по Изяславу, князю полоцкому, ошибочно считавшемуся в то время сыном князя Владимира от византийской царевны Анны (см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 369; *Флоровский А.В.* Русское летописание. С. 315).

ственной стране. Стало быть, даже если отнестись к сообщению Папроцкого с известной долей осторожности, налицо факт достаточно близких отношений Олега с Болеславом II.

Что до Владимира, то имеется прямое указание летописи на два его чешских брака (статья под 980 г.). В росписи Владимировых сыновей, рожденных от «водимых» (законных) жен, читаем, что от одной «чехини» он «роди» Вышеслава, «а от другое – Святослава[31] и Мьстислава». В.Н. Татищев приводит имена этих женщин: Малфрид и Адил, которое он считает искаженным от Адельгейда[32]; польский историк XV в. Ян Длугош пишет только об одной «чехине». В другом месте Повести временных лет Вышеслав назван «старейшим» сыном Владимира, что делает вероятным его рождение в 975–978 гг., то есть именно в интересующее нас время. Ведь как раз тогда Владимиру, по нашим расчетам, исполнилось 18–20 лет.

Однако точно ли матерью Вышеслава была «чехиня»? Формальным поводом для сомнений на этот счет служит то обстоятельство, что во второй половине X в. Чехия имела официальный статус христианской державы. Между тем Владимир в середине 70-х гг. X в. не только оставался язычником, но и был уже женат на Рогнеде. Как же мог состояться брак между язычником-многоженцем и христианкой? Тем не менее такая возможность совсем не исключена.

Болеслав I Храбрый выкупает у пруссов останки святого Адальберта-Войтеха. Бронзовый барельеф на дверях собора в Гнезно

[31] А.В. Назаренко обращает внимание на дальнейшую судьбу Святослава, отраженную в «Сказании и страсти и похвале святую мученику Бориса и Глеба»: «Его бегство в 1015 г. от Святополка почему-то именно к «горе Угорьстеи», т. е. к Карпатам, как будто косвенно подтверждает летописную версию» его происхождения (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 366). Но, согласно известию «Повести об убиении святых новоявленных мучеников Бориса и Глеба», повторенному Ипатьевской летописью, Святослав Владимирович пытался укрыться совсем не в Чехии: «бежащу ему в угры», то есть к венграм.

[32] См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. ИЗ, 119.

Языческое многоженство было одной из самых жгучих и вместе с тем самых деликатных проблем, с которыми христианство сталкивалось в процессе обращения «варварских» германо-славянских народов Европы. Христианское воззрение на семью приживалось с величайшим трудом, вследствие чего христианское духовенство, дабы не отпугнуть неофитов и колеблющихся чрезмерной суровостью своих требований, сплошь и рядом было вынуждено идти на скандальные попущения традиционным обычаям и закрывать глаза на вопиющие нарушения церковных правил, регулировавших супружеские отношения. На территории

Чехии и Моравии подобное невмешательство Церкви в повседневную жизнь паствы стало почти что нормой. По свидетельству Паннонского жития Кирилла и Мефодия, католические священники («латиньстии и фряжестии архиереи с иереи»), просвещавшие моравских славян одновременно с солунскими братьями, «не браняху [не запрещали] же жертв творити по перьвому [языческому] обычаю, ни женитьб бещисленных творити».

Во второй половине X в. положение дел ничуть не изменилось. По словам немецкого историка XIX в. В. Гизебрехта, «ночь идолопоклонства еще так широко распространялась над страной», что даже сам Болеслав II, оставшийся в истории с прозвищем Благочестивый, порой остывал «в усердии к христианской вере»[33]. Пражский епископ Адальберт-Войтех, чех по происхождению, незадолго до своей мученической кончины в 997 г., серьезно полагал, что чехи отпали от христианства и вернулись к языческим порядкам, едва ли не поголовно погрязну в в многоженстве. Его отвращение к нравам своих соотечественников было таково, что он даже не желал оставаться их пастырем и с величайшей радостью воспринял разрешение папы оставить пражскую кафедру для миссионерской деятельности среди пруссов.

На этом историческом фоне летописная запись о женитьбе Владимира на «чехине» выглядит достаточно правдоподобной, тем более что примеры подобных браков христианки и язычника в истории есть. Незадолго перед тем (в 965 г.) не кто иной, как чешский князь Болеслав I, отдал свою дочь Домбровку (сестру Болеслава II) за польского князя Мешко I, тогда еще косневшего в язычестве. Здесь возникает закономерный вопрос: а не могла ли Владимирова «чехиня» тоже быть родственницей чешского князя, чешской княжной, как сказано у польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского? Однако состояние источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку.

Таким образом, направленному против него киевско-немец-кому союзу Болеслав II противопоставил чешско-древлянско-новгородский альянс. Создание подобных коалиций было вполне в духе дипломатии Болеслава. Так, он неоднократно заключал соглашение с язычниками-лютичами для войны против христианской Польши и самой Священной Римской империи.

Из двух младших Святославичей Болеслав II, разумеется, больше всего рассчитывал на Олега. Само географическое положение Древлянской земли делало ее естественным буфером между карпатскими провинциями Чешского княжества и Киевом. Вот почему, вместо того чтобы оказать военную поддержку Оттону II, Ярополк вынужден был совершить поход на Овруч, закончившийся смертью Олега, а Владимир, узнав о гибели брата-союзника, «убоявся бежа за море» – поступок ничем не мотивированный в летописи и находящий объяснение только в свете международной обстановки 70-х гг. X в.[34]

---

[33] Цит. по: *История* Средних веков / Сост. М.М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 688.

[34] См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 370.

Братья-христиане

У истории борьбы Ярополка и Олега был еще один важный аспект. Впервые в летописи Русской земли руку друг на друга подняли не просто кровные братья, но также и братья во Христе.

В вопросе о вероисповедании сыновей Святослава Повесть временных лет проявляет удивительную избирательность, вполне определенно высказываясь только об одном из них – Владимире, который изображен жестоким язычником. Относительно религиозной принадлежности двоих других братьев странным образом умалчивается.

Однако в великокняжеской семье жило устойчивое предание об особой наклонности Ярополка и Олега к христианству. Только этим можно объяснить загадочную летописную запись под 1044 г., когда по приказу племянника погибших, князя Ярослава I Владимировича, состоялось перезахоронение и крещение (!) их останков: «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею и положиша я в церкви святыя Богородица».

Краткий хроникальный характер этого известия служит порукой его достоверности. Не касаясь здесь любопытной самой по себе обрядовой стороны совершенной церемонии, остановимся лишь на ее символическом смысле. В официальной церковной литературе ничего похожего мы не найдем. Единственное соответствие можно извлечь из одного апокрифического произведения. Это – сказание о двойном крещении костей Адама: водами Иордана и кровью Христа, пролитой на Голгофе. Сравнение сюжета апокрифа с обрядом перезахоронения останков Ярополка и Олега приводит к выводу, что «в том и другом случае символически выражена идея предуготованности к крещению»[35].

В том, что действия Ярослава в 1044 г. опирались на альтернативную по отношению к Повести временных лет историческую традицию, для которой было характерно подчеркивание сочувствия Ярополка и Олега христианству, убеждает уникальное известие Иоакимовской летописи: «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяше христианы, и асче сам не крестися народа ради, но никому же претяше»[36]. Очень скоро (вероятно, во второй половине 40-х гг. XI в.) последовала и окончательная христианская реабилитация обоих братьев Владимира, когда их именами были наречены два внука Ярослава – Ярополк Изяславич и Олег Святославич. Это означало, что древнерусские имена Ярополк и Олег были включены в родовой княжеский именослов, «очищенный» от языческих воспоминаний и ассоциаций.

Так, к середине XI в. в древнерусском обществе возобладало воззрение на Ярополка и Олега как на своеобразных предтеч крестителя Руси Владимира, покровителей христианства, хотя хранители исторических преданий и были уверены в том, что дяди Ярослава умерли не просвещенные святым крещением. Однако так ли это?

Наши летописи в один голос утверждают, что Ярополк и Олег в детстве находились на попечении их бабки, княгини Ольги; у Святослава после 965 г. просто не было возможности заниматься их воспитанием, так как его почти не видели в Киеве. Влияние Ольги на духовное развитие внуков, надо полагать, было весьма сильным, и, например, Е.Е. Голубинский допускал, что если бы Ярополк «жил долее, то очень может быть, что не Владимир, а он был бы крестителем всей Руси»[37], а А.В. Карташев убежденно писал, что «в отсутствие Свято-

---

[35] *Мильков В.В., Милькова С.В.* Апокрифическое выражение мифологических воззрений. М., 1997. С. 205.

[36] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 111.

[37] *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Изд. 2-е. Т. I. М., 1901 (репринт: М., 1997). С. 92–93.

слава старший сын его Ярополк, воспитываемый бабкой Ольгой, слагался в князя-христианина и будущего крестителя всего народа»[38].

Действительно, трудно представить, что Ольга, потерпев неудачу с обращением сына, не попыталась обеспечить историческую преемственность своего дела посредством крещения внуков. И скорее всего, соответствующий обряд был совершен над ними безотлагательно. Но после ее смерти в 969 г. христианское воспитание Ярополка и Олега было резко и грубо оборвано. Святослав был воинствующий язычник: убивая перешедших в христианство Ольгиных «вельмож» и разрушая церкви, он не остановился даже перед тем, чтобы казнить брата-христианина Глеба. Конечно, он не поцеремонился и с сыновьями, заставив их вернуться к языческому культу. Думаю, что легенда о жене-гречанке, присланной Ярополку отцом, сложилась на основе исторических воспоминаний о нелегком положении сыновей Святослава в 969–971 гг., ибо отцовское предложение жениться именно на «чернице» нельзя расценить иначе, чем явно выраженное намерение предать поруганию христианские каноны благочестивой жизни и поглумиться над религиозными чувствами сына, вытравить из Ярополка бабкин дух[39]. Само предание с исторической стороны ненадежно, но его религиозный (антихристианский) подтекст безусловно следует принять во внимание.

Языческая реакция при Святославе была слишком краткой по времени, чтобы быть действенной, и после гибели князя все возвратилось на круги своя. Ярополк и Олег с облегчением возобновили исповедание привитой им с детства христианской религии. Церковные правила не предусматривают вторичного крещения вероотступников, желающих вернуться в церковную ограду, – для этого им достаточно покаяться и причаститься. Вероятно, поэтому факт крещения Ярополка и Олега, имевший место в их далеком детстве, со временем позабылся. И все-таки мы можем настаивать на том, что оба князя умерли христианами. Вспомним, что в 1044 г. Ярослав «выгребоша» их «кости». Успешная эксгумация останков Ярополка и Олега могла состояться только в том случае, если их тела при захоронении не подверглись языческому сожжению. Следовательно, можно утверждать, что Ярополк похоронил погибшего брата тем же обычаем, каким впоследствии был погребен и сам, – в подкурганной могиле, головой на запад, то есть совершенно так же, как во второй половине X в., согласно археологическим материалам, было погребено большинство жителей Русской/Киевской земли, – в полном соответствии с требованиями христианской религии.

Касательно Ярополка есть и другие свидетельства того, что после 971 г. он открыто порвал с язычеством. В этой связи весьма интересна дата вокняжения князя Владимира – 11 июня 978 г., указанная в «Памяти и похвале» Иакова Мниха: «И седе в Киеве князь Володимер… месяца июня в 11, в лето 6486 [978 г.]. Крести же ся князь Володимер в десятое лето по убьении брата своего Ярополка». Для летописно-житийной хронологии она не совсем обычна. Дело в том, что все полно датированные события древнерусской истории X – первой половины XI в. так или иначе относятся к событиям *церковным*, как, например, кончина Ольги (11 июля 969 г.), убиение варягов-мучеников (12 июля 983 г.), освящение церкви Святой Богородицы (12 мая 996 г.), смерть Владимира (15 июля 1015 г.), мученическая кончина Бориса и Глеба (24 июля и 5 сентября 1015 г.) и т. д.[40] В этом длинном ряду точных хронологических записей только 11 июня 978 г. стоит особняком, фиксируя чисто светское событие. Это наводит на мысль, что на самом деле дата вокняжения Владимира является датой

---

[38] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2000. С. 129.

[39] Курьезным выглядит мнение А.В. Карташева, что «красивая гречанка-христианка» была приведена Ярополку в качестве «достойной невесты» *(Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 129). Поиск супруги среди монашек – весьма одиозный поступок для человека, который «слагался в князя-христианина» и «любяше христианы».

[40] См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 378. Светские события начинают отмечаться в летописи полными датами лишь с 1061 г.: «В лето 6569. Приидоша половци первое на Русскую землю воевати, Всеволод же изыде противу им, месяца февраля в 2 день…»

смерти Ярополка, взятой Иаковом Мнихом из какой-то церковной записи о его кончине и приуроченной им к истории княжения Владимира, так как дата 11 июня появляется в тексте «Памяти и похвалы» сразу после известия об убийстве Ярополка, а «в следующей же за этой датой фразе крещение Владимира датировано десятым годом не от вокняжения его (что было бы понятно), а от гибели Ярополка»[41].

Догадку о существовании в Древней Руси церковных записей с пометами не только даты смерти, но и времени крещения Ярополка подкрепляет сообщение Пискаревского летописца под 980 г.: «Бысть княжения Ярополча 50 лет, а во крещении княжив 17». Здесь важны не конкретные хронологические выкладки, а сама методика их составления (высчитаны годы от крещения до смерти), которая предполагает использование данных некоего помянника или синодика с именем Ярополка. Причем, если общее количество лет его княжения совершенно несуразно, то продолжительность христианского жития Ярополка приблизительно совпадает с его вероятным возрастом на момент смерти, и это обстоятельство можно поставить в связь с высказанным выше предположением, что Ольга крестила своих внуков еще в пору их младенчества.

Но, пожалуй, решающим доводом в пользу принадлежности Ярополка к числу христианских государей своего времени служит известие «Генеалогии Вельфов» о женитьбе «короля Руси» на дочери Куно фон Энингена. Понятно, что в Священной Римской империи попросту не стали бы рассматривать возможность такого брака, продолжай Ярополк и после смерти отца придерживаться язычества[42].

---

[41] Там же.

[42] В средневековой западноевропейской агиографии есть произведение, иногда используемое для решения вопроса о крещении Ярополка и которое, однако, я не нахожу возможным привлечь в качестве источника в рамках данной темы. Тем не менее обойти его молчанием нельзя. Речь идет о Житии блаженного Ромуальда, написанном около 1030 г. итальянским кардиналом Петром Дамиани, епископом Остии (умер в 1072 г.). Рассказывая об учениках святого мужа, автор входит во многие подробности жизни одного из них, наиболее любимого Ромуальдом, – святого Бруно (в монашестве Бонифация) Кверфуртского – и, в частности, приводит довольно пространный эпизод его миссионерской проповеди на Руси.Побывав в стране какого-то языческого народа (по известиям других писателей, это была Венгрия), Бруно отправился оттуда на Русь, где «принялся настойчиво и неотступно проповедовать». Но «король Руси» (rex Rus-sorum) оставался глух к его словам и потребовал от пришельца чуда, которое, разумеется, тотчас и было ему предъявлено – на глазах у всего народа Бруно, в роскошном епископском облачении, со святой водой и возженной кадильницей в руках, шагнул в разложенный для него огромный костер «и вышел совершенно невредимым, так что не видно было даже ни единого обгоревшего волоса». После этого все присутствующие немедленно крестились, а король даже выразил желание «оставить королевство сыну, дабы не разлучаться с Бонифацием до конца своих дней».Однако дальнейшим успехам Бруно в деле просвещения жителей Руси помешали неожиданно возникшие затруднения. У «короля Руси» было два брата. И вот, «брат короля, живший совместно с ним, не захотел уверовать и потому в отсутствие Бонифация был убит королем. Другой же брат, который жил уже отдельно от короля, как только к нему прибыл блаженный муж, не пожелал слушать его слов, но, пылая на него гневом за обращение брата, немедленно схватил его. Затем из опасения, как бы король не вырвал Бонифация из его рук, если он оставит его в живых, он приказал обезглавить [святого] на своих глазах и в присутствии немалой толпы». Но тут всех свидетелей казни хватил столбняк, а брат короля к тому же и ослеп. И только приняв крещение по совету «короля Руси», прибывшего отомстить за Бруно, участники расправы над святым мучеником получили прощение свыше, а вместе с ним и исцеление.Нетрудно заметить, что политическая обстановка в Русской земле, которую застает Бруно, сродни действительному положению дел в 70-х гг. XI в.: имеется «король Руси» (Ярополк, сидящий на великокняжеском столе в Киеве) и два его брата – один, живущий «совместно с ним» (Олег, в Древлянской земле), другой – «отдельно от короля» (Владимир, в Новгороде). Дальнейшие события, за исключением финала, также развиваются по летописной канве: «король Руси» убивает «ближнего» брата, а затем вступает в борьбу с «дальним». Вместе с тем участие Бруно в обращении трех Святославичей в 70-х гг. X в. является обескураживающим анахронизмом, ибо этот достаточно хорошо известный и весьма деятельный миссионер родился около 976 г., а на Руси побывал только в 1008 г., при князе Владимире, – факт, засвидетельствованный в личном письме Бруно к императору Генриху II. Удовлетворительно объяснить причины, по которым Петр Дамиани усвоил ему роль крестителя Ярополка, никак не удавалось.Тем не менее с тех пор, как Житие святого Ромуальда вошло в научный обиход, время от времени предпринимались попытки приписать принятиеЯрополком христианства католическому влиянию. Так, В.А. Пархоменко полагал, что Ярополк примерно за год до смерти крестился по обряду Римской церкви. Спасти же историческую достоверность известия Петра Дамиани о крещении «короля Руси» Бруно-Бонифацием исследователь пытался при помощи предположения, что в данном случае мы имеем дело с искаженным воспоминанием о деятельности на Руси в 70-х гг. X в. безвестных католических миссионеров (см.: *Пархоменко В А.* Начало христианства на Руси: Очерки из истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913. С. 162–164). Этот довод почти слово в слово был повторен А.В. Назаренко, который, однако, постарался конкретизировать личности этих безымянных немецких монахов: «Думаем, что эти миссионеры

Из всего вышеизложенного следует, что когда в 974/975 г. послы Оттона II вели переговоры с Ярополком о союзе и династическом браке, они видели перед собой не язычника,

входили в посольство Оттона II к Ярополку, которое вело переговоры о военном союзе и возможном браке юного киевского князя с дочерью графа Куно «из Энингена», родственницей императора. Ярополк согласился и на союз, и на брак, приняв как следствие крещение от миссионеров, сопровождавших посольство» (*Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 379).На это можно возразить, что ни о каких попытках обращения русских князей в христианство западными миссионерами после миссии Адальберта к княгине Ольге в 961–962 гг. источники не знают (правда, Никоновская летопись под 979/980 г. сообщает: «Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы», однако цели папского посольства остаются неясны). И затем, гипотеза, будто в образе Бруно-Бонифация как бы персонифицировались личности неких оставшихся неизвестными предшественников, противоречит выводам историко-филологической критики, которая утверждает совершенно обратное, а именно, что для Петра Дамиани и других современных ему агиографов характерна тенденция смешивать Бруно-Бонифация Кверфуртского с *известными* церковными деятелями того времени – Адальбертом-Войтехом Пражским, Бруно Аугсбургским, Бруно Ферденским. Этой путанице в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в средневековой литературе Бруно Кверфуртский фигурировал под двумя именами: в немецкой традиции – под именем Бруно, в итальянской – под именем Бонифаций, которое он принял уже в Италии при пострижении в римском монастыре Святых Бонифация и Алексия. «Тождественность обоих святых была установлена только наукой нового времени» *(Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 347–350).Вот здесь-то, как мне кажется, и нужно искать ключ к разгадке анахронизмов «русского фрагмента» в Житии блаженного Ромуальда.Прежде всего заметим, что сообщение Петра Дамиани о крещении Руси Бруно-Бонифацием вряд ли является преднамеренным вымыслом. Скорее речь может идти о неверном перетолковании какого-то реального факта, успевшего в течение первой трети XI в. закрепиться в житийной традиции, связанной с личностью Бруно Кверфуртского. Выявить источник ошибки помогает Хроника ангулемского монаха Адемара Шабаннского (ум. до 1034 г.), который тоже касается миссионерской деятельности Бруно и между прочим пишет следующее: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Русью. Он крестил короля Венгрии по имени Геза, которого в крещении, переменив имя, назвал Стефаном… Упомянутый король велел святому Бруно окрестить также и своего сына [Вайка], дав ему имя, подобно своему – Стефан».!]Здесь пребывание Бруно на Руси совершенно сознательно отнесено к времени до официального крещения Руси князем Владимиром, так как дальше у Адемара сказано: «Спустя некоторое время на Русь прибыл один греческий епископ и обратил ту половину страны, которая еще оставалась предана идолам, и заставил их принять греческий обычай ращения бороды и прочее». Кроме того, Адемар делает Бруно современником аугсбургского епископа Ульриха, умершего в 973 г., и приписывает ему обращение венгерского короля Гезы и его сына Вайка (будущего Иштвана/Стефана I), тогда как в действительности Бруно Кверфуртский виделся только с последним, во время посещения Венгрии в 1007 г., то есть спустя много лет после крещения Гезы и Вайка, состоявшегося где-то во второй половине 970-х гг.Анахронизмы Адемара, как видим, вполне аналогичны хронологической неувязке у Петра Дамиани, который также перенес миссионерскую деятельность Бруно Кверфуртского в 70-х гг. X в. Но текст ангулемского хрониста позволяет вместе с тем обнаружить корень недоразумения. Совершенно очевидно, что Адемар просто перепутал Бруно Кверфуртского с другим Бруно, возглавлявшим в 962–976 гг. Ферденскую кафедру. Между 973 и 976 гг. Бруно Ферденский вместе с Пильгримом, епископом Пассаусским, посетили Венгрию в составе имперского посольства, которое, по всей видимости, и имело своим следствием обращение Гезы и его сына, поскольку святой Стефан, чьим именем были наречены венгерские государи, был патрональным святым Пассаусской кафедры (по другому преданию, Геза решил креститься, поддавшись уговорам своей жены Адельгейды, сестры польского великого князя). Таким образом, подвиги Бруно Кверфуртского во славу Божию на земле Венгрии оказываются взятыми из биографии его ферденского тезки.Но как быть с «Русью»? Ведь и Адемар не отказывает Бруно в чести быть «русским апостолом». Так можно ли утверждать, что и в этом случае сквозь послужной список Бруно Кверфуртского просвечивают реальные факты жизни Бруно Ферденского? Однако последний никогда не бывал в Киевской Руси.Чтобы все встало на свои места, мы должны прежде уточнить: собственно, о какой Руси идет речь у Адемара? Вопрос законен не только с исторической стороны (средневековая Европа знала множество «Русий»), но также и со стороны текстологической. Вернемся к показанию Адемара: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Русью». Переводчики этого текста традиционно отделяют Венгрию от Руси разделительным союзом «и», которого нет в оригинальном тексте. Делается это на том основании, что сохранение буквального смысла слов оригинала («Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provintiam aliam, que vo-catur Russia») «заставило бы предполагать, что в представлении Адемара Русь составляла одну из «областей» Венгрии» *(Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 343). Между тем буквальное прочтение как раз и является правильным. Венгрия действительно имела в своем составе «Русскую область» – земли карпатских русин (которые и сегодня присутствуют в виде компактной этнической группы среди венгерского населения). В XI–XII вв. эту «Русь» передавали во владение (на правах феодального лена) наследникам венгерского престола, благодаря чему последние носили официальный титул «герцог русов». Ее-то и мог посетить Бруно Ферденский во время своей поездки по Венгрии.Теперь мы можем, наконец, подвести итоги. Занимаясь составлением жизнеописания Бруно Кверфуртского, Адемар и Петр Дамиани опирались на уже существовавшую традицию (если только Адемар не был ее зачинателем), которая по неведению отождествляла Бруно-Бонифация с Бруно Ферденским, чему, в частности, способствовали схожие факты их биографий: оба они в свое время посетили Венгрию и Русь (каждый – свою). По законам житийного жанра, требовавшим от агиографа всемерного прославления деяний святого, при наложении друг на друга венгеро-«русских» похождений обоих Бруно за основу была взята миссионерская деятельность Бруно Ферденского, ибо Бруно Кверфуртский подвизался в Венгрии и Киеве без особого блеска. Таким образом Бруно-Бонифаций сделался участником событий 70-х гг. Хв,,как того требовали хронологические рамки епископского служения Бруно Ферденского. В дальнейшем, когда «русская» линия миссионерского служения Бруно Кверфуртского получила более подробное сюжетное развитие, она была вплетена в реальную историческую ситуацию на

согласного из политических выгод внимать их наставлениям в вере, а молодого христианского государя, воспитанного в духе кирилло-мефодиевской традиции и намеревавшегося ввести Русскую землю в круг христианских держав Европы.

Однако времени на это у него уже почти не было.

Руси после гибели Святослава – результат этого литературного творчества мы видим у Петра Дамиани. Однако и здесь, как кажется, не обошлось без обращения к «первоисточнику» – жизни Бруно Ферденского. Мы помним, что у Дамиани «король Руси» имеет наследника. Между тем у Ярополка не было детей. Зато адемаровский Бруно (то есть исторический Бруно Ферденский) обращает в христианство Гезу и его сына Вайка. Так напоследок выясняется, что и крещенный Бруно «король Руси» имеет к историческому Ярополку весьма отдаленное отношение.По этим причинам я не думаю, чтобы сочинение Петра Дамиани годилось для каких бы то ни было реконструкций истории христианства на Руси в 70-х гг. X в. А без этого источника гипотеза Пархоменко – Назаренко теряет под собой всякую почву. Имея такую бабку, как княгиня Ольга, Ярополк совершенно не нуждался в духовном посредничестве «безвестных немецких миссионеров».

Глава 4 Захват Владимиром Киева

Внешняя политика Ярополка

Между тем ничто не предвещало близкого конца. Напротив, последние годы княжения Ярополка были ознаменованы событиями, которые, казалось, свидетельствовали о непрерывном росте могущества и славы юного державца Русской земли.

По сообщению Никоновской летописи, Ярополк совершил поход против печенегов. Мы не знаем, было ли это возмездием за убийство Святослава, или Ярополк хотел обезопасить свой тыл перед открытым выступлением против Болеслава II. А может быть, гибель Олега и бегство Владимира «за море», случившиеся, вероятно, в 975/976 г., вынудили чешского князя прибегнуть к последнему средству защиты и бросить подкупленных печенегов на Киев, чтобы задержать неизбежное появление на Карпатской земле русских дружин? Короткая летописная строка говорит только, что степные орды были рассеяны русской ратью: «победи Ярополк печенеги, и возложи на них дань». Сокрушительное поражение произвело такое впечатление на печенежских ханов, что один из них, по сообщению того же источника, поспешил отдаться под Ярополкову руку: «Прииде Печенежьский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу; Ярополк же приат его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице».

Тогда же возобновились дружественные отношения с Византийской империей, причем по инициативе греческой стороны. Прибытие в Киев послов «от греческого царя» русские летописи (Воскресенская и Никоновская) датируют 979 г., но, сообразуясь с известиями византийских хронистов, нужно признать более вероятным 977 г.

10 января 976 г. в Константинополе произошла очередная смена власти. В этот день умер Иоанн Цимисхий. Ходили слухи, что его отравили. И в самом деле, император покинул этот мир удивительно вовремя, ибо двум законным (порфирородным) наследникам трона, василевсам Василию II и Константину VIII, сыновьям умершего в 963 г. Романа II, как раз исполнилось соответственно 18 и 16 лет[43].

По обоюдному согласию братья не стали делить самодержавную власть, и всю тяжесть правления взял в свои руки старший, Василий; Константин, который, по словам византийского историка XI в. Михаила Пселла, «всем казался безвольным прожигателем жизни, будучи человеком легкомысленным и склонным к развлечениям», только унаследовал титул императора. Впрочем, и Василий II, как свидетельствует тот же писатель, поначалу «вполне пользовался своим юным возрастом и царским положением», считая своим уделом «легкомысленные царские развлечения и отдых». Распорядителем всех дел при нем стал опытный царедворец, евнух паракимомен[44] Василий, которому царственные братья приходились внучатыми племянниками. Этот незаконный сын императора Романа I Аакапина (920–944), некогда оскопленный в интересах безопасности династии, привык стоять у кормила государственной власти, будучи на протяжении долгих лет бессменным «первым министром» при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии.

Однако очень скоро Василию II пришлось оставить пиры и любовные интрижки и заняться куда более серьезными делами. Паракимомен Василий стремился убрать с веду-

[43] Василий II и Константин VIII считались василевсами со дня смерти отца. На тот момент им было 5 и 3 года соответственно. Поэтому фактическая власть долгое время принадлежала их соправителям: сначала Никифору Фоке (963–969), а затем Иоанну Цимисхию (969–976).

[44] *Паракимомен* – высшая придворная должность, доступная евнухам. В обязанности паракимомена входило заботиться ночью о безопасности императора, для чего ему отводилось специальное место в царских покоях.

щих государственных должностей влиятельных лиц предыдущего царствования. Наибольшие опасения ему внушал шурин покойного Иоанна Цимисхия, доместик схол Востока (командующий восточными армиями империи) Варда Склир, пользовавшийся огромной популярностью в войсках благодаря своей громкой военной репутации, приобретенной в русско-византийскую войну 970–971 гг. Заслуженный полководец внезапно был смещен с должности доместика схол и назначен простым дукою (губернатором) отдаленной Месопотамской фемы. Это вызвало (или, быть может, ускорило) открытое восстание. Летом 976 г., едва вступив на землю Месопотамии, Варда Склир провозгласил себя императором и начал приготовления к походу на Константинополь. Мятеж Склира имел далекоидущие последствия, в том числе и для Русской земли, предвидеть которые тогда не мог никто.

Получив помощь заевфратских эмиров, Склир в 977 г. овладел почти всей Малой Азией. Солдаты правительственных войск охотно переходили под его знамена. Василий II и его советник пребывали в растерянности. «Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, – пишет Михаил Пселл, – император и его приближенные решили… что погибли».

Вероятно, сознание отчаянности своего положения и побудило Василия II отправить послов в Киев. Воскресенская и Никоновская летописи не сообщают ничего существенного о ходе переговоров: «…приидоша послы от греческого царя к Ярополку, взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его». Однако известие Татищева, взятое из других летописных источников, поясняет, что речь прежде всего шла о военной помощи империи: «…пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обесчеваяся погодную дань платить, а Ярополк обесчался на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать»[45]. Достоверность этих слов находит документальное подтверждение в текстах «прежних договоров» руси с греками: «Аще ли хотети начнеть наше царство [Византия] от вас вой на противящихся нам, да пишуть к великому князю вашему, и послеть к нам, елико хощеть: и оттоле увидят иные страны, какую любовь имеют Греки с Русью» (договор Игоря, 944 г.); «Яко николи же помышлю на страну вашю и елико есть под властью гречьскою, ни на власть [волость] Корсунскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьску. Да аще ин кто помыслить на страну вашю, да и аз буду противен ему и борюся с ним» (договор Святослава, 971 г.).

Итак, греки просили «воев», и Ярополк обещал их прислать. Однако сделать это можно было не раньше следующего года, так как в 977 г. еще продолжалась война с Болеславом II, и русское войско, выполняя союзническое обязательство перед Оттоном II, по-видимому, совершило поход в чешское Побужье[46]. Германо-русский союз неуклонно брал верх над Болеславом II, который сложил оружие в конце лета – начале осени. Наступило время и германской стороне выполнить свое обещание, и, по всей вероятности, зимой 977/78 г. Ярополк встречал в Киеве свою заграничную невесту – дочь графа Куно. Следствием этого брака было дальнейшее усиление позиций христианства в Русской земле. По словам Иоакимовской летописи, Ярополк «даде Христианом волю велику»[47]. Внук Ольги с уверенностью смотрел в будущее.

К 978 г. небо на западе и юге от Киева расчистилось. И только север опять затягивался грозовой тучей.

---

[45] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 54.

[46] См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 370, 371, 381; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. С. 115–118.

[47] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112.

Владимир готовится к войне с братом

Новгород и после отъезда Владимира «за море» оставался неподвластен киевскому князю. Хотя Повесть временных лет и упоминает, будто Ярополк направил туда своих посадников, но достоверность этого известия сомнительна[48], так как оно опирается исключительно на легендарную концепцию взаимоотношений «русского юга» и «словенского севера», согласно которой Новгород находился в подчинении у Киева с конца IX в. На самом деле Новгород сохранял независимость еще и столетие спустя, как это видно из того, что в 970 г. новгородцы заполучили себе в князья Владимира не по воле Святослава, а по решению своего веча. Ярополковы посадники могли появиться в Новгороде только в результате удачного военного похода, но о подобном предприятии Ярополка нет никаких сведений, хотя, судя по всему, Владимир опасался именно такого развития событий, ибо бежал из Новгорода, ища возможности пополнить за морем свою дружину. Новгородцы между тем и не думали отрекаться от Владимира, а, напротив, обещали своему князю посильную помощь, так как из дальнейшего летописного повествования ясно, что расходы по содержанию его «варяжской» дружины взяла на себя городская казна.

Как и в случае с Рогволодом, ученые-норманнисты голословно толковали летописное «заморье», куда бежал Владимир, как указание на Скандинавию[49]. Правда, подкрепить свое мнение доказательствами они не пытались, что было бы для них и затруднительно[50], так как все наличествующие источники, которые только можно привлечь для решения данного вопроса, обнаруживают заморские следы Владимира на южном берегу Балтики, в славянском Поморье.

Возьмем одно из важнейших свидетельств, принадлежащее Титмару Мерзебургскому. Описывая Киев, он заметил, что «до сих пор» (то есть до 1018 г., когда Титмар писал эти строки) русская столица с успехом оборонялась от внешних врагов при помощи «стремительных данов». Замечание это, как видно, относится главным образом к эпохе Владимира (978—1015), и упоминание в составе его дружины «данов» раз навсегда исключает

---

[48] Археологическим подтверждением данного летописного сообщения В.Л. Янин считает находки из новгородского Троицкого раскопа – два деревянных замка-«цилиндра» для мехов со «знаками Рюриковичей», лежавшие в слоях 973 — 1051 гг. (ярусы 22–25). Один из этих княжеских знаков («трезубец») ученый усвоил Владимиру, другой Ярополку (см.: *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138–155). Однако их принадлежность к 25-му ярусу (973–991) базируется на безусловном доверии к летописному тексту, и, таким образом, система доказательств Янина сводится к тому, что одно неизвестное поверяется другим. Между тем оба предмета с равным успехом можно датировать временем Ярослава. Историческая наука пока что не может сказать, был ли у каждого русского князя свой личный родовой знак, как не установлено и то, с какими целями «знаки Рюриковичей» наносили на предметы обихода. «…Полезно помнить, – отмечает А.А. Никитин, – что в указанное время (т. е. в X–XI вв.) лично-родовой знак чаще всего являлся «знаком присутствия» владельца, оказываемого им доверия, согласия, подтверждения, т. е. не мог распространяться на продукты ремесленного производства, на оружие дружины и пр., на чем настаивают археологи» *(Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 303).

[49] См., напр.: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь; Москва, 2001. С. 66; *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 32.

[50] О скандинавах при дворе князя Владимира рассказывают две саги – «Сага об Олаве Трюггвасоне» и «Сага о Бьёрне, герое из Хитдаля». Для нашей темы они совершенно бесполезны, поскольку в обоих случаях речь идет о путешествиях на Русь отдельных лиц и вне всякой связи с походом Владимира на Киев. Малолетний Олав был привезен на Русь в конце 970-х гг. его матерью Астрид, которая бежала от дворцового переворота у себя на родине. Хотя сага и сообщает о наличии у Олава «большой дружины», но повзрослевший герой, в свою бытность на Руси, не совершает никаких других подвигов, кроме грабежа народов Восточной Прибалтики. Что касается «конунга Вальдемара», то он все это время преспокойно княжит в «Хольмгарде» (Новгороде), не имея соперника и не нуждаясь в помощи дружинников Олава. «Сага о Бьёрне» приурочивает пребывание своего героя «в Гардах» (на Руси) к 1008–1010 гг. (см.: *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнерусской летописи / / Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 224), однако исторические реалии «русского эпизода» в этом произведении соответствуют политической ситуации еще более позднего времени – борьбе Ярослава с Мстиславом в 20—30-х гг. XI в. (см.: *Толочко А.П.* Черниговская «Песнь о Мстиславе» в составе исландской саги // Чернигов и его округа: Сб. научных трудов. Киев, 1988).

любые спекуляции со Скандинавией, ограничивая поиск «заморья» южнобалтийским побережьем[51]. Но было бы не меньшей ошибкой говорить в этой связи и об этнических датчанах, массовое пребывание которых на Руси конца X – начала XI в. не отмечено ни письменными источниками, ни археологией.

В то же время русские былины свидетельствуют о том, что дружина Владимира пополнялась выходцами из славянского Поморья. Среди последних встречаем «молоды Дюка Степановича», приехавшего в Киев «из-за моря, из-за синева, из славна Волынца», то есть из поморского Волина, и «славнова гостя богатова» Соловья Будимировича, приплывшего с дружиной на тридцати кораблях «из-за моря Верейского» (Варяжского), «из Веденецкой земли» – славяно-вендского Поморья. О постоянных торговых контактах славянского Волина с новгородскими купцами писал во второй половине XI в. Адам Бременский. Из летописи мы знаем, что Владимировы «варяги» (которые, кстати сказать, в скандинавских сагах слывут «гридями») поклонялись Перуну[52] – божеству, чтимому среди поморских славян.

Ввиду всего этого не будет большой натяжкой предположить, что конечной целью путешествия Владимира «за море» была земля славянского племени вагров (между современными Любеком и Ольденбургом), непосредственных соседей датчан. Не забудем, что дедом Владимира по матери был Малко Любчанин – выходец из поморского Любеча/Любека, то есть из Вагирской земли. Должно быть, Владимир имел в виду эти родственные связи, обращаясь за помощью к ваграм. В 1018 г., когда Титмар писал о киевских «данах», Вагирская земля уже принадлежала Дании и активно заселялась датчанами (по сообщению собирателя скандинавских саг Снорри Стурлусона, один из сыновей датского короля Кнута I Могучего до 1030 г. сидел «в Иомсборге [славянском Волине, в устье Одры] и правил Страной Вендов [славянской областью Западного Поморья]»; в XII в. немецкий хронист Гельмольд отметил, что в Вагирской марке есть множество «мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян»). По этой причине Титмар и нарек вагров «данами», руководствуясь скорее их государственно-правовой, чем этнической принадлежностью. Конечно, в наемную дружину Владимира могло затесаться некоторое количество датчан или бродячих скандинавских «норманнов», но то был случайный элемент, который можно не принимать во внимание. По словам Гельмольда, в мореходном деле вагры были «впереди всех славянских народов» и потому легко могли обеспечить переброску наемных «варягов» Владимира в Новгородскую землю.

Количество «варягов», приведенных Владимиром из Вагирской земли, поддается приблизительному исчислению. По сведениям скандинавской «Пряди об Эймунде», стоимость наемника на Руси в начале XI в. была такова: простой воин получал в год 1 гривну (51 г

---

[51] В своих комментариях к этому отрывку из Титмара А.В. Назаренко пытается сохранить его мнимый «скандинавский колорит», уверяя, что «данами» в хронике Титмара, как и во многих других западноевропейских источниках, именуются скандинавы вообще, а не только собственно датчане» *(Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 330). Уточним сразу, что датчане никогда не были скандинавами – ни «вообще», ни «в частности», поэтому ни у Титмара, ни «во многих других западноевропейских источниках» подобного значения этнонима «даны» встретить нельзя. Видимо, имеется в виду причисление «данов» к «норманнам», но это совсем другое дело (термин «норманны» – «северные люди» – не является этническим или, вернее, не имеет определенного этнического содержания). Тогда вопрос заключается в том, *всегда ли* Титмар, употребляя этноним «даны», разумел «норманны», и *всегда ли* эти «даны-норманны» означают у него не собственно датчан, а жителей Скандинавии, шведов и норвежцев? Не думаю, чтобы дело обстояло именно так (хотя специального исследования на эту тему никто не проводил). Крупнейшие немецкие хронисты XI–XII вв. – Видукинд, Адам Бременский и Гельмольд – уверенно выделяли датчан в особую этническую группу.

[52] Одного этого сообщения достаточно, чтобы опровергнуть домыслы об этническом тождестве «варягов» Владимира со скандинавами (см.: *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. Ч. I. СПб., 1876. С. 45). Однако в своем нежелании видеть очевидное иные ученые-норманнисты доходят до абсолютного научного нигилизма, утверждая, будто Перун – это не кто иной, как ославяненный Один или Тор, хотя хорошо известно, что культ Перуна, распространенный не только среди славянских племен, но также у балтов и албанцев, уходит корнями в эпоху индоевропейской общности. Подобные приемы свидетельствуют об исчерпанности собственно научных аргументов и конечном крахе норманнской теории.

серебра по севернорусскому счету, половина этой суммы выплачивалась мехами), рулевой на судне – вдвое больше[53]. С другой стороны, летописное сообщение под 1014 г. говорит, что Владимир обязал новгородцев давать тысячу гривен «гридем», видимо из числа тех «варягов», которых он после победы над Ярополком «расточил» по городам. Стало быть, в Новгороде осела значительная часть «варяжской» дружины – около тысячи человек. По крайней мере столько же, если не больше заморских наемников должно было остаться с Владимиром в Киеве, о чем свидетельствует Титмар. Общее число нанятых в «заморье» дружинников, таким образом, равнялось, вероятно, двум-трем тысячам воинов.

С этого времени ведет свое существование «Варяжский двор» в Новгороде[54], так как строительство казарм для наемников входило в условия договора с нанимавшим их князем (в «Пряди об Эймунде» Ярослав обязуется построить воинам Эймунда «каменный дом и хорошо убрать [его] драгоценной тканью»).

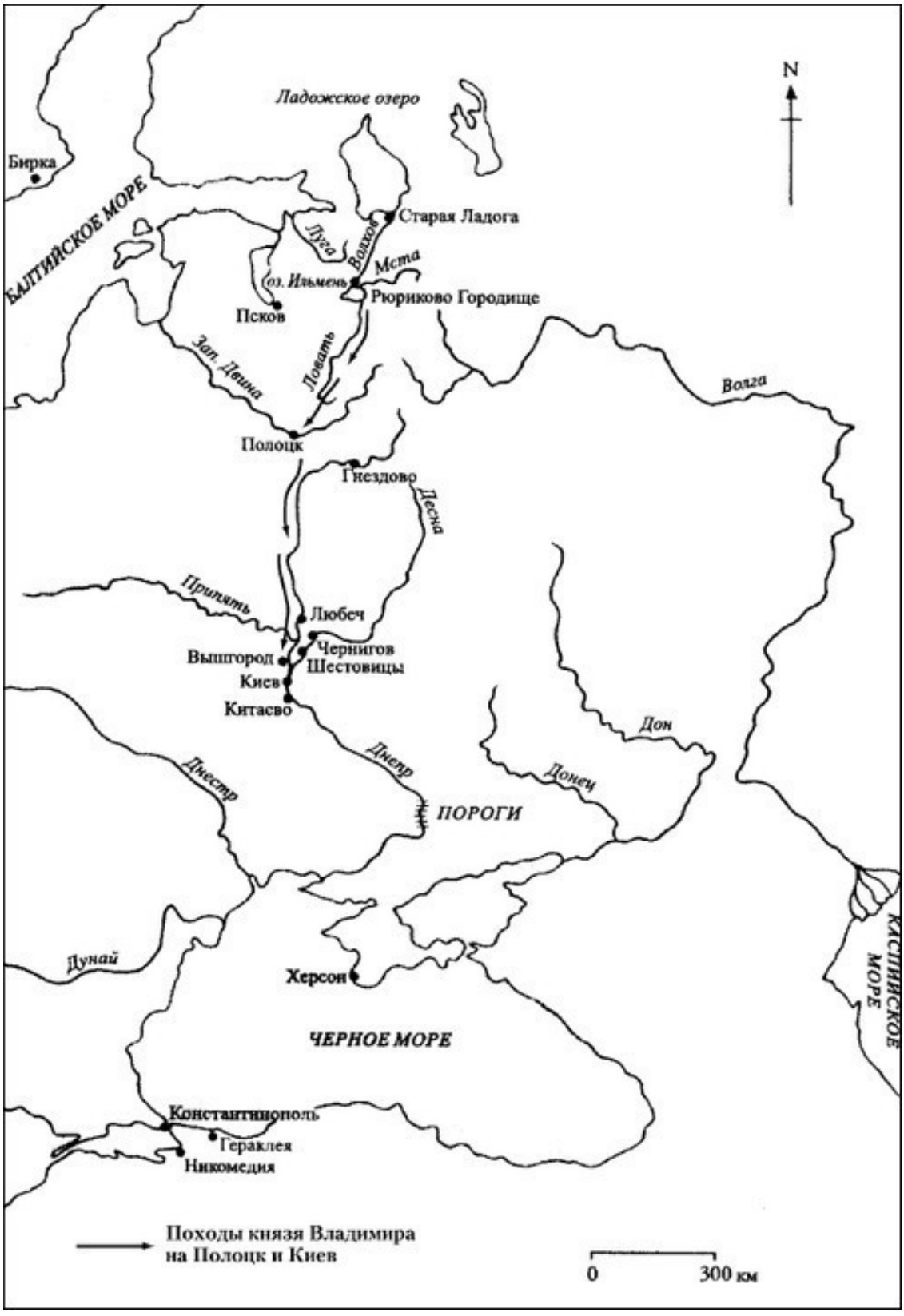
Поход на Киев

Начало войны Владимира с Ярополком наши летописи излагают не вполне согласно между собою. Повесть временных лет говорит, что Ярополк побоялся встретить войско Владимира в поле и затворился в Киеве. С осады города и начинается подробное описание военной кампании или, точнее, пересказ устного предания о предательстве воеводы Блуда. Опора на это фольклорное произведение, которое служило летописцу главным и, по-видимому, единственным источником для освещения заключительной фазы борьбы Святославичей, обусловила мгновенный перенос места действия под Киев, чтобы немедленно вручить судьбу Ярополка в руки Блуда – собственно ключевого персонажа всей истории.

---

[53] См.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 505–506.

[54] В Повести временных лет он упоминается уже в 1015 г. под названием «поромонов двор»: «И воставше новгородци, и избиша варягы на дворе поромони». Летописец использовал здесь «кальку греческого прилагательного «верные» («поромоны». – *С. Ц.),* которое было синонимом «варангов» в византийской исторической литературе…» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 255). Выражение Вар<гууо1 ка! Tiapajiovcu (варанги или верные) было самым обычным в Византии, и, например, переписчик византийского историка XII в. Никиты Хониата использовал его 9 раз (см.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908, с. 331).



Походы князя Владимира на Полоцк и Киев

Иначе представляет ход дела Иоакимовская летопись, в которой нашли отражение события, предшествовавшие кровавой развязке в Киеве. Сначала Ярополк шлет к брату послов «увесчевати», то есть пытаясь уладить дело миром. Одновременно он выдвигает к

северной границе Русской земли, в междуречье Днепра и Западной Двины («во кривичи»), войско под началом своих воевод. Владимир колеблется, «но вуй [дядя] его Добрыня», ведавший, что Ярополк «не любим есть у людей [в Киеве], зане христианом даде волю велику», удержал Владимира от отступления и послал «в полки Ярополчи з дары к воеводам, водя [вадя, т. е. приваживая, привлекая] их ко Владимиру». Те пообещали перейти на его сторону со всеми ратниками. Тогда Добрыня с Владимиром двинулись с войском «на полки Ярополчи и, сшедшися на реке Дручи в трех днях от Смоленска, победиша полки Ярополчи не силою, ни храбростию, но предательством воевод Ярополчих…»[55].

Из этого сообщения можно понять, что в задачу Ярополковых воевод (возможно, тех же самых Блуда и Свенгельда) входила охрана верховьев Днепра с тем, чтобы помешать войску Владимира спуститься по реке к Киеву. Вероятно, киевская рать встала в Смоленске или Гнездове – самых северных форпостах киевских князей в Русской земле. Владимиру пришлось двинуться в обход. Он предполагал войти в Днепр через его правый приток, речку Дручу (ныне Друть), впадающую в Днепр значительно южнее Смоленска, возле современного Рогачева. Маршрут движения Владимирова войска свидетельствует о том, что местом его сосредоточения был Полоцк (и это обстоятельство между прочим служит еще одним опровержением существования прямого водного пути «из варяг в греки», из Ловати в Днепр). Воеводы Ярополка успели преградить путь Владимиру. Но исход противостояния двух армий был решен не мечом, а подкупом. И тут Иоакимовская летопись дает теме предательства, подробно разработанной также и Повестью временных лет, новый оборот, выдвигая на первый план недовольство воевод прохристианской политикой Ярополка. Нет причин сомневаться в этом известии. Княжеская дружина была именно той средой, где христианство встречало обостренное неприятие, особенно с тех пор, как оно заявило о своем намерении переустроить весь жизненный уклад древнерусского общества. Всплески языческого протеста в последние годы княжения Ольги и временное торжество языческой реакции при Святославе были видимым проявлением глубокого раскола внутри дружинной «руси», который, конечно, сохранял всю свою остроту и при Ярополке. Воинствующее киевское язычество, притихшее после смерти Святослава, усмотрело во Владимире князя, способного вернуть «русским богам» их поколебленное величие.

После битвы на реке Друче Владимиру открылась прямая дорога на Киев. Очевидно, не позднее чем через две недели он разбил свой стан под городом, «между Дорогожичем и Капичем», как сказано в Повести временных лет. Урочище Дорогожичи находилось километрах в двух на северо-запад от Киева. Местоположение Капича неизвестно; топоним этот более не упоминается в летописи[56].

Убийство Ярополка

С этого момента летопись вступает на зыбкую почву предания, которое, разумеется, не может быть целиком сочтено за подлинную картину осады Киева. По всей видимости, в намерения Владимира, собиравшегося «восприять» киевский стол, не входило брать город приступом и причинять ему разрушения[57]. Между тем киевляне отнюдь не спешили менять

---

[55] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 111–112.

[56] Может быть, речь идет о языческом святилище – «капище»? Ближайшие к Дорогожичам капища можно предполагать на Хоревице или на Щековице, где в XII в. были построены христианские храмы. Летопись особо указывает, что святые златоверхие церкви теперь высятся там, где некогда стояли языческие кумиры.

[57] А.П. Новосельцев отмечает, что на Руси X–XI вв. противоборствующие князья захватывали *власть*, а не *город*, вследствие чего столица не подвергалась разграблению. Победивший претендент вступал в Киев как законный правитель и вел себя соответствующим образом (см.: *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 15–16).

одного князя на другого и твердо держали сторону Ярополка. Тогда Владимир посулил свою милость Блуду, и тот, по словам Повести временных лет, «мысля убити Ярополка; гражаны же не бе льзе убити его», то есть киевский «полк» (ополчение рядовых горожан) служил Ярополку надежной защитой от любых покушений на его жизнь. Расстановка сил в осажденном городе, вероятно, была такова, что проязычески настроенной дружинной верхушке, желавшей сдачи Киева Владимиру, противостояла городская христианская община, по археологическим данным весьма многочисленная.

Подступ князя Владимира к Киеву.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Отъезд киевского князя Ярополка из Киева в город Родню.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Чтобы оторвать Ярополка от сочувствовавшего ему окружения, Блуд якобы уговорил его бежать из Киева в город Родню, расположенный в устье реки Рось. Войско Владимира обложило его и там. По истечении какого-то времени в городе разразился страшный голод;

«и есть притча и до сего дни: беда яко в Родне», добавляет летописец. Вот тут-то Блуд и посоветовал Ярополку сдаться на милость брата.

«Родненский эпизод» является позднейшим домыслом к древнейшей части предания, что видно по разнобою, царящему в различных списках Повести временных лет. В Архангелогородской летописи этого места вообще нет, а в Хлебниковской и Погодинской летописях отсутствует упоминание про голод и «родненскую» поговорку. Сам топоним «Родня» имеет варианты: Родень, Родины, Род; некоторые летописи вообще обходятся без этого названия (в Псковской летописи Ярополк бежит в «град иной», по Супрасльской летописи, князь «затворися в граде»). В Лаврентьевском списке нет названия реки, на которой стоит Родня, другие редакции Повести искажают этот гидроним: Урси и т. д.[58] В дальнейшем город под названием Родня в Повести временных лет ни разу не упоминается, и это обстоятельство настораживает тем больше, что археологи испытывают затруднения с локализацией летописной Родни: непосредственно в устье Роси древнерусских городищ X в. нет[59]. Славянская колонизация достигла здешних мест только к концу княжения Владимира. Наконец, на продолжительное «сидение» в Родне у Ярополка просто не остается времени, так как поход Владимира на Киев, начавшийся самое раннее в конце апреля или первых числах мая 978 г., был победоносно завершен уже 11 июня, а эта дата, как было сказано выше, указывает одновременно и на день смерти Ярополка.

Конец Ярополка, после того как он послушался предательского совета Блуда и вернулся в Киев, описан в Повести временных лет следующим образом: «И прииде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста его два варяга мечьми под пазусе [пазуху]. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убиен бысть Ярополк…» Однако обоснованный скептицизм по поводу известий о «сидении» великого князя в Родне позволяет думать, что на самом деле Ярополк был предательски убит Владимиром на мирных переговорах, состоявшихся еще во время осады Киева. Факт насильственной смерти Ярополка удостоверяет также Иаков Мних: «…а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимирове». О судьбе немецкой супруги убиенного князя можно только догадываться. Скорее всего, после соответствующих переговоров Владимир отправил ее на родину.

---

[58] См.: *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908. С. 11–12.

[59] Летописную Родню наиболее часто отождествляют с городищем Княжая гора, которое, однако, находится не в устье Роси, а несколькими километрами выше по течению (см.: *Мезенцева Г.Г.* Древньоруське мюто Родень (Княжа гора). Кшв, 1968; *Древнерусские* княжества X–XIII вв. С. 44). В X в. здешнее укрепление, служившее временным убежищем для жителей соседнего открытого поселения, выглядело весьма скромно и мало подходило для длительного «сидения» в осаде. В городской детинец оно превратилось только в XII–XIII вв.

Убийство князя Ярополка двумя варягами.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Блуд, как передает летописный источник Татищева, ненадолго пережил своего господина. Вначале обласканный Владимиром, он вскоре навлек на себя гнев князя и был казнен. При этом Владимир будто бы помянул опальному воеводе его недавнее предательство: «Я тебе по обесчанию моему честь воздал, яко приятелю, а сужю, яко изменника государя своего». Повесть временных лет ничего не сообщает о судьбе Блуда, но и не упоминает больше его имени.

Во всей древнерусской литературе мы не найдем ни одного упрека Владимиру за убийство брата. И это неудивительно. Тот или иной исход вооруженной борьбы в представлении людей того времени, как христиан, так и язычников, являлся непререкаемым свидетельством свершения небесного правосудия, Божьего суда. Поражение доказывало неугодность побежденного богам (или Богу), победа была видимым знаком торжества справедливости и позволяла победителю законным образом присвоить власть и имущество поверженного врага. «И Бог поможе ему [Владимиру] и седе в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря», – простодушно пишет Иаков Мних, предваряя этой фразой свое известие об убийстве Ярополка «мужами Володимеровыми». Поэтому, лишившись Ярополка, киевляне безропотно признали право Владимира на *отний стол.*

Но едва приняв в свои руки княжение, Владимир вступил в конфликт с наемной дружиной. В отличие от князя поморские «варяги» смотрели на Киев только как на свою военную добычу, бесчинствовали и желали получить с киевлян дань: «Се град наш; мы его прияхом, да хочем имать откуп на них [киевлянах], по две гривне с человека». Владимир, однако, не решился раздражать киевлян поборами. По сообщению летописи, так ничего и не дав «варягам», он отослал большую их часть в Византию, на императорскую службу. Это вроде бы согласуется с желанием греков, высказанным на переговорах с Ярополком в 977 г., получить русских «воев». Но в византийских хрониках нет известий об участии русов в войне против Варды Склира, и, скорее всего, Повесть временных лет просто припомнила не к месту события, произошедшие десятилетием спустя – отправку Владимиром вспомогательного корпуса на помощь империи в 988 г. Для выяснения дальнейшей судьбы «варяжской» дружины Владимира гораздо большее значение имеет показание Титмара, что «даны» еще и в начале XI в. составляли костяк киевского гарнизона. Да и по нашим летописям оказывается, что «варяги»

много позднее находились на содержании новгородцев (сообщение под 1014 г. о тысяче гривен, собираемых для «гридей»). Отсюда вероятнее, что Владимир все-таки предпочел сохранить «варягов» у себя на службе, частью оставив их в Киеве, частью разослав на покорм в разные города; кое-кого он назначил княжими посадниками: «И избра от них мужи добры, и смыслены и храбры, и раздая им грады».

С вокняжением Владимира в Киеве раздел Русской земли был уничтожен, государственное единство ее восстановлено.

Часть вторая Княжение Владимира

Глава 1 Под покровительством богов

Шаги по упрочению власти

Новгородский князь на киевском столе был явлением необычным. Никогда раньше словене не брали так решительно верх над русью. Однако было бы неверно думать, что политический смысл победы Владимира над Ярополком состоял в завоевании Киева Новгородом. В событиях 978 г. отсутствовал сколько-нибудь заметный элемент этноплеменного соперничества. Это была внутридинастическая борьба, и только. Русская/Киевская земля была для Владимира *отчиной.* Он шел не покорять ее, а добывать себе «отний и дедний стол». Оказав ему помощь, новгородцы всего лишь поддержали династические притязания своего князя, отнюдь не мечтая при этом об установлении господства Новгорода над Киевом.

Подобных мыслей не было и у самого Владимира. Едва заняв опустевший «двор теремный», он превратился из новгородского князя в князя киевского, и это преображение далось ему легко и естественно. Княжить в Киеве означало продолжать «русскую» политическую традицию. Конечно, Владимир никогда не терял из виду словенский север, но отныне вся его деятельность была подчинена интересам Русской/Киевской земли. Внешне являя собой прообраз «государя всея Руси», Владимир до самой своей смерти оставался прежде всего и по преимуществу киевским князем, проводником киевской политики, которая, впрочем, в иных случаях приобретала общеземскую значимость и объективно выражала интересы всего восточного славянства.

Тем не менее на первых порах он должен был чувствовать себя в Киеве чужаком. Киевляне вряд ли были в восторге от того, что их князем стал северный пришелец, к тому же еще и «робичич». Чтобы укрепить свое положение в Киеве, Владимиру нужно было решить двоякую задачу: повысить свой личный авторитет как удачливого и могущественного князя и завоевать расположение «людей Русской земли», в первую очередь киевлян.

Ограниченность своих связей с русским обществом Среднего Поднепровья Владимир поначалу возместил тем, что усилил славяно-финское присутствие в Русской земле, организовав массовое переселение на юг своих северных подданных. Большая часть переселенцев была размещена в крепостях на русско-печенежском пограничье: «И нача нарубати [набирать] муже лучьшие от словен, и от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады». Повесть временных лет датирует это сообщение концом 80-х гг. X в. Однако ниже мы увидим, что оборонительные мероприятия Владимира в лесостепной зоне были поистине грандиозны и должны были вестись не одно десятилетие.

Владимир стал первым киевским князем, который столь широко использовал людские ресурсы северных областей. Без сомнения, он рассчитывал таким образом создать более или менее прочную социальную опору своей власти; и вместе с тем, укрепляя границу со степью, Владимир показывал киевлянам, что заботится о благосостоянии Русской земли.

Религиозная реформа

Наглядным воплощением политики Владимира в начальный период его княжения в Киеве стала знаменитая реорганизация языческого культа, о которой Повесть временных лет рассказывает под 980 г.: «И нача княжити Володимер Кыеве един, и постави кумиры

на холму вне двора теремьного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И жряху им, наричюще их богы…»

Сущность этой «религиозной реформы» Владимира историки толковали по-разному[60]. Здесь важно не исказить смысловые акценты летописного текста. То важное в действиях Владимира, что летописец пытался донести до сведения потомков, заключалось отнюдь не в создании князем пресловутого «языческого пантеона», так как поименный перечень богов, вероятнее всего, является вставкой конца XI – начала XII в.[61] (например, у Иакова Мниха, автора второй трети XI в., сказано только: «Перун, Хоре и ины многа»). И если прочитать летописное сообщение в его первозданном виде, без именного списка кумиров, то смысловым «гвоздем» его окажется небольшая топографическая деталь: новое святилище находилось «на холме *вне двора теремъного»,* то есть было вынесено за пределы княжеского замка, на городскую территорию, где проживали киевские «люди».

Подлинное значение этого нововведения чутко уловил Ф. Корш: «Из того, что эти кумиры были поставлены «вне двора теремного», по-видимому, следует, что они предназначались для общественного поклонения»[62]. Княжеский замок – «двор теремный» – был святая святых князей «от рода русского»[63]. Его сакрально защищенная территория, недоступная для большинства киевлян, олицетворяла этнорелигиозную обособленность «великого князя русского» и всей дружинной «руси» от остального населения Русской земли. Почти полтора столетия русы ревниво прятали своих богов от чужих глаз, не позволяя никому, даже городской общине Киева, почитать и умилостивлять тех, кому они обязаны были своей силой и своим господством над словенами и «языками». Но неудержимый процесс культурно-расовой ассимиляции постепенно стирал все видимые различия между завоевателями и завоеванными, превращая их в *соотечественников*, спаянных общими интересами и нуждами.

И вот, наконец, случилось неизбежное – то, что должно было произойти рано или поздно: «люди Русской земли» были допущены к отправлению официального княжеско-дружинного культа. По прямому свидетельству Иакова Мниха, «на холме, еде же стояше кумир Перун и прочии… творяху потребы *князь и людъе».* Владимиру, воспитанному в словенском Новгороде и потому наименее «русскому» из всех предшествовавших ему киевских князей, было легче других решиться на этот шаг, тем более что им двигала насущная политическая потребность наладить прочные доверительные отношения с киевским обществом.

Разумеется, нет речи о том, что «религиозная реформа» Владимира знаменовала собой полное слияние руси со славянами и завершение формирования этнически однородного сообщества – русского народа, или древнерусской народности. Но, вынося «русских идолов» за пределы «двора теремного» для всеобщего поклонения, Владимир показывал, что

---

[60] Разброс мнений приблизительно таков: 1) это было «торжеством языческой стороны над христианскою» (*Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. М., 1993. С. 167); или 2) «попыткой модернизации самой языческой религии, точнее, пестрых языческих верований, которым Владимир пытался придать стройность и ввести их в рамки, соответствующие укреплению и развитию классового общества…» (*Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 309);3) князь «хотел собрать всех богов, которым поклонялись различные племена, и составить из них в Киеве пантеон, обязательный для всего государства. Владимир желал создать такую религию, которая могла бы крепче объединить все его государство (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 476);4) Владимир стремился «поднять древние народные верования до уровня государственной религии» (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 395); 5) он «сделал попытку приспособить язычество к своей объединительной политике» *(Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 344–345); 6) «Поставление кумиров» – идеологическая акция, с помощью которой киевский князь надеялся удержать власть над покоренными племенами, остановить начавшийся распад грандиозного союза племен во главе с Киевом» *(Фроянов И.Я.* Начала русской истории. С. 783); 7) речь идет «о простом и прозаическом деле – строительстве языческого капища на новом месте» *(Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. С. 210).

[61] См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 313–315.

[62] *Корт Ф.* Владимировы боги: Исторический очерк. Харьков, 1908. С. 2.

[63] Нахождение святилища рядом с княжеским замком – характерная черта топографии славянских городищ. По Титмару, в замке князя редарей стояло капище бога Радегаста; в Щетине княжий двор располагался на холме бога Триглава.

отныне «русский князь» не проводит этнической границы между «русью» и остальными подданными. Предводитель дружины желал быть князем земли, выразителем общеземского интереса, и это означало, что «князь с дружиной из вооруженной силы превращается в политическую власть»[64].

Летописное сообщение о сооружении кумирни в Киеве имеет продолжение: «Володимир же посади Добрыню, уя своего, в Новегороде. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумира над рекою Волховом, и жряхуть ему людье ноугородьстии акы богу». Историческая достоверность этого известия невелика. К тому времени ильменские словене почитали Перуна уже не менее ста лет, о чем свидетельствуют археологические раскопки в святилище Перынь, располагавшемся неподалеку от Новгорода (в IX–X вв. оно представляло собой круглую площадку диаметром 35 м, в центре которой находился пьедестал для деревянного истукана, вырезанного из бревна размером около 60 см в поперечнике). Видимо, кто-то из позднейших редакторов Повести временных лет использовал для данной заметки новгородские предания о Добрыне – крестителе Новгорода и Словенской земли, которые создавались по аналогии с эпосом о Владимире – крестителе киевлян и Русской земли; таким образом, Добрыня, следуя симметричной схеме жития Владимира, на протяжении девяти лет оказался вначале насадителем языческого культа, а потом ниспровергателем им же самим поставленных идолов[65].

Человеческие жертвоприношения

Вместе с «русскими» богами глазам киевских «людей» предстал и самый отвратительный обычай «русского» культа – человеческие жертвоприношения: «…и привожаху [на холм, к кумирам] сыны своя и дщери, и жряху бесам, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холм тот».

О ритуальных убийствах у русов в разное время писали византийские, арабские, немецкие авторы; их известия находят подтверждение в материалах археологии. Однако данное сообщение Повести временных лет не может встать в один ряд с этими достоверными показаниями, так как оно является почти дословным заимствованием из так называемой «Речи философа» – самостоятельного произведения западно– или южнославянской церковной литературы второй половины IX – начала Хв., включенного летописцем в историю обращения Владимира. «Посем же дьявол в большее прельщение вверже человеки, – сказано там, – и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, другие мраморяны, а иные златы и сребряны; кланяхуся *и привожаху сыны своя и дщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена».*

Данный фрагмент «Речи философа», в свою очередь, восходит к 105-му псалму: «… служили истуканам их… и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, – и осквернилась земля кровью…» (Псалтирь, 105: 37–38).

Впрочем, обвинить летописца в голой литературщине тоже нельзя. Заклание русами на алтаре юношей и девиц и даже грудных младенцев удостоверено свидетельствами патриарха Фотия, Льва Диакона, составителем Жития Стефана Сурожского. Правда, во всех этих случаях речь идет об иноземных пленниках. Сомнению, таким образом, подлежит не сам факт принесения в жертву на киевском «холме» молодежи обоего пола, а выбор русами для кровавого культового действа собственных детей. Эта якобы «историческая» подробность, безусловно не имеющая никакого отношения к «русскому» язычеству конца X в., навеяна

---

[64] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти т. М., 1989. Т. I. С. 160.

[65] См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 316.

исключительно библейскими ассоциациями: «…стали грешить сыны Израилевы перед Господом Богом своим… и проводили сыновей своих и дочерей своих чрез огонь» (4 Цар., 17: 7, 17); «и устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу…» (Иер., 19: 5) и т. д.

Другие (внелетописные) литературные свидетельства, которыми иногда пытались подкрепить летописное сообщение – как, например, восклицание митрополита Илариона, противополагавшего в «Слове о законе и благодати»[66] новые времена старым: «Уже не приносим друг друга в жертву бесам!», или перекликающиеся с ним слова Кирилла Туровского из его проповеди в Фомину неделю: «Отселе бо не приемлеть ад требы, заколаемых отцы младенец, ни смерть почести: преста бо идолослужение и пагубное бесовское насилие», – по-видимому, имеют тот же ветхозаветный источник.

Варяги-мученики

Известие о кумирах и человеческих жертвоприношениях представляет в Повести временных лет как бы пролог к истории о варягах-мучениках, отце и сыне, которая отодвинута на 983 г., хотя, возможно, когда-то была неотъемлемой частью сказания о борьбе Владимира с Ярополком. Говорится, что после похода на ятвягов Владимир «иде к Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими. И реша старцы и боляре: «Мечем жребий на отрока и девицу; на кого же падеть, того зарежем богам». В Киеве жил один варяг, двор его стоял на том месте, «идеже есть [ныне] церкви святая Богородица [Десятинная]». Этот человек «пришел из грек, и держаше веру хрестеяньску». У него был сын «красен лицем и душею», на которого и пал роковой жребий. Посланники от киевлян пришли на двор к варягу и сказали: «Паде жребий на сын твой… да створим требу богам». Варяг отвечал: «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнееть; не ядять бо, ни пьют, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А Бог есть един, ему же служат греци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему житии на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесам». Послы поведали обо всем киевлянам. Тогда горожане вооружились и силой вломились на двор к варягу, «он же стояше в сенех с сыном своим». Толпа потребовала выдать сына. «Он же рече: «Аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сын мой. А вы чему претребуете им [зачем хлопочете за них]?» Обозленные киевляне «посекоша сени под нима, и тако побиша их. И не свесть никтоже, где положиша их».

В целом «варяжскую» новеллу под 983 г. можно считать ценным историческим сообщением (за исключением богословского спора варяга с киевлянами, состоящего из общих мест, взятых из современной летописцу антиязыческой церковной литературы[67], а также топографической привязки места действия к будущей территории церкви Богородицы, поскольку летописная запись под 991 г. о возведении этого храма умалчивает о якобы произошедшей здесь некогда драме). Порукой достоверности сказания о варягах-мучениках служит безымянность двух его главных героев, ибо благочестивая легенда, конечно, не преминула бы назвать их по именам[68].

---

[66] Полное заглавие: «О законе, Моисеом [Моисею] даннем, и о благодати и истине [которые] Иисусом Христом бывшии; и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языкы простреся и до нашего языка русьскаго [достигла]; и похвала кагану нашему Владимеру, от негоже крещени быхом; и молитва к Богу от всея земли нашея».

[67] Ср., напр., с более поздним летописным рассказом об «испытании вер» (под 986 г.), где богословские аргументы «варяга» вложены в уста пришедших к Владимиру папских послов: «вера бо наша яко свет есть, кланяемся Богу, иже сотвори небо и землю, звезды и месяц, и всяко дыхание, а бози ваши древо суть».

[68] Как это и произошло впоследствии. Домонгольскому летописанию и внелетописным памятникам этого времени имена варягов-мучеников были неизвестны. Анонимное Слово на святую Четыредесятницу (вторая половина XI в.) называет их просто «мучениками Христовыми». Владимирский епископ Симон (1214–1226) в одном из своих посланий пишет

Однако конкретный исторический смысл внезапного столкновения киевских христиан с язычниками лежит отнюдь не на поверхности. Нас не может не озадачить то весьма странное обстоятельство, что в число потенциальных жертв, на кого метали жребий, было включено христианское население Киева, которое к тому же еще и не было поставлено в известность относительно происходящего, ибо варяг-отец, как выясняется, ничего не знал о предуготованной его сыну участи вплоть до появления на его дворе возбужденных язычников, пришедших за намеченной жертвой. Само по себе случившееся выглядит беспрецедентным, не поддающимся никакому объяснению событием, особенно если считать инициаторами «жребия» язычников-киевлян, к чему, собственно, и предрасполагает летописный текст. Между тем такое его понимание явным образом противоречит широко известному гостеприимству русов, о котором с большой похвалой отзывались средневековые арабские писатели, и не только они. Вот, например, свидетельство Ибн Русте: «Гостям [русы] оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо. Они не позволяют никому из своей среды грабить и обижать таких пришельцев; если кто-нибудь из пришельцев жалуется им на причиненный вред или обиду, они оказывают ему помощь и защищают его». Но ведь киевские варяги – отец и сын – именно и были такими пришельцами, находившимися под защитой *закона русского*.

Чтобы добраться до истины, следует обратиться к показанию немецкого хрониста XII в. Гельмольда о человеческих жертвоприношениях главному божеству славянского Поморья Святовиту. Святилище его находилось на острове Рюген, и местные жители (славяне-руги, или ране) «в знак особого уважения… имели обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий». Это единственная аналогия обычаю, о котором ведет речь Повесть временных лет. Притом нужно принять во внимание, что христиане, приносимые в жертву Святовиту, были захваченными на войне пленниками.

Вытекающий отсюда вывод состоит в том, что сказание о варягах-мучениках первоначально (до включения его в летопись) не было продолжением рассказа о воздвижении кумиров, а венчало повесть о захвате Киева Владимировыми «варягами». Среди того «зла», которое они, согласно летописи, сотворили тогда киевлянам, до конца поддерживавшим христианина Ярополка, было, вероятно, и требование почтить «варяго-русских» богов христианской кровью, как это было в обычае в славянском Поморье. Наемная дружина Владимира считала Киев своей законной добычей: «Се град наш; мы его прияхом…», – а по господствовавшему тогда мнению, побежденный был грешником, разгневавшим божество[69]. Естественно, что киевские христиане яростно воспротивились насаждавшимся «варяжским» порядкам, и, по всей видимости, Владимир должен был своей властью прекратить языческие бесчинства, которые грозили настроить против него влиятельную христианскую общину Киева.

о святом Леонтии Ростовском, крестителе Ростовской земли, убитом местными язычниками: «…се трети гражанин бысть Рускаго мира, с *онема варягома* венчася во Христе». А.В. Назаренко замечает по этому поводу: «Нигде выше у Симона речь о варягах-мучениках не шла, поэтому многозначительное «онема» приходится понимать как указание на тех всем известных варягов, которых в то же время невозможно назвать по именам, ибо они неизвестны» *(Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 384). В этой связи весьма показательно, что на Руси не было храмов, поименованных в честь варягов-мучеников. Свои имена – Феодор (или Туры) и Иоанн, под которыми они поминаются ныне, – первые российские мученики получили уже в позднейшей церковной традиции, опиравшейся, по мнению И. И. Малышевского, на предания Киево-Печерской лавры (см.: *Малышевский И.И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды Киевской духовной академии. 1887. № 12. С. 23, 34).

[69] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. I. С. 109.

Совместные культовые действа

Ближайшим следствием «религиозной реформы» Владимира, то есть учреждения совместных с горожанами культовых действ, стали регулярные приглашения на «двор теремный» киевской городской верхушки: «[Владимир] се же пакы творяше людем своим: по вся неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и приходити боляром и гридем, *и соцьскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем…»*

Сообщение это помещено в летописи под 996 г., но мы вправе перенести его на полтора десятилетия назад, так как пиры в княжеском тереме являлись неотъемлемой чертой дружинного быта языческой эпохи. Для Владимира это был еще один способ привлечь к себе киевлян, выступить перед ними в роли общеземского князя. Чтобы вполне оценить всю необычность этой картины – пиршества горожан за одним столом с дружинной русью, – нужно помнить, что княжеский пир издревле был актом обрядовым, во время которого князь и дружинники «ставили трапезы», то есть приносили жертвоприношения своим богам[70]. Пирующие были не только соратниками, но также и единоверцами, служителями корпоративного культа, закрытого от иноземцев и непосвященных. Владимир нарушил обрядовую замкнутость дружинного пиршества-моления. Разрешив киевлянам класть требы «русским богам», он допустил их и на «двор теремный». Тем самым градские «нарочитые мужи» были включены в состав ближнего княжего совета, в кругу которого Владимир «думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем».

[70] См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 160, 178.

Глава 2 Войны Владимира (дохристианский период)

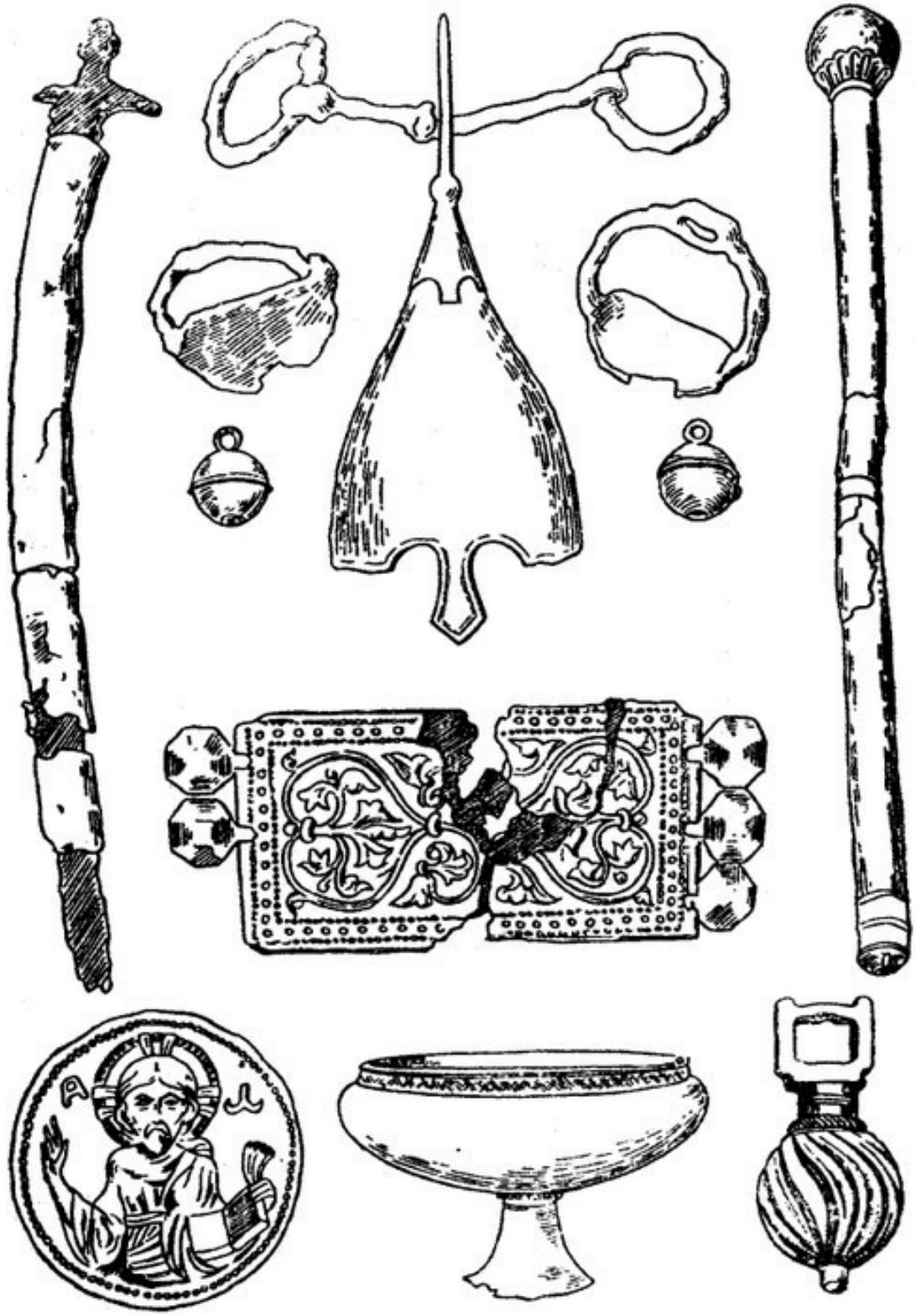
На западных границах

Заручившись поддержкой киевлян, Владимир смог предпринять в конце 70-х – первой половине 80-х гг. X в. ряд больших военных походов в порубежные земли. Летописная хронология каждой из «языческих» кампаний Владимира ненадежна, поэтому имеет смысл не следовать ей, а рассмотреть направления экспансии: западное (войны с ляхами и ятвягами), северное (присоединение радимичей) и восточное (походы на вятичей, волжских булгар, хазар).

Этот внезапный всплеск военной активности отвечал интересам всех наличных политических сил Русской земли: молодой князь желал укрепить свою репутацию удачливого, то есть любимого богами вождя; дружину прельщала перспектива получения новых даней; киевляне ожидали притока в город обильной добычи, рабов и восстановления международного авторитета Русской земли, сильно пошатнувшегося после гибели Святослава и последовавших за ней внутренних неурядиц. Восстановленное единство Руси обеспечило успех военным предприятиям Владимира. «И побежаше вся врагы своя, и бояхутся его все. И деже идяше, одолеваше», – пишет Иаков Мних.

Выбор противника, по которому был нанесен первый удар, достаточно показателен и далеко не случаен в свете религиозно-политических мероприятий Владимира, направленных на сближение с городской общиной Киева. Им стал чешский князь Болеслав II, бывший союзник Владимира по антикиевской коалиции. Взойдя на киевский престол, Владимир как бы подхватил меч, только что выбитый им же самим из рук Ярополка, чтобы силой вернуть Русской земле захваченные Чехией карпатские области. Поход увенчался успехом: «Иде Володимер к ляхом и зая грады их Перемышль[71], Червен и ины грады, иже суть и до сего дьне под Русью».

[71] А.В. Флоровский считает упоминание Перемышля поздней вставкой, вместо Перемиля у Червена (см.: *Флоровский А.В.* Чешско-русские торговые отношения X–XIII вв. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 67. Примеч. 4).



Вооружение русского воинаиз погребения X в. «Таганча» (по Хойловскому)

Указание Повести временных лет на то, что Владимир ходил «к ляхом», породило немало споров. Многие историки посчитали, что в 981 г., которым помечено это летописное

сообщение, Червенские города принадлежали уже не Чехии, а Польше[72]. Однако, не владея Малой Польшей, Мешко I вряд ли мог контролировать Червенские города, примыкавшие к ней с юго-востока. Между тем еще в 983 г. польско-чешские отношения были вполне дружественными, а сведения о захвате Малой Польши и Кракова польским князем Мешко I в источниках относятся только к рубежу 80—90-х гг. X в. Причисление летописцем Червенских городов к территории Польского княжества, по-видимому, объясняется тем, что они принадлежали географически к Ляшской/Лядской земле; обладание же ими Чехией было слишком кратковременным для того, чтобы прочно отложиться в исторической памяти древнерусских книжников.

Для закрепления русского влияния в этих землях Владимир построил крепость, названную в его честь *Володимеръ* (Владимир-Волынский)[73]. Западноевропейские хронисты на свой лад увековечили эту победу русского оружия, присвоив Червенской земле (будущей Червоной Руси) название «Лодомерия» (искаженное польское «Влодимерия»).

Удача сопутствовала Владимиру и в верхнем Понеманье, где он покорил ятвягов «и взя всю землю их». Здесь также было заложено несколько крепостей. Ятвяжский поход был логическим продолжением «ляшского». В результате Русская земля вплотную прилегла к Польше по всей ее восточной границе. В завещании вдовы князя Мешко I, княгини Оды (около середины 90-х гг. X в.), говорится, что Польша граничит с Русью от земли пруссов на севере и до Кракова на юге.

Поход на радимичей

Поход на радимичей преследовал двоякую цель: вернуть Киеву бывших данников и расчистить путь на север, к Новгороду. В отличие от предыдущих сообщений здесь Повесть временных лет вдается в некоторые подробности: «Иде Володимер на радимичи. Бе у него воевода Волчий Хвост, и посла и [его] Володимер перед собою, Волчья Хвоста; срете [встретил] радимичи на реце Пищане[74] [правый приток Сожи], и победи радимиче Волчий Хвост. Тем и русь корятся [смеются над] радимичем, глаголюще: «Пищаньци волчья хвоста бегают».

Историки, как правило, воспринимали данный текст с полным доверием, вследствие чего воевода по имени Волчий Хвост прочно обосновался на страницах исторических трудов. Осталось как-то незамеченным, что действительное соотношение между историей и приведенной летописцем поговоркой совершенно обратное, то есть на самом деле не поговорка увенчала исторические события, а, наоборот, летописец выстроил свой рассказ о Волчьем Хвосте, отталкиваясь от знакомой ему поговорки.

В украинском песенном фольклоре воспоминание о ней удержалось до второй половины XIX в. Н.И. Костомаров записал в Старобельском уезде любопытную весеннюю песню, в которой фигурирует таинственный персонаж по имени «Пищано, Пищанино», а волк срамит парубков, задирая перед ними хвост:

Пищано, Пищанино,
По березі ходило…

---

[72] Историографию см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 393–404.

[73] Раскопки во Владимире-Волынском показали, что город действительно возник в конце X в. (см.: *Кучинко М.М.* Древний город Владимир на Волыни / / Древнерусский город. Материалы всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев, 1984. С. 68).

[74] В этих местах обнаружено погребение воина, вооружение которого состояло из панциря, ножа и боевого топора. По мнению Б.А. Рыбакова, это мог быть погибший в сражении с русами радимич (см.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 301).

Ишов вовк мимо дівок,
Усім дивкам шапку зняв,
А парубкам хвіст підняв.

Песня была, по-видимому, очень древней, и к XIX в. смысл ее был полностью забыт. «Что такое «Пищано, Пищанино» – непонятно, – пишет Костомаров, – да поющие эту песню могли сказать только, что так поется и более ничего»[75]. Однако фольклорная параллель летописному рассказу налицо. В каком отношении друг к другу они находятся?

Костомаров признал совершенно невероятным – и с этим безусловно следует согласиться, – чтобы летопись могла воздействовать на песенное народное творчество. Скорее приходится предположить другое, а именно бытование в Южной Руси XI–XII вв. обрядовой песни, упоминавшей в связи с неким «Пищано» (возможно, каким-то персонажем языческой мифологии) волка и его хвост. Исполняемые под эти распевы обрядовые действа коротко резюмировала известная нам поговорка. Летописец усмотрел в загадочном «Пищано, Пищанино» знакомое ему название реки Пищань, а в победоносном волчьем хвосте, обращающем в бегство «пищаньцев»[76] (участников «пищаньской» мистерии?), – воеводу по имени Волчий Хвост (согласно Новгородской I летописи, в 1019 г. воевода с таким именем сражался на стороне Святополка против Ярослава в битве на Альте). В итоге первоначальная хроникальная запись «иде Володимер на радимичи и победи радимичи на реце Пищане» превратилась в небольшую новеллу с участием нового «исторического лица» – воеводы Волчьего Хвоста и с заключительным moralite в виде юмористической поговорки.

Войны с вятичами и волжскими булгарами

На востоке Владимир шел по стопам своего отца и бабки, пытавшихся в 965–969 гг. «примучить» под дань племена и народы Волжско-Окского бассейна. Больших усилий стоило ему покорение вятичей – потребовалось два похода, чтобы поставить их в данническую зависимость от Киева. Но даже после этого Владимир не смог поручить управление Вятичской землей княжему посаднику. Племенные старейшины вятичей цепко держали власть в своих руках, препятствуя действительному слиянию Приокских территорий с Русской землей.

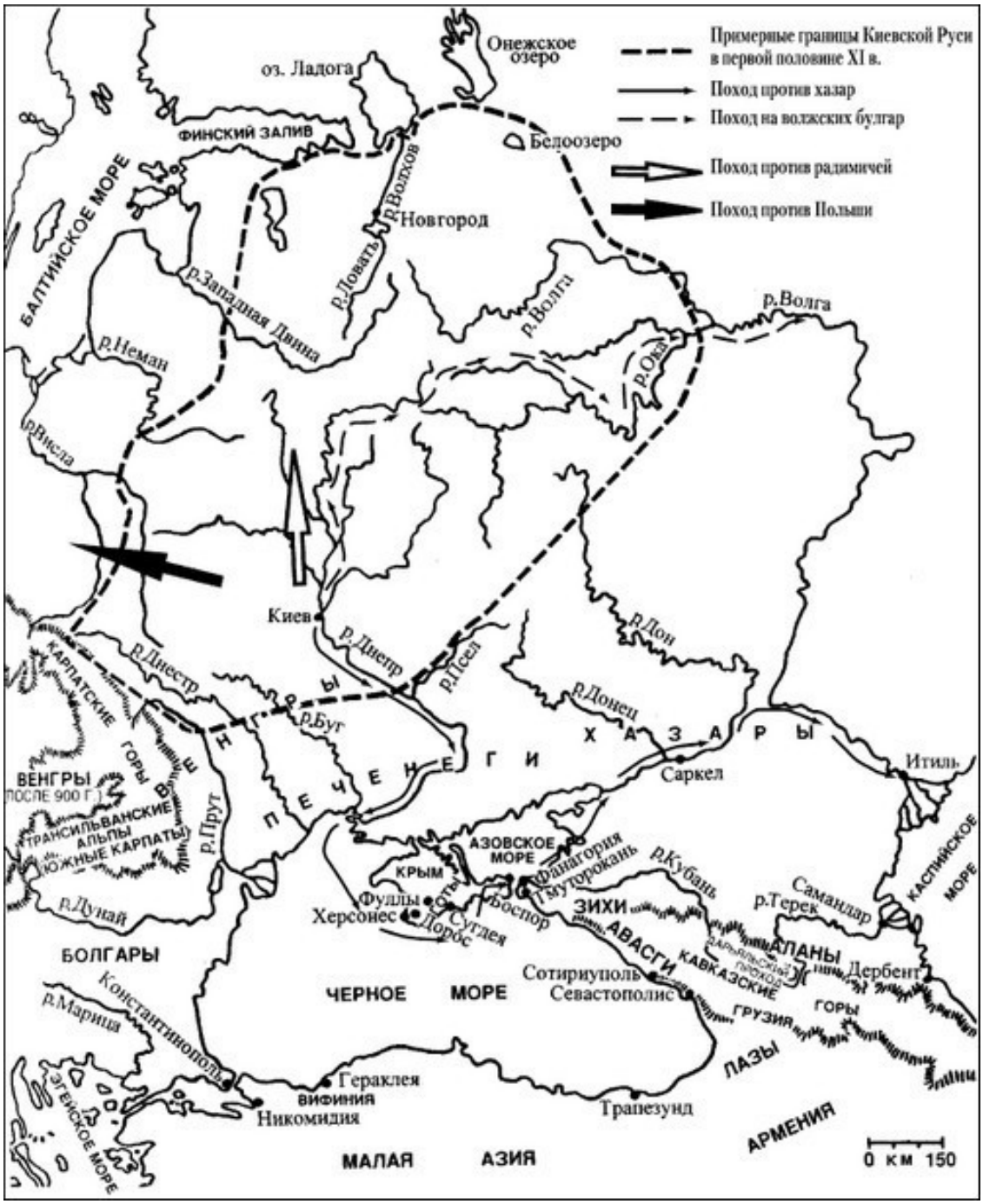
В заметке о походе Владимира на булгар опять появляются «исторические» детали и даже прямая речь действующих лиц: «Иде Володимер на болгары с Добрынею, с уем своим, в лодьях, а торки [древнерусское название гузов] берегом приведе на коних: и победи болгары. Рече Добрына Володимеру: «Сглядах колодник [я видел пленников], и суть вси в сапозех. Сим [эти люди] дани нам не даяти, пойдем искать лапотников»[77]. И створи мир Володимер с болгары и роте заходиша [клялись] межю собе, и реша болгаре: «Толи [тогда только] не будеть межю нами мира, оли [когда] камень начнеть плавати, а хмель почнет тонути». И приде Володимер Киеву».

---

[75] *Костомаров Н.И.* Монографии и исследования. Т. 13. СПб., 1881. С. 134.

[76] Кажется, никто из историков не обратил внимания на абсолютную невозможность наименования радимичей «пищаньцами» – по имени незначительной речушки. Скорее можно было бы ожидать «сожане».

[77] Характерное высказывание, доказывающее, что целью походов Владимира было не «расширение торговых связей с Востоком», как пишется в большинстве исторических трудов, а поиск новых данников. Поток восточного серебра, с середины VIII в. поступавший в Европу через Хазарию и Волжскую Булгарию, к тому времени почти полностью иссяк, «один из последних серебряных дирхемов, о котором известно, что он был выпущен самими болгарами, датируется 986/987 г.» *(Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000. С. 232).



Походы князя Владимира до 986 г.

Извлечь из этого текста исторически достоверные факты непросто. Запинка возникает при чтении первой же строки, поскольку древнейшие списки Повести временных лет не указывают прямо, на каких болгар ходил Владимир – волжских или дунайских, а между тем пойти «в лодьях» можно было с одинаковым успехом на тех и других (в Восточном Приазовье обитали еще «черные» булгары, упомянутые в договоре Игоря с греками, но наши летописцы, говоря о «болгарах», никогда не принимали во внимание эту орду). Некоторые летописные редакции, правда, уточняют, что речь идет о «низовых», то есть волжских булгарах, но ценность этих известий невысока, так как, по справедливому замечанию С.М. Соловьева, «слова *низовые*, или *волжские*, обличают составителя или переписчика летописи, живущего

на севере, следовательно, позднейшего, знавшего только соседей своих, волжских болгар»[78]. Иоакимовская летопись, напротив, отправляет Владимира против болгар дунайских.

Из внелетописных источников имеем свидетельство Иакова Мниха, однако различные списки его «Памяти и похвалы» также противоречат друг другу. Если одни называют противниками Владимира «сребреных [серебряных] болгар», то другие разбивают этот неизвестный науке этноним на два: «сербян [и] болгар победи», то есть одолел сербов и дунайских болгар.

Догадываясь о причине этой путаницы, С.М. Соловьев поостерегся отвергнуть свидетельство одних источников, дабы отдать безусловное предпочтение другим. «Вероятно, – предполагал он, – были походы и к тем и к другим (болгарам. – С. *ц.)* и после перемешаны по одинаковости народного имени»[79]. Того же мнения придерживался В.В. Мавродин, писавший, что в летописном рассказе о болгарах отразились, слившись друг с другом, два разных похода Владимира – к болгарам волжским и болгарам дунайским[80]. Я думаю, что эта точка зрения решает проблему наиболее удовлетворительным образом. Ниже мы увидим, какие доводы имеются в пользу походов Владимира на Дунай, а пока что рассмотрим аргументы, говорящие за то, что и Волжская Булгария входила в число стран и земель, затронутых завоевательной политикой Владимира.

[78] *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. I. С. 309. Примеч. 264.

[79] Там же. С. 180.

[80] См.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 303.

Изображение великого князя Владимира Святославича на древнем знамени. Реконструкция. Художник Ф. Солнцев. XIX в.

Их, в общем, всего два, и оба они косвенные. В литературе давно высказывалась мысль, что этнический термин Иакова Мниха «сребреные болгары» (упомянутые еще и летописью в качестве синонима волжских булгар, в статье о походе князя Всеволода Юрьевича на Волгу в 1182 г.) является буквальным переводом племенного названия «нукратские болгары» (от арабского «нукрат» – серебро). И хотя такой этноним в средневековых источниках не встречается, однако на территории Волжской Булгарии известно Нухратское городище (недалеко от места слияния Волги и Камы, в бассейне реки Актай, левого притока Камы). В более

поздние времена «рекою Нухрат» (Нократсуы, Нократ иделе) татары называли Вятку, а одна из локальных групп татарского народа, поселившаяся в бассейне реки Чепцы (левого притока Вятки), до сих пор носит имя «нухратских татар»[81].

Еще более прозрачный намек на то, что столкновение Владимира с болгарами произошло на волжской земле, содержится в летописном тексте. Весьма показательно то сильное впечатление, какое произвели на Добрыню болгарские пленники, поголовно обутые в сапоги. Между тем от арабских писателей мы знаем, что волжские булгары были превосходными мастерами сапожного дела, и поставлявшиеся ими на экспорт сапоги из юфти на Востоке так и назывались – «булгари».

Но если летопись и позволяет узнать место действия – Волжскую Булгарию, – то исторические реалии самого похода оказываются безнадежно искажены фольклорными наслоениями и привнесением в историческую действительность конца X в. примет современной летописцу жизни. Составитель, или, может быть, позднейший редактор Повести временных лет, несомненно воспользовался здесь какой-то былью о Добрыне, который, как легко заметить, собственно, и выступает в летописи главным героем похода на волжских булгар. О существовании в XI–XII вв. самостоятельного эпического произведения, послужившего источником для болгарского сообщения Повести временных лет, со всей очевидностью свидетельствует вложенная в уста Добрыне ироническая сентенция о лапотниках, не имеющая продолжения в дальнейшем летописном повествовании, где сразу после болгарского похода следует рассказ о крещении Владимира (по Иакову Мниху, победив «сребреных болгар», Владимир отправился воевать с хазарами – тоже отнюдь не «лапотниками»).

Фольклорное (южнорусское) происхождение имеет и образная клятва болгар, которую, конечно, никак нельзя принять за формулу официального ручательства. В старых казачьих песнях казак, прощаясь с семьей, нередко говорит сестре (или матери), что, когда камень будет плавать, а перо или хмель («тонка хмелина») тонуть, тогда он приедет в гости к своим родным[82]. Для датировки возникновения сказания о походе на волжских булгар небезынтересен и такой факт: западноевропейские источники впервые упоминают о хмеле в пиве (немецкого производства) в 1079 г.

Сведения об участии в походе Владимира союзников-торков недостоверны по двум причинам. Во-первых, степнякам было бы чрезвычайно трудно сопровождать русскую флотилию «берегом на коних» из-за топографических условий местности – сплошных лесных массивов, болот и т. д. Последующие сообщения летописи о походах русских дружин на волжских булгар предполагают перемещения русского войска исключительно по воде. Так, в Никоновской летописи под 1205 г. прямо говорится, что великий князь владимирский Всеволод Юрьевич послал на болгар судовую рать. Единственный пример использования кочевников (половцев) для ведения военных операций против волжских булгар приводит под 1220 г. Симеоновская летопись (летописный свод конца XV – начала XVI в.). Но и тогда половцы не шли «берегом на коних», а были посажены в русские ладьи и доставлены под город Ошель, где «изыдоша из лодии половци пеши в поле».

Второе, что вызывает сомнения в достоверности упоминания торков в связи с походом Владимира на волжских булгар, – это явная анахроничность данного известия. В конце X в. степная территория между Днепром и Волгой еще всецело принадлежала печенегам. Гузская (торкская) орда появилась на дальних окраинах южнорусских степей не раньше второй трети XI в., после ухода печенегов в Подунавье, а вплотную подошла к границе Русской земли в середине этого столетия. Первую стычку с торками летопись датирует 1055 г.: «В то же лето иде Всеволод [Ярославич] на торкы… и победи торкы». Сообщения же о совместных

---

[81] *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.

[82] См.: *Костомаров Н.И.* Монографии и исследования. С. 135.

военных выступлениях русских князей с торками (против половцев) появляются в наших летописях с 80—90-х гг. XI в. Видимо, тогда-то, волею летописца, перенесшего в прошлое реалии своего времени, торки и попали в союзники князя Владимира.

Правитель волжских булгар был в состоянии выставить в поле грозную по тем временам военную силу – по оценкам арабских писателей, от 10 до 20 тысяч всадников, в кольчугах и полном вооружении[83]. Одолеть это войско было нелегко. Анонимное персоязычное сочинение «Границы мира» (Худуд аль-Алам, начало 80-х гг. X в.) сообщает, что «со всяким войском кафиров [неверных], сколько бы его ни было, они [волжские булгары] сражаются и побеждают». Главные городища булгар были укреплены по всем правилам фортификационного искусства своего времени.

Можно предположить, что дружина Владимира разграбила пограничные северные области Волжской Булгарии – земли «серебряных» (нухратских) булгар, в бассейне слияния Волги и Камы. Но затем подход основных сил булгарского войска из расположенных южнее Булгара, Сувара, Биляра, по всей видимости, заставил русов прекратить грабежи и искать примирения, чтобы подобру-поздорову уйти восвояси. Во всяком случае, взять с булгар дань не удалось. Мирный договор заключил не победитель с побежденным, а равный с равным, и, кажется, соглашение с булгарами не принесло Русской земле ощутимых выгод.

Разгром Хазарии

Относительный неуспех набега на Волжскую Булгарию был заглажен в походе на Нижнюю Волгу, где Владимир наголову побил хазар. В данном случае, кроме краткого сообщения об этом Иакова Мниха: «и на козары шед, победы их и дань на них положи», у нас, по счастью, есть современные свидетельства арабских писателей, в известной мере позволяющие восстановить ход событий.

В 70—80-Х гг. X в. хазарские беженцы, пережившие русский погром Итиля 968/969 г., вновь заселили опустевшие низовья Волги. Вместе со своим народом в родные места вернулся и царь Хазарии. Формально каганат был восстановлен, но это было государство-призрак, нежизнеспособное и едва контролирующее узкую степную полосу между Итилем и Таманью, а также небольшой участок земли на северо-западном побережье Каспийского моря; хазарская столица Итиль, бывшая некогда крупнейшим городом Поволжья и Северного Кавказа, так никогда и не возродилась в былом виде.

Набеги гузов – северных соседей Хазарии – грозили ей полным исчезновением. В поисках защиты хазарский царь обратился к шаху Хорезма, который укротил степняков, но в качестве платы за помощь потребовал, чтобы хазары отказались от иудейства и приняли ислам. Отчаявшись собственными силами отстоять свою государственность, хазары в очередной раз поменяли веру. Однако Аллах остался так же глух к их надеждам, как и Яхве. Приблизительно в середине 980-х гг., как пишет современник, арабский ученый аль-Мукаддаси, «войско, пришедшее из ар-Рума и называемое ар-Рус, напало на них [хазар] и овладело их страной». Поскольку арабское «ар-Рум» буквально означает Византию, в данном случае это, очевидно, соседнее с византийскими владениями в Крыму «русское» побережье Таврики. Стало быть, Владимир напал на Хазарию из Тмуторокани и, вероятно, при поддержке дружин своего брата Сфенга, вождя черноморской руси. Потерпев поражение в первой же стычке, хазары прекратили сопротивление – всем еще слишком памятен был 968/969 г., когда разъяренные русы не оставили в опустошенной стране «ни винограда, ни изюма».

---

[83] Археологический перечень видов оружия, найденного на территории Волжской Булгарии, выглядит внушительно: мечи, сабли, однолезвийные палаши, ножи, кинжалы, топоры, кистени, булавы, наконечники копий и стрел, рогульки (шары с шипами, которые бросали под ноги вражеской кавалерии).

Захват Владимиром Итиля грозил перерасти в вооруженный конфликт с Хорезмом. Однако, согласно несколько темному показанию Ибн Хаукаля, хазары сами умоляли шаха Хорезма, их нового покровителя, не затевать войну и позволить им заключить с русами договор, чтобы «они [хазары] были бы покорны им [русам]». По всей видимости, как следует из слов Иакова Мниха, хазарское население было обложено данью в пользу русского князя. Повесть временных лет (в легенде о «хазарской дани») также замечает: «…володеють бо козары русьскии князи и до днешнего дне». Правда, вряд ли сбор дани осуществлялся со всей территории каганата. В ряде восточных источников говорится об оккупации в 90-х гг. X в. приволжских городов Хазарии войсками хорезмийского шаха. С другой стороны, сомнительно, чтобы русские князья владели поволжскими хазарами «до днешнего дне», когда писалась Повесть временных лет, то есть в конце XI – начале XII в., поскольку тогда в Дикой степи безраздельно господствовали половцы. Поэтому наиболее вероятно, что русы и хорезмийцы разделили сферы влияния в Хазарии, и Владимир (а также последующие русские князья) собирал дань только с западных хазар, живших в Крыму и по соседству с «русской» Таврикой, между Доном и Кубанью.

Зажатый между Русью и Хорезмом Хазарский каганат был низведен на последнюю степень ничтожества. С конца X в. его сильно поредевшее население ютилось в полуразрушенных городах, где еще сохранялось какое-то подобие стабильности. Характерно, что византийские и западноевропейские писатели XI–XII вв., говоря о Хазарии, подразумевают под ней уже только Крым, в котором еще долгое время существовала довольно многочисленная община хазарских иудеев (караимов).

Поставив в данническую зависимость западную часть Хазарии, Владимир присвоил себе титул кагана («великим каганом земли нашей» величает его митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати»). То был обдуманный политический шаг. Русские князья издавна стремились к международному признанию своего титула «великий князь русский», который, однако, в иерархии правителей Восточной и Западной Европы котировался довольно низко, в одном ряду с племенной титула-турой вождей печенегов и венгров. Поэтому начиная с Игоря, как о том свидетельствует Константин Багрянородный, киевские князья стремились повысить международный престиж своего «княжения», домогаясь «царских венцов» от византийских императоров. Византия со своей стороны проявляла крайнюю неуступчивость в этом вопросе.

И вот Владимиру представился удобный случай решить проблему титулования другим способом – за счет присвоения себе титула кагана, который обладал неоспоримым авторитетом не только среди народов Восточной Европы, но и при константинопольском дворе, где хазарского кагана в официальных документах именовали «наиблагороднейшим и наиславнейшим». Тяга «робичича» к пышным титулам вполне понятна и с психологической стороны. Вместе с тем принятие Владимиром титула хазарского владыки «не сопровождалось заимствованием каких-либо элементов государственно-административной системы Хазарии. Более того, реальный статус хазарского кагана, который, согласно тюркским обычаям, мог стать объектом жертвоприношения, вряд ли воспринимался первыми правителями русов как привлекательная модель организации верховной власти. О претензиях русских князей на «хазарское наследство» можно говорить только в смысле территориальном – как об этом сказано в Повести временных лет: «Владеют русские князья хазарами и по нынешний день»[84].

Принимая титул кагана, Владимир заявлял о себе как о могущественнейшем и, по сути, единственном законном правителе Восточной Европы – от Дона и Волги до Карпат и от

[84] *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси / / Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 125.

Балтийского до Черного моря. Это был вызов, обращенный ко всем окрестным государям, но прежде всего – к императору Византии. «И единодержец быв земли своей, покорив под ся округняя страны, овы [одни] миром, а непокорливыа мечем, и тако ему… землю свою пасущу правдою, мужьством же и смыслом…» – подводит итог дохристианского правления Владимира митрополит Иларион. Государственное величие Русской земли, опиравшееся на материально-идеологические ресурсы языческого общества, достигло своего предела. Дальнейшее развитие ее государственного суверенитета было невозможно без коренного преображения религиозно-политических основ княжеской власти.

Глава 3 Обращение Владимира в христианство

Повесть временных лет о крещении Владимира

Официальный переход Руси от язычества к христианству – единственный подлинный переворот в русской истории – имеет странную историографическую судьбу. Запечатленный во многих наших древних памятниках, он остается, так сказать, невидимым и неосязаемым для исторического знания. И это притом, что Повесть временных лет на первый взгляд отнюдь не обделила вниманием духовное преображение Владимира. Достаточно сказать, что на повествование о принятии им христианства приходится больше половины от общего числа летописных страниц, посвященных его княжению. Но доверие к этим известиям как к основе наших знаний об обстоятельствах крещения Владимира и Русской земли было подорвано еще в дореволюционный период[85]. С тех пор в научной среде ширится осознание того поразительного факта, что у исследователя нет почти никакой возможности опереться в этом вопросе на данные древнерусского летописания и агиографии, которые являют собой вторичный литературный материал, по большей части напрочь лишенный какого бы то ни было реального исторического содержания.

Житийная легенда, вставленная в состав Повести временных лет под 986–988 гг., неожиданно превращает князя Владимира – до сей поры неистового язычника и отважного предводителя победоносных русских дружин – в «какого-то апатичного, почти индифферентного искателя вер»[86]. Столь же внезапно княжеский двор оказывается наводнен посольствами из разных стран, преследующими одну цель – убедить русского князя в истинности своего вероисповедания. Болгары (волжские, то есть мусульмане), «немцы» (католики) и «жидове козарстии» (хазарские иудеи) поочередно излагают перед Владимиром сущность своих религий. Но Владимир не приемлет ни того, ни другого, ни третьего.

Ислам вроде бы поначалу приглянулся ему своим обещанием загробного блаженства в обществе семидесяти прекрасных гурий, «бе бо сам любя жены и блуженье многое»; но услышав об «обрезанье удов и о неяденьи мяс свиных, а о питьи отнудь», Владимир рек: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти».

Немцы учли гастрономические пристрастия князя и заявили об умеренных диетических «заповедях» католичества: «пощение по силе; аще ли ясть кто и пиеть, то все во славу Божию, рече учитель наш Павел». Тем не менее Владимир выпроводил и их: «идите опять [обратно], яко отцы наши сего не прияли суть».

Неосторожное признание иудейскими проповедниками того, что за многие грехи еврейского народа Бог «расточил» его по чужим землям, вызвало у Владимира законное опасение насчет исторических перспектив для Русской земли в случае принятия ею «жидовства»: «…аще бы Бог любил вас, то не бысте расточени по чюжим землям; егда и нам мыслите то же зло прияти?»

Последним приезжает в Киев греческий «философ», который в длиннейшей (более 5000 слов) речи разоблачает перед Владимиром пагубные заблуждения и скверные обычаи болгар, «жидов» и «немцев», а затем, не всегда сверяясь с первоисточником, излагает ему

---

[85] См., напр: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. С. 105, 122–123; *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира: Сб. статей, посвященных акад. и заслуженному проф. В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его научной деятельности. СПб., 1908 (отд. оттиск имеет выходные данные: СПб., 1906). С. 75—103; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 25–26.

[86] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 132.

ветхо– и новозаветную историю, «что ради сниде Бог на землю». Слова «философа» западают князю в душу, однако он решает «пождать еще мало», желая «испытати о всех верах».

И вот уже из Киева во все стороны едут княжеские послы, чтобы своими глазами увидеть, «кто како служит Богу». Побывав в мусульманской мечети, католическом костеле и в цареградской Святой Софии, Владимировы «мужи» возвращаются в Киев, где убеждают князя, что православная церковная служба по красоте своей не сравнится ни с какой другой на свете. К этому эстетическому аргументу в пользу греческого исповедания они добавляют исторический довод, ссылаясь на то, что «аще [был] бы лих закон греческий, то не бы баба твоя Ольга приняла, яже бе мудрейши всех человек». Владимир окончательно склоняется на сторону греческого православия. Остается выбрать место крещения. Князь спрашивает своих «мужей», где ему надлежит креститься, и слышит в ответ: «…где, господине, любо».

Спустя год после этого Владимир со своей дружиной выступает в поход на Корсунь и принуждает город к сдаче. Оттуда он шлет послов к византийским императорам Василию и Константину, требуя себе в жены их сестру, царевну Анну, и угрожая в случае отказа осадить Царьград. Испуганные «цари» отсылают протестующую Анну в Корсунь, предварительно получив от Владимира согласие на принятие им крещения. Тут в дело вступает промысел Божий, насылающий на гордого русского князя слепоту. Владимир недоумевает, как ему теперь быть. Тогда Анна советует ему быстрее креститься, дабы на деле познать величие христианского Бога. И точно, как только корсунский епископ «с попы царицины» совершили над Владимиром обряд крещения, пелена тотчас спала с его очей. Прославив Всевышнего, князь обвенчался с Анной, вернул грекам Корсунь в качестве «вена» (свадебного подарка) за невесту и отплыл домой, в Киев, где в том же году совершилось поголовное обращение его жителей в христианство.

Так называемое Житие Владимира особого состава[87] рассказывает историю крещения Владимира в Корсуни с некоторыми отличиями от летописного варианта. Владимир – ненасытный блудник и многоженец, желая (по внушению дьявола) во что бы то ни стало заполучить в свой гарем двенадцатую жену, шлет послов к правителю Корсуни просить за себя его дочь. Тот отвергает это предложение, ссылаясь на «поганство» (язычество) жениха. Оскорбленный Владимир идет на Корсунь войной и, овладев городом, бесчестит дочь корсунского «князя» в присутствии ее родителей, которых затем убивает. После этого победитель охладевает к опозоренной девушке и сватается к сестре византийских императоров. Дальнейшие события излагаются в соответствии с рассказом Повести временных лет.

Пространному летописному повествованию о крещении Владимира присущи многие недостатки, и в первую очередь – отсутствие сюжетной цельности, ибо Повесть временных лет на самом деле рассказывает не одну, а по крайней мере три истории, почерпнутые из разных источников и сведенные воедино простейшим способом – посредством поочередного их пересказа. Во-первых, это адаптированное к русской почве предание о проповеди представителей трех соперничающих религий (иудаизма, мусульманства, христианства) перед государем, которому предстоит выбор «истинной веры». По всей вероятности, оно восходит к соответствующей еврейской легенде о принятии хазарским каганом иудейства, широко известной за пределами каганата. Например, арабский писатель XI в. Аль-Бекри в «Книге путей и стран» передает эту историю так: «причина обращения царя хазар в еврейскую веру после того, как он был язычником, была следующая: он принял христианство, но сознавши ложь своей религии, советовался с одним из своих мерзубанов [наместников] о том, что его в этом деле озабочивало. Тот сказал ему: о царь! обладатели откровенных книг – три разряда

[87] Название введено в научный обиход А.А. Шахматовым (см.: *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 44). В оригинале рукопись озаглавлена: «Оуспение равноапослом великого князя Владимира – самодержца Русския земли, нареченного во святом крещении Василием».

людей. Пошли же к ним и разузнай их дело и последуй тем, кто обладает истиной. Вследствие этого он послал к христианам за епископом. А был у него некоторый муж из евреев, ловкий в спорах. Последний начал рассуждать с епископом и сказал ему: что скажешь ты о Моисее, сыне Имране и откровенной ему Торе [Ветхом Завете]? Тот ответил: Моисей – пророк и Тора – истина. Тогда еврей сказал царю: вот он подтверждает истину моей веры… Епископ против этого не мог возразить ничего дельного. И послал царь к мусульманам, и те отправили к нему человека ученого, умного и ловкого в спорах. Но еврей подослал к нему одного человека, чтоб его отравить в пути. Таким образом мусульманин умер; еврей же склонил царя к своей вере, и он стал евреем».

С некоторыми вариациями сказание об «испытании вер» хазарским каганом изложено также в «Хазарской книге» Иегуды бен Галеви и в ответном письме хазарского царя Иосифа к рабби Хасдаю ибн Шафруту (около середины X в.)[88]. Однако древнерусский летописец не ограничился простой перелицовкой этого расхожего предания, дополнив его другим заимствованным произведением – вложенной в уста греческого миссионера «Речью философа», которая, перед тем как попасть на Русь, по-видимому, имела хождение в Моравии и Болгарии в качестве истории обращения в христианство моравского князя Ростислава и болгарского князя Бориса (середина 60-х гг. IX в.)[89].

Второе сказание, использованное летописью – об «изведывании вер» посольскими «мужами» Владимира, – отличается от первого только способом выбора «лучшей» религии. Трудно судить, насколько оно оригинально. Какое-то отдаленное эхо летописной легенды о посольствах, кажется, можно расслышать в рассказе арабского ученого конца XI – начала XII в. Марвази об «испытании вер» неким «царем русов» Булдмиром/ Буладмиром (вероятно, искаженное «Владимир»), вначале принявшим христианство, а затем пожелавшим стать мусульманином. Будучи язычниками, пишет Марвази, русы добывали себе пропитание мечом, «и было их воспитание таким, пока они не приняли христианство… Когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы были дозволены для них набег и священная война… Вот они и послали послов к владетелю Хорезма, четырех мужей из приближенных царя, а у них есть независимый царь, называется их царь Булдмир… Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства, обрадовался хорезмшах тому, что они захотели стать мусульманами, и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их в законах ислама, и они обратились в ислам».

Разведыванием сущности мировых религий Владимир занимается также в одном анонимном византийском сочинении (так называемый «Аноним Бандури» – по имени его издателя A. Banduri), которое могло послужить источником для соответствующего сюжета Повести временных лет[90].

Много позднее сложилось польско-литовское предание о враче Иване Смере, половчанине по происхождению, которому Владимир будто бы поручил исследовать веры. Объехав разные земли, Смер добрался до египетской Александрии, откуда отправил князю письмо, вырезанное на медных досках. Суть этого послания сводилась к тому, чтобы Владимир не принимал ни греческую, ни римскую веру, так как чистое апостольское учение сохрани-

---

[88] См.: *Бараи, Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 39–48.

[89] См.: *Львов А.С.* Исследования Речи философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 333–396; *Шахматов А.А.* Один из источников летописного сказания о крещении Владимира / / Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. Марину Степановичу Дринову (Сборник Историко-филологического общества, состоящего при Императорском Харьковском университете. Т. XV). Харьков, 1908. С. 74; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 52.

[90] *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 108.

лось только в александрийском христианстве. В XVI в. житель Витебска Андрей Колодинский якобы перевел письмо Смера на русский и польский языки, и с тех пор оно хранилось в одном из польских монастырей. В следующем столетии сын польского богослова Андрея Вышеватого, Бенедикт, сообщил эти сведения церковному писателю Христофору Занду, который включил их в свою книгу «Ядро церковной истории». Оттуда известие о Смере попало в «Российскую историю» М.В. Ломоносова. Русский ученый предположил, что Смер обратился в Александрии в коптскую ересь, «которая содержит обрезание; чего ради не удостоена Владимирова внимания»[91].

Современная наука разоблачила «письмо Ивана Смера» как фальсификацию XV–XVI вв., вышедшую, по всей вероятности, из среды польско-литовских социниан. Социнианское учение относилось к ересям арианского толка, отрицавшим троичность Бога, чем и объясняется восхваление Смером чистоты «александрийского христианства» (ересиарх Арий в конце III – начале IV в. был пресвитером александрийской церкви).

И только третье летописное сказание – о крещении Владимира в Корсуни (так называемая «корсунская легенда») – безусловно является самобытным древнерусским произведением, хотя заимствования отдельных мотивов, вроде предшествующей крещению болезни, вовсе не исключены[92].

Как можно заметить, каждая из трех использованных летописью легенд с сюжетной стороны вполне самодостаточна, и первые две по своему внутреннему смыслу тоже должны были бы заканчиваться крещением испытавшего веры Владимира. Вероятно, так когда-то и было, и лишь в достаточно поздней редакции Повести временных лет произошло их искусственное сращивание в одно целое посредством плохо мотивированного откладывания Владимиром последнего шага к купели: выслушав проповедников трех религий и греческого «философа», князь решает «подождать еще маленько», чтобы «испытати всех вер», хотя только что всех их «испытал»; а затем, еще раз «испытав» веры через своих послов, он начинает ломать голову над совершенно другой проблемой, которая неожиданно выступает на первый план, заслонив собой все остальные: в каком городе ему следует принять крещение. Ответ, конечно, заранее предопределен существованием «корсунской легенды».

Этот сумбурный и компилятивный рассказ, который даже многим историкам Церкви «представляется совершенно неудовлетворительным, ни логически, ни психологически»[93], тем не менее имеет своеобразную логику – логику провиденциализма. Видимо, в свое время она была достаточно убедительна для образованных людей Древней Руси. Благодаря двум характерным фрагментам текста: словам хазарских «жидов» о том, что «предана бысть земля наша хрестеяном» (крестоносцы удерживали за собой Палестину со второй половины 90-х гг. XI в. до 1187 г.), а также резкому антикатолическому выпаду со стороны «Корсунского епископа» в обращенном к Владимиру вероучительном слове («не принимаи же от латыне учения, их же учение развращено»), из чего с несомненностью явствует полное конфессиональное размежевание с Римской церковью, – можно с уверенностью датировать окончательное оформление сказания о крещении Владимира в составе Повести временных лет XII

---

[91] *Ломоносов М.В.* Сочинения. М.; Л., 1952. Т. VI. С. 264–265.

[92] Так, внезапный недуг заставляет обратиться к Богу «русского князя» Бравлина, напавшего в конце VIII в. на Сурож, как о том повествует Житие святого Стефана Сурожского. В одной из редакций Владимирова жития говорится, что тело Владимира покрылось струпьями, которые после крещения спали с князя в купели, *как рыбья чешуя.* Этот эпизод является буквальным заимствованием из исторической хроники византийского писателя IX в. Георгия Амартола, где он приурочен к крещению императора Константина Великого. Однажды, когда Константин разболелся проказою, во сне ему явились апостолы Петр и Павел. Они приказали позвать во дворец святого мужа, епископа Сильвестра, который один мог указать болящему путь к спасению. По совету Сильвестра Константин окунулся в купель – «и тотчас вышел царь из купели весь здрав, оставив струпы тела своего в воде, как рыба чешую» (*Барац, Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 69–70).

[93] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 132–133.

веком, может быть, даже второй его половиной[94]. В качестве поздней историографической концепции, отразившей дух своего времени, «история крещения, о которой повествуется в летописи, являет собой прекрасный памятник древнерусского (уже христианского) исторического сознания, а также литературной и религиозной жизни и обычаев начала XII столетия»[95]. Но было бы напрасно пытаться обнаружить в ней признаки современного событиям источника.

Внелетописные источники о крещении Владимира

Помимо Повести временных лет есть еще несколько вне-летописных свидетельств, гораздо более близких Владимировой эпохе. Два древнерусских писателя, митрополит Иларион и Иаков Мних, которых от крещения Владимира отделяет всего около полувека, не рассказывают об этом событии литературных сказок, не копаются в обрядовых и бытовых мелочах, будто бы обусловивших религиозный выбор Владимира. Вместе с тем создается впечатление, что и они уже весьма смутно представляли себе причины, подвигнувшие его на этот шаг.

У Илариона больше вопросов, чем ответов: «Како [ты] уверова? Како разгореся в любовь Христову? Како вселился в тя разум выше разума земных мудрец, чтобы невидимаго возлюбити и о небесных подвигнутися? Како взыска Христа, како предася Ему? Поведай нам, рабом твоим! Поведай, учитель наш, откуду повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуда вкуси и виде яко благ Господь? Не видел еси Христа, не ходил еси по нем. Как учеником Его сделался? Иные, видевше Его, не вероваша, ты ж не видев уверова… Ведущие бо закон и пророкы распяша Его. Ты ж, ни закона, ни пророк не читав, Распятому поклонися. Како разверзлось сердце твое, како вниде в тя страх Божий? Како прилепися любови Его? Не виде апостола, пришедша в землю твою… Не виде, [как] бес изгоняется именем Иисуса Христа, [как] больные исцеляются, немые глаголють, [как] жар в холод превращается, [как] мертвые встают – сих всех не видев, како уверова?»

В поисках объяснения этой разительной и непостижимой перемены в духовном складе благоверного князя Иларион присматривается к случившемуся с разных сторон. То он видит в преображении Владимира глубочайшую духовную тайну, его личный духовный подвиг: «Дивное чудо! Иные цари и властители, видяще [как] все сие сбывающе от святых муж, не вероваша, но на муки и страдания предаша их. Ты же, о блаженный, без всего этого притече ко Христу, токмо от благого смысла и остроумия разумев яко есть Бог един творец невидимым и видимым, небесным и земным, и яко посла в мир спасения ради возлюбленаго Сына Своего. И се осмыслив, [ты] вниде в святую купель».

В другом месте Иларион приписывает духовное прозрение Владимира благодатному озарению Святого Духа: «И тако ему в дни свои живущю и землю свою пасущу правдою, мужеством же и смыслом, [тогда] приде на него посещение Всевышнего – призре на него всемилостивое око благого Бога, и всиа разум в сердце его, яко разу мети суету идольской лести и взыскати единаго Бога, сотворившаго всю тварь видимую и невидимую».

Допускает он и некоторое внешнее влияние, впрочем, лишь в качестве похвального примера для подражания: «Паче же слышал он всегда о благоверьней земле Греческой, христолюбивой и крепкой верою, како единого Бога в Троице чтут и поклоняются, како в них деются чудеса и знамения, како церкви люди исполнены, како вси грады благоверные, вси

---

[94] См.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 49, 244; *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 306. Примеч. 241.

[95] *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 210–211.

в молитвах предстоять, все служат Богу»; но духовная инициатива все равно остается за Владимиром: «И си слыша, возждела сердцем, возгоре духом, яко быти ему христианином и земли его».

Примерно в том же свете видится обращение Владимира Иакову Мниху, с той лишь разницей, что он ставит это событие в зависимость не от греческих, а от местных, киевских влияний: «Взыска [Владимир] спасения и прия о бабе своей Олзе, како шедши к Царюгороду, и приала бяше святое крещение, и пожи добре пред Богом, всеми добрыми делами украсившися и почи с миром о Христе Иисусе и в блазе вере… То все слышав князь Володимер о бабе своей Олзе… [и тогда] разгарашется Святым Духом сердце его, хотя святого крещения[96]. Видя же Бог хотение сердца его, провидя доброту его, и призри с небесе милостию своею и щедротами и в Троице славимый Бог Отец и Святый Дух на князя Володимера, испытая сердца и утробы, Бог праведен, вся преже ведый, и просвети сердце князю Рускыя земли Володимеру приати святое крещение».

Спустя еще три-четыре десятилетия мирские причины крещения Владимира начисто забываются, и преподобный Нестор в своем «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» (80—90-е гг. XI в.) переносит все происшедшее с князем всецело в мистическую область: «Бысть бо рече князь в те годы, владевший всею землею Русскою, именем Владимир. Бе же муж правдив и милостив к нищим и сиротам, и ко вдовицам, елин [эллин, то есть язычник] же верою. Сему Бог послал некое откровение и створи быти ему хрестьяну, якоже древле Плакиде». Рассказав, как Бог открылся этому христианскому святому в видении[97], Нестор заключает: «Такоже и сему Владимеру явление Божие быти ему хрестьянину створи же».

Другая церковная традиция уподобляла обращение Владимира обращению апостола Павла после видения Господа по пути в Дамаск[98].

По своему литературному качеству писания древнерусских книжников XI в. выгодно отличаются от известия Повести временных лет – в них нет или почти нет наивности, аляповатой сказочности, бросающихся в глаза внутренних противоречий.

Однако было бы ошибкой преувеличивать их историческую значимость, находя в этих свидетельствах «драгоценный и подлинно-исторический материал, необходимый для объяснения происшедшего на Руси великого исторического переворота»[99]. Никакого исторического материала конечно же здесь нет (если понимать под таковым достоверные сведения,

---

[96] Развивая тему женского влияния, Е.Е. Голубинский и А.В. Карташев предполагали, что Владимира могли склонить к крещению его жены-христианки – «грекиня» и две «чехини» (см.: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 137). Но Повесть временных лет придерживается на этот счет другого мнения, полагая, что жены Владимира, наоборот, способствовали его удалению от Бога. Как известно, многоженец Владимир уподоблен в летописи многоженцу Соломону, о котором Библия сообщает следующее: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин… из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: «не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам»; к ним прилепился Соломон любовью… и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам… И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (3 Цар., 11: 1–5). Этот библейский контекст сохранен и в отношении Владимира: в статье под 980 г. сообщение о поставлении кумиров «на холму вне двора теремного» соседствует с известием о многоженстве Владимира, который «прелюбодейчич убо бе» и «бе побежен похотию женскою». Только с появлением «корсунской легенды» в житие Владимира вводится образ царевны Анны – «жены доброй», которая обратила его на путь истины.

[97] Обращение Евстафия Плакиды, добродетельного язычника, произошло во время охоты, когда Спаситель явился ему в виде оленя.

[98] Для полного соответствия с обращением Павла в житийную традицию о Владимире был введен мотив слепоты. Как Павел слепнет и прозревает через три дня, после возложения на него рук апостолом Ананией, который затем ведет его к купели, так и Владимир «болеет очами» во время осады Корсуни и исцеляется, последовав совету «доброй жены» (Анны) принять крещение. В «корсунской легенде» эта параллель несколько затемнена, но Густынская летопись прямо добавляет: «…и егда возложи на него руце епископ, абие прозре, *якоже некогда Павел апостол».* В тропаре святому Владимиру также поется: «И обрете безценный бисер Христа, избравшего тя, *яко втораго Павла, отрясшаго слепоту во святей купели,* душевную вкупе и телесную» (подробнее см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 441–446).

[99] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 133.

полученные из первых рук, либо в устной или письменной традиции), а есть напряженное умственное усилие незаурядных русских голов XI столетия, направленное на то, чтобы постигнуть и осмыслить важнейшую веху в истории Русской земли.

Реальность, однако, была совершенно другой.

Варда Фока против Варды Склира

В то время как Владимир в конце 70-х – первой половине 80-х гг. X в. возлагал на свою голову чужие венцы, византийский император Василий II был озабочен тем, как сохранить при себе свой собственный. За все первое десятилетие своего долгого царствования он поистине не знал ни одного спокойного дня, постоянно тревожимый то опасностью полного распада государства под давлением извне, то дерзкими покушениями знатных византийских родов на его императорскую власть. Больше всего на свете василевс нуждался в верных войсках, и эта нужда заставляла его внимательно следить за положением дел во «внешней Росии», где всегда было немало охотников послужить «греческому царю». Мы видели, что в 977 г. мятеж Варды Склира побудил Василия II обратиться за помощью к Ярополку, но тогда «вой» срочно понадобились самому киевскому князю, а его гибель в следующем году похоронила всякие надежды на быструю подмогу империи со стороны «росов».

В тот критический момент Василию удалось отвести беду, не прибегая к услугам иноземцев. В столицу был вызван опальный тезка Склира и его непримиримый враг – Варда Фока, племянник императора Никифора Фоки, до этого находившийся в ссылке на острове Хиос за то, что в последний год правления Иоанна Цимисхия поднял против него восстание. Варда Фока был побежден тогда Вардой Склиром, который возглавил правительственную армию. Мятежника постригли в монахи и отправили в изгнание. И вот теперь Фоке позволили сбросить схиму и вручили ему командование войсками, сохранившими верность Василию II.

Личная вражда полководцев придала войне ожесточенный характер. Несмотря на то что Фока, по словам Михаила Пселла, «был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях», он дважды терпел поражение от Склира, но всякий раз возвращался со свежими войсками, набранными в грузинских провинциях, еще более сильный и опасный, чем прежде. Больше года противники кружили по Малой Азии без ощутимого успеха ни для одного из них. Наконец счастье изменило Склиру: после одного неудачного сражения его армия частью разбежалась, а частью перешла на сторону Фоки, который победителем въехал в Константинополь и был удостоен триумфа.

Склир нашел убежище у багдадского халифа Адуда аль-Даулы, однако вскоре в Багдад прибыл посол Василия II, который от имени императора обещал мятежнику полное прощение, а заодно попытался отравить его. Халиф принял соломоново решение, приказав заключить обоих гостей под стражу.

Византийско-болгарская война

Едва возвратив себе имперский Восток, Василий II потерял почти весь Запад. Самуил, правитель Западной Болгарии[100], воспользовавшись тем, что Василий бросил все наличные силы на подавление мятежа Варды Склира, вторгся в Центральную и Дунайскую Болгарию и к 980 г. практически восстановил Первое Болгарское царство в его былых границах

[100] При ликвидации в 971 г. Иоанном Цимисхием Первого Болгарского царства западные области Болгарии сохранили независимость от Византии. Во главе их находился комитопул (губернатор) Македонской фемы Николай Шишман, которому наследовали его сыновья (Комитопулы) – Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Первые трое братьев вскоре погибли, и в 976 г. борьбу болгар против Византии возглавил Самуил.

(хотя Филиппополь/Пловдив остался за Византией). Последние болгарские цари из династии Аспаруха, братья Борис II и Роман, лишенные Цимисхием царских регалий и содержавшиеся в почетном плену в Константинополе, сумели бежать из греческой столицы. По дороге на родину Борис, не успевший сменить византийское платье, был принят за грека и убит какой-то разбойной шайкой болгар; но Роман благополучно добрался в лагерь Самуила и был провозглашен болгарским царем (византийские писатели отрицают легитимность его правления, так как Роман в Константинополе был оскоплен, вследствие чего, по тогдашним понятиям, не мог занимать престол)[101]. Одновременно была восстановлена независимость Болгарской церкви.

С 980 г. Самуил перенес военные действия на собственно византийскую территорию. Вся Греция, вплоть до самого Пелопоннеса, подверглась опустошительным набегам болгар. Современник этих событий, византийский поэт Иоанн Геометр в одном из своих стихотворений картинно изображает бедственное положение дел на Балканах: «А то, что делается на Западе, какое слово нам это расскажет? Толпа скифов [т. е. болгар]… как будто на своей родине рыщет и кружит здесь по всем направлениям. Как из земли произрастающие благородные ветки, они с корнем вырывают крепкую породу железных мужей, и меч делит пополам поколение младенцев: одни остаются матери, других враг вырывает насилием своих стрел. Прежде крепкие города – теперь легкий прах, табуны лошадей там, где жили люди. Видя это, как удержусь от слез? Так истребляются города и села».

По словам византийского историка Скилицы, Самуил толпами уводил местных жителей «во внутреннюю Болгарию и, зачислив в свои воинские списки, пользовался их содействием против греков».

В 986 г. Василий II лично повел византийские войска в поход на болгар. Прорвавшись через Родопские горы, он осадил Сердику, или Средец (София). Но известие о подходе болгарского войска заставило его снять осаду и поспешно отступить. На обратном пути императорская армия потерпела сокрушительное поражение в ущелье Траяновы Врата (16–17 августа). Болгары применили свою излюбленную тактику: заняв горные проходы, они окружили ромейское войско, отягощенное большим обозом, и почти совершенно истребили его. Весь армейский скарб, награбленная добыча и даже царское убранство Василия достались Самуилу. Сам император спасся только благодаря армянской пехоте, которая, плотно обступив его со всех сторон, пробилась по горной дороге в Македонию. Преследуя разбитого врага, Самуил захватил Фессалоники и крупный порт Диррахий на адриатическом побережье.

Владимир выступает на стороне болгар

К этому времени (986–987) относится ряд отрывочных сообщений о том, что Владимир ввязался в болгаро-византий-скую войну, выступив на стороне Самуила против греков[102]. Сирийский историк второй трети XI в. Яхья Антиохийский, один из самых компетентных источников по истории русско-византийских отношений второй половины 80-х гг.

---

[101] В 991 г. Роман умер, и царем Болгарии стал Самуил.

[102] А.В. Назаренко высказал предположение, что в 982/983 г. Владимир также заключил союз с Оттоном II, направленный против Византии. После захвата в Италии города Таренто, принадлежавшего Византии (март 982 г.), германский император, по сообщению Санкт-Галленских анналов, намеревался овладеть всеми подвластными грекам итальянскими землями – «Кампанией, Луканией, Калабрией, Апулией и… даже до Средиземного моря», для чего сколачивал антивизантийскую коалицию. Но участие в ней Владимира пока что остается не более чем догадкой. Свою гипотезу о русско-немецких дипломатических контактах в начале 80-х гг. X в. Назаренко выстроил вокруг двух вещевых памятников того времени – медальонов с изображением Оттона II и его жены, гречанки Феофано, которые будто бы были подарены Владимиру немецкими послами. Последнее утверждается единственно на том основании, что происхождение обоих медальонов из русских частных собраний первой трети XX в. «позволяет думать, что обнаружены они были на территории России», хотя на самом деле «обстоятельства и точные места находок как того, так и другого экземпляров неизвестны» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. с. 411–413, 420–421).

X в., коротко отметил, что непосредственно перед принятием крещения русы находились в лагере противников Василия II («они его враги»)[103].

С византийской стороны имеется эпиграмма Иоанна Геометра, озаглавленная «Против болгар», которая в классическом переводе В.Г. Васильевского звучит так: «Примите ныне, фракийцы, скифов союзниками против друзей, прежних союзников против скифов. Ликуйте и рукоплещите, племена болгарские, скипетр, диадему, порфиру имейте и носите, а равно и пурпур (далее в тексте пропущена одна строка. – С. Ц.). <…> [Он вас] переоденет и заклеплет шеи под длинное ярмо, а ноги – в колодки, исполосует частыми ударами спины и живот за то, что, отказавшись работать… вы осмелились носить их и кичиться»[104].

Как можно понять, смысл этой антиболгарской инвективы состоит в следующем: поэт порицает болгар («фракийцев») за то, что они вступили в союз с русами («скифами») против греков (бывших «друзей», с чьей помощью удалось изгнать Святослава из Болгарии), и предрекает болгарам, возмечтавшим о восстановлении независимого царства, близкое порабощение от русского вождя, которого они неосторожно взяли в союзники (намек на горький опыт приглашения Святослава для решения болгаро-византийских споров)[105].

Несколько иначе представляют дело некоторые древнерусские летописи, упоминающие о походе Владимира на дунайских болгар. Татищев свел воедино их показания таким образом: «Владимир собрал воинство великое, и Добрыню вуя своего призвав с новогородцы, пошел на болгар и сербы; а конные войска русские, торков, волынян и червенских послал прямо в землю Болгарскую объявить им многие их нарушения прежних отца и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же, не хотя платить оного, но совокупившись со сербы, вооружились противо ему, и по жестоком сражении победил Владимир болгаров и сербов и поплени землю их; но по просьбе их учинил мир с ними, возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в домы их»[106].

В целом эти сведения безусловно заслуживают внимания, хотя бы потому, что Иоакимовская летопись затем прямо предполагает участие дунайских болгар в крещении Руси[107], а между тем, как заметил еще С.М. Соловьев, во всех известных нам летописных списках рассказ о принятии Владимиром христианства начинается сразу после рассказа о походе на болгар[108]. Эта композиционная последовательность вряд ли была бы такой устойчивой, если бы болгарские контакты Владимира ограничились одной стычкой с волжскими, или «серебряными» булгарами. Конечно, многие анахронизмы в сообщении Татищева (участие в походе торков и конных русских дружин, упоминание царя Симеона вместо Самуила) заставляют отнестись к нему с осторожностью. Однако та подробность, что Владимир обвинил болгар в нарушении прежних договоров, представляется достаточно информативной, ведь подобные

---

[103] М.В. Левченко полагал, что известие Яхьи следует понимать в смысле «простой натянутости отношений». А.В. Назаренко справедливо отводит это мнение: «Такое понимание *возможно*, но не *обязательно*... Подобная щепетильность представляется несколько преувеличенной: в X в. не выступали с нотами протеста и не отзывали постоянных представителей – в какой еще форме могла проявиться враждебность, кроме непосредственных военных действий?» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 433).

[104] Цит. по: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 425.

[105] Есть и другие толкования данного текста, обусловленные неоднозначностью его этнической номенклатуры. В частности, высказывалось мнение, что Иоанн Геометр иронизирует здесь над русско-византийским союзом против болгар (если «фракийцы» – это греки). Но в этом случае приходится допускать большие натяжки, вплоть до неоправданных конъектур текста и устранения заголовка эпиграммы (см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 424–431).

[106] Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 309. Примеч. 264.

[107] «…иде Владимир на булгары и, победя их, мир учини и прият кресчение сам и сыновья его, и всю землю Русскую крести. Царь же болгарский Симеон приела иерей учены и книги довольны» *(Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112).

[108] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 309. Примеч. 264.

соглашения у Руси были только с Восточной Болгарией, некогда признавшей власть Святослава.

Сообразуясь с известиями Яхьи и Иоанна Геометра, можно предположить, что Самуил пригласил Владимира выбить византийцев из болгарских земель в районе Нижнего Дуная. Но почему тогда наши летописи пишут о войне Владимира с болгарами, а не греками? Вероятно, это может быть объяснено тем, что отвоевание Самуилом у Византии восточноболгарских территорий носило характер гражданской войны[109]. Часть болгарской знати повела себя предательски: зять Самуила сдал

Византии важную крепость Диррахий; овладеть Видином византийцам помог местный епископ; даже брат Самуила Аарон был уличен в тайных сношениях с Василием II, за что и поплатился жизнью. Поэтому вполне возможно, что на Нижнем Дунае, в Добрудже, где влияние Византии еще со времен Цимисхия было достаточно сильно, Владимиру пришлось столкнуться с провизантийски настроенной частью местных бояр, которая попыталась с оружием в руках противостоять русскому вторжению[110].

Дальнейшие события показали, что Иоанн Геометр был провидцем, когда писал об опасности, угрожавшей болгарам со стороны «скифов», которых они приняли за «друзей». Владимир оказался ненадежным союзником для болгар и бросил их тотчас, как только Василий II протянул ему руку дружбы. Хотя верно и то, что история не поставила ему это в укор.

Восстание Варды Фоки

В 986 г. в Византии разразился очередной политический кризис, опять связанный с именами обоих Вард – Склира и Фоки.

В декабре этого года багдадский халиф вернул Склиру свободу, – по сведениям византийских писателей, в благодарность за важные услуги, оказанные им в борьбе с некими врагами халифата, однако вероятнее, что халифа подвигла на этот шаг весть о сокрушительном поражении Василия II в битве с болгарами у Траяновых Ворот. Во всяком случае, некоторые эмиры открыто поддержали новое антиправительственное выступление Склира. Встав во главе наемного войска из арабов и курдов, неугомонный вояка на всех парах устремился к восточной границе империи, где к нему присоединились армяне[111]. В начале февраля 987 г. он достиг Мелитены и там провозгласил себя императором. Спустя месяц Склир был уже правителем всех закавказских и евфратских провинций Византии вплоть до Севастии.

Здесь дальнейший путь к столице Склиру преградил его старый соперник – Варда Фока, вновь назначенный Василием II главнокомандующим греческих и иверийских[112]

---

[109] См.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 333.

[110] В дополнение к приведенным известиям нередко пишут о том, что русское войско в 986 г. помогло Самуилу разбить византийцев у Траяновых Ворот. Основанием тому служат слова участника сражения Льва Диакона, который говорит о себе, что жизнь его подверглась тогда серьезной опасности и он едва не стал добычею «скифского меча». Но точно ли прилагательное «скифский» означает в данном случае «русский», а не «болгарский»? Текстологические наблюдения не подтверждают это мнение. В тех главах своей «Истории», где повествуется о вторжении в Болгарию Святослава, византийский хронист действительно неизменно называет болгар «мисянами», а русов – «тавроскифами» и «скифами». Однако затем Лев Диакон, похоже, отступил от этого правила, поскольку «именно в рассказе о битве у Сердики этноним «скифы» упоминается еще раз и почти наверняка в качестве обозначения болгар: «Сердика, которую скифы обычно именуют Тралицей»; это обстоятельство «сводит доказательную силу известия Льва Диакона практически к нулю» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 431–432). По-видимому, Владимир, не в пример отцу, все-таки поостерегся идти в глубь Болгарии и удовлетворился захватом «русского» участка Нижнего Дуная.

[111] Многочисленное армянское население проживало на территории нескольких византийских провинций, образованных в 536 г. на месте бывших земель Великой Армении: Армения I со столицей в Визане-Леонтополе, Армения II со столицей в Севастии, Армения III со столицей в Мелитене, Армения IV со столицей в Мартирополе. К югу от Синопа существовала еще фема (административно-территориальная единица) Армениак.

[112] Иверами византийцы называли главным образом грузин, но также и некоторые другие народы Кавказа, в частности армян-халкидонитов, придерживавшихся догмата о двух природах (духовной и телесной) Иисуса Христа, принятого Хал-

частей, брошенных на подавление мятежа. Император по-прежнему рассчитывал на личную ненависть Шоки к Склиру, но на этот раз прогадал. К тому времени отношения между Василием II и его лучшим полководцем сделались весьма натянутыми. В 985 г. был разоблачен заговор паракимомена Василия, направленный против императора, и Василий II заподозрил Фоку в сочувствии заговорщикам. Несмотря на то что Фока, командуя войсками в Сирии, одержал блестящие победы над арабами, заставив эмира города Алеппо платить Византии дань, Василий II сместил его с должности доместика схол Востока и удалил от двора.

Фока не забыл эту обиду. Уезжая на войну со Склиром, он присягнул на верность императору, но клятвы не сдержал. Вместо того чтобы сражаться с мятежником, Фока вступил с ним в переговоры о совместных действиях против Василия. Затем, при личной встрече, старые честолюбцы договорились о полюбовном разделе империи: Фоке должна была отойти европейская ее часть, Склиру – весь Восток. Однако во время второго свидания (15 августа 987 г.) Фока арестовал Склира и посадил его в крепость под надзор своей жены, пообещав, впрочем, выполнить условия соглашения после взятия Константинополя. 14 сентября 987 г. на собрании богатых византийских магнатов и военачальников в Харсианском округе Фока был объявлен василевсом. Вся Малая Азия подчинилась ему без малейшего сопротивления. Следующим летом он уже стоял на побережье Мраморного моря, разместив часть своих войск под Хрисополем – на азиатском берегу Босфора (ныне Скутари), прямо напротив Константинополя, а с другой частью заблокировав Дарданелльский пролив в районе Абидоса.

Переговоры Василия II с Владимиром

Василий II узнал об измене Фоки не позднее июня 987 г., когда в Константинополь явился с повинной сын Склира Роман. Предотвратить надвигавшуюся катастрофу было нечем: по свидетельству Михаила Пселла, большая часть армии, в том числе ее цвет – отборные грузинские и армянские части, – перешла на сторону Фоки, которого также поддержали «самые могущественные в то время роды»; в распоряжении императора находился только немногочисленный столичный гарнизон. Тем не менее Василий не пал духом. У него еще оставался последний резерв – время, и он великолепно использовал его.

Сознавая очевидность того факта, что спасти трон может только вмешательство посторонней силы, Василий обратился за помощью к «архонту росов», прославившему свое имя рядом выдающихся побед. Больше искать защиты было просто не у кого: с болгарами у Византии шла война не на жизнь, а на смерть, печенеги же в данном случае были бесполезны с военной точки зрения, так как для того, чтобы разбить мятежников, предстояло форсировать проливы. Между тем союз с Владимиром хорошо смотрелся и с военной, и с политической стороны. Русский князь располагал сильным войском, пригодным как для сухопутных, так и для морских операций; кроме того, даже находясь в стане врагов Византии, он не был кровно заинтересован ни в гибели Василия, ни в ослаблении империи. Василий был уверен, что Владимир не откажет ему, и не ошибся.

Место и время русско-византийских переговоров в точности неизвестны. Некоторые обстоятельства отправки византийского посольства можно извлечь из одного сообщения армянского историка второй половины XI в. Степаноса Таронского[113] (в исторической литературе он также часто фигурирует под своим прозвищем Асохик – Певец). Касаясь положения армянских провинций при Василии II, Степанос Таронский пишет, что в 435 г. по армянскому летоисчислению (25 марта 986 г. – 24 марта 987 г.) митрополит Севастии подверг гонению армянских священников в феме Армениак. В том же году император отпра-

кидонским вселенским собором (в отличие от основной массы армян, которые были монофизитами, отрицавшими телесную природу Бога Сына).

[113] В интерпретации А. Поппэ (см.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 206–208).

вил его к болгарам для переговоров о мире. Болгарский царь желал получить в жены сестру василевса. Последний ответил притворным согласием, но, заручившись поддержкой митрополита севастийского, прибегнул к скандальному обману. Вместо багрянородной принцессы болгары получили другую женщину. Подлог был раскрыт, и разъяренные болгары в отместку сожгли митрополита как обманщика.

Крупные огрехи в изложении болгарских событий для Степаноса Таронского совсем не редкость. Поэтому проще всего было бы счесть его рассказ не заслуживающей внимания литературной поделкой, поскольку очевидно, что пикантный анекдот о подмене невесты понадобился армянскому писателю только для того, чтобы иметь благочестивое удовольствие возвести на костер севастийского митрополита – ненавистного гонителя его соотечественников и единоверцев. В исторической реальности ничего подобного не происходило. Однако в данном случае вымысел возник явно не на пустом месте. По свидетельству «Церковной истории» Никифора Каллиста (первая треть XIV в.), в царствование Василия II митрополит Севастии Феофилакт действительно оставил свою кафедру, причем, по всей видимости, до 991 г.[114] Таким образом, большой вес приобретает указанная Степаносом Таронским дата отъезда митрополита Севастии в Константинополь – 986/987 г. Но причину, по которой он оказался в столице, надо искать не в болгаро-византийских переговорах, никем, кроме Асохика, не подтвержденных, а в волнениях среди армянских религиозных общин восточных провинций Византии, терпевших постоянные притеснения от византийского священства. Тогда отъезд, или, точнее, бегство Феофилакта из Севастии следует датировать временем после февраля – марта 987 г., когда армянские провинции империи открыто встали сначала на сторону Варды Склира, а затем Варды Фоки. Недавнее преследование севастийским митрополитом армянских священников, видимо, не было забыто, и он почел за лучшее искать убежище при императорском дворе.

Оказавшийся не у дел иерарх был подходящей фигурой для исполнения дипломатических поручений. И потому Феофилакт вполне мог быть послан Василием II в Болгарию, но только не к болгарам. Сватовство болгарского царя к сестре императора выглядит сомнительно хотя бы ввиду того, что Роман был скопцом. Истинный искатель руки сестры Василия II и единственный иностранный государь, с которым император в 987 г. серьезно обсуждал этот вопрос, был князь Владимир. На этот счет существует множество достоверных показаний византийских и арабских историков. Например, Яхья пишет: «И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласил себя царем в среду, день праздника Креста, 14 сентября 987 года… и овладел страною греков до Дорилеи [Северная Фригия, в районе современного города Эскишехир] и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опасным дело его, и был им озабочен царь Василий по причине силы его [Фоки] войск и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов, – а они его враги, – чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. **и** согласился он на это. **и** заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий».

Вот, следовательно, в каких брачных переговорах только и мог участвовать севастийский митрополит. По-видимому, необходимо согласиться с А. Поппэ в том, что подлинную «историческую основу событий, рассказанных Асохиком, можно обнаружить в фактах русско-византийских отношений в этот период»[115].

---

[114] Перевод на другую кафедру не мог быть осуществлен без санкции патриарха. Между тем из сообщений Яхьи известно, что с 16 декабря 991 г. и по 12 апреля 996 г. патриарший престол пустовал, как, вероятно, и Севастийская кафедра, получившая нового митрополита Феодора только в 997 г., то есть вскоре после поставления патриарха (см.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 377; *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 207).

[115] *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 207.

Похоже на то, что переговоры византийских послов с Владимиром и в самом деле проходили на болгарской земле, а не в Киеве, как это обыкновенно считается. С точки зрения хронологии это предположение вполне приемлемо. Серия военных кампаний Владимира на западных и восточных границах Руси должна была завершиться не позднее осени 986 г. В том же году Самуил громит греков под Сердикой, что создает благоприятные условия для болгаро-русского союза, направленного против Византии. Летом 987 г. Владимир предпринимает поход в византийскую Болгарию и овладевает участком Нижнего Дуная. Одновременно с этим в Константинополе узнают о мятеже Варды Фоки. Логично думать, что Василий II, для которого в этой ситуации потеря времени была равнозначна гибели, тогда же и обратился за помощью к русскому князю, стоявшему с войском всего в нескольких днях пути от Царь-града. Судя по всему, возглавил императорское посольство митрополит Феофилакт, изгнанный в начале 987 г. мятежниками из Севастийской епархии. К назначению духовного лица главой дипломатической миссии между прочим предрасполагали сами условия русско-византийского соглашения. Они были необычны, но ведь и василевс находился далеко не в обычном положении.

Вопреки Яхье, из слов которого следует, что все было улажено за один присест, русско-византийский договор 987 г. был заключен в результате довольно напряженных переговоров. Суть возникших разногласий передает Абу Шуджа ар-Рудравари, писавший между 1075 и 1094 гг., чьи сведения восходят к утраченной хронике современника событий Хилала ас-Саби (970– 1056)[116]. «Истощив свои силы, – говорит Абу Шуджа, – оба императора [Василий II и Константин VIII] послали за помощью к царю русов. На это он предложил им отдать ему в жены их сестру, но та отказалась по той причине, что жених разнится с нею верою; переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство. Союз был заключен и принцесса отдана ему».

Древнерусское сказание о взятии Владимиром Корсуни, уже полностью забывшее реальные политические обстоятельства, при которых русский князь женился на греческой царевне, тем не менее также удержало тот важный момент, что Анна была настроена категорически против того, чтобы выходить за Владимира: «Она же не хотяше ити: «Яко в полон, – рече, – иду, луче бы ми здесь умрети». Ее не смягчило даже согласие Владимира принять крещение. Василий II с братом чуть ли не силой спровадили ее под венец: «и едва ю принудиша».

И еще один вопрос не мог остаться в тени на переговорах 987 г. в связи с крещением русского князя. Государственной идеологией Византийской империи была теократия в ее цезарепапистской форме. Империя мыслилась государственным сосудом и внешней оградой вселенского православия, а василевс – светским главой Церкви, защитником церковных догматов и народного благочестия. «По телесной своей субстанции император подобен всякому человеку, однако по занимаемому положению он, подобно Богу, повелевает всеми людьми, ибо нет на земле никого выше его», – сказано в популярном дидактическом трактате диакона Агапита (VI в.), рисующем василевса «повелителем всех людей». Поэтому народы, принимавшие христианство из рук греческого духовенства, автоматически зачислялись византийской дипломатией в разряд имперских подданных, на которых распространялось церковнополитическое покровительство василевса. Аристократизм и политический авторитет императорской власти были бесспорны. Крещеные «варварские» вожди, даже если они возглавляли вполне самостоятельные государственные образования, и думать не могли о том, чтобы встать на равной ноге с византийскими василевсами в международной табели о рангах. Поневоле они соглашались занять подчиненное положение по отношению к василевсу. Но естественно, чем более формальным являлся имперский протекторат, тем

[116] См.: Там же. С. 209.

настойчивее духовные вассалы императора стремились подчеркнуть фактическую независимость своей власти.

Владимир хорошо знал об этих имперских претензиях греков и потому, наряду с брачным венцом, потребовал себе и венец царский – предмет вожделений русских князей со времен Игоря. Момент был подходящий. Браки иностранных государей с византийскими принцессами обыкновенно сопровождались дарованием жениху какого-нибудь высокого титула империи. Так, женитьба на внучке Романа I Лакапина принесла болгарскому правителю Петру Симеоновичу титул «василевс болгар». Норманнский принц Рожер Сицилийский, породнившийся с императором Иоанном II Комнином (1118–1143) через брак с его дочерью, получил титул «кесарь»[117]. Такой же почести удостоился венгерский князь Бела III – муж дочери императора Мануила I Комнина (1143–1180). Несомненно, что и Владимир как духовный сын и зять Василия II мог рассчитывать на царский титул, который свел бы признание вселенской власти василевса со стороны русского государя к пустым формальностям этикета.

Удовлетворил ли император притязания Владимира? Русские и византийские письменные памятники не дают прямого ответа. Но по некоторым намекам мы можем догадываться, что Василий II действительно даровал Владимиру титул кесаря. «Записка греческого топарха» определенно присваивает русскому государю царское достоинство *(«царствующий* к северу от Дуная»), и здесь нельзя предполагать обмолвку. В самых ранних текстах, посвященных Владимиру, древнерусские авторы именуют его царем, наподобие Константина I Великого («О святая царя Константине и Володимере…», Иаков Мних), «самодержцем Русской земли» («Сказание о Борисе и Глебе»), каковым термином не вполне точно переводили греческое слово «автократор», прочно соединявшееся в понятии русских людей с титулами «василевс», «цесарь», «царь», а также присваивают ему имя «равноапостольный», которое с давних пор «утвердилось в Византии как общий царский титул»[118]. Характерной деталью является и то, что во всех летописях и житиях Владимира его византийская супруга Анна фигурирует с титулом «царица». Между тем ее собственный придворный ранг соответствовал титулу царевны, царицей же она могла быть только в качестве жены «царя» Владимира[119]. В одном поздне-средневековом русском произведении («Сказание о Вавилонском царстве») наблюдаем любопытную путаницу. Говоря о присылке царских регалий Владимиру Мономаху, автор смешивает этого князя с его святым тезкой и приурочивает события к правлению императора Василия II: «В то же время… посла вой своя князь Владимир Киевский на Царьград множество. Царь Василей, видев воя сильныя Владимерова, убояся их. И посла царь Василей к великому князю Владимиру посла своего с миром, а с ним посла дары великие и ту сер даликову крабицу со *всем виссом царским*, а от того часа прослыша великий князь Владимер Киевский Мономахом».

В описи XV в. сокровищ московских великих князей также упоминаются подаренные Владимиру императором великолепные золотые бармы, украшенные драгоценными камнями, жемчугами и эмалью. Стиль этих вещей указывает на конец X в., как на наиболее вероятное время их изготовления[120].

Еще более красноречив древнерусский нумизматический материал Владимировой эпохи. На золотых и серебряных монетах (так называемых сребрениках I типа), отчеканен-

---

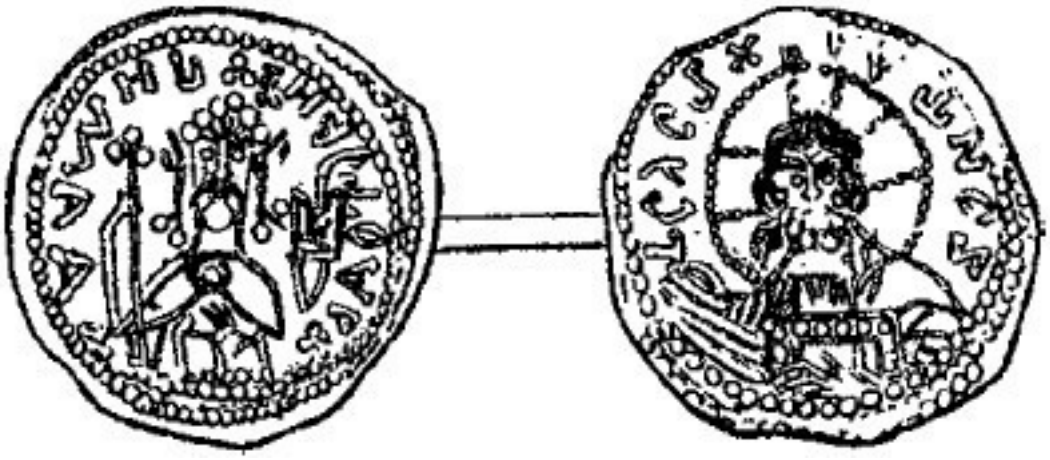
[117] *Кесарь* – высший светский титул после императорского, жаловался чаще всего ближайшим родственникам императора.

[118] *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 93.

[119] См.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 367–368.

[120] См.: *Алексеев Г.П.* Историческо-нумизматическое исследование о Херсонской монете святого Равноапостольного великого князя Владимира и его супруги, царевны Анны, и о бронзовом медальоне древняго Херсонеса-Таврического, а также описание семнадцати Херсонесских монет. СПб., 1886. С. 8.

ных в Киеве в конце X – начале XI в., Владимир изображен в императорском облачении – длинной рубахе с узорчатой полосой и длинном плаще, скрепленном у правого плеча драгоценной застежкой-фибулой, со знаками царской власти – венцом и скипетром, и с нимбом над головой – символом царского величия.



Златник князя Владимира Святославича

Прототипом для златников Владимира послужили золотые монеты Василия II и Константина VIII, причем сходство между ними настолько полное, что первые русские образцы, поступившие в Эрмитаж, были приняты за византийские солиды[121]. Сам факт чеканки подобной монеты, по мнению специалистов, «убеждает в том, что ее выпуск в немалой степени вызывался потребностями идеологического характера, требованиями складывающегося государственного права Средневековья и специфического значения монетной чеканки как регалии, символа самодержавной власти… Это как бы политическая декларация, отводящая хорошо известные претензии константинопольского двора на подданство народов, принимавших новую веру от Византийской церкви»[122].

Общий ход русско-византийских переговоров, таким образом, рисуется в следующем виде. Василий II поначалу обратился к Владимиру с традиционным для византийских императоров предложением о найме некоторого количества русских «воев», необходимых ему для подавления мятежа Фоки. Но русский князь, воспользовавшись безвыходным положением императора, взамен потребовал себе руку Анны и знаков царского достоинства. Василию не оставалось ничего другого, как уступить, оговорив, впрочем, принятие Владимиром крещения в качестве необходимого условия женитьбы.

Тут нужно подчеркнуть, что встречное предложение Владимира о династическом союзе было, по Абу Шудже, полной неожиданностью для греков, и, значит, греческие послы, безусловно не уполномоченные обсуждать столь важный вопрос, как брак императорской сестры, должны были прервать переговоры и вернуться в Константинополь (или отправить в столицу гонцов) за новыми инструкциями. Следовательно, необходимо предположить, что греки ездили к Владимиру по крайней мере дважды. Это, в свою очередь, подтверждает наше предположение, что местом русско-византийских переговоров была нижнедунайская Болгария. В самом деле, двукратно посетить Киев за один навигационный сезон 987 г. (точнее, даже во вторую его половину, если исходить из того, что переговоры начались в июне, после

[121] См.: *Толстой И.И.* Древнейшие русские монеты. СПб., 1893. С. 14–17, 21–22.

[122] *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 5–6.

того как Роман Склир выдал изменнические планы Фоки) послы Василия II не могли физически: плавание в один конец из Киева в Царьград занимало около шести недель, а мысль о вторичном зимнем посольстве – сухим путем, через территорию враждебной Болгарии, – следует отбросить как невозможную. Перенести же окончание переговоров на первую половину 988 г. мы не вправе по той причине, что летом или осенью этого года русский флот уже прибыл в Константинополь. Чтобы успеть снарядить несколько тысяч воинов и оснастить большую флотилию, Владимир должен был вернуться в Киев осенью 987 г., имея на руках согласие Василия II на брак с Анной, и, значит, русско-византийские переговоры завершились в том же году, в каком и начались, но вследствие усложнения условий соглашения были проведены в два этапа.

Условия русско-византийского договора 987 г

Неожиданное расширение круга обсуждаемых тем за счет включения в него вопросов, связанных с бракосочетанием и крещением русского князя, делает понятной роль севастийского митрополита на переговорах 987 г. Видимо, именно при его посредничестве удалось достигнуть договоренности по всем ключевым пунктам. Принятые решения, очевидно, были таковы:

Василий II выражал готовность возобновить действие прежних русско-византийских договоров. Но отныне военно-политический союз Руси и Византии должен был получить совершенно другую основу. Больше не могло быть речи об опасливых отношениях соседей поневоле, разнствующих между собой во всем и прежде всего в вопросах веры. Новому соглашению предстояло скрепить навечно дружественные узы между двумя христианскими государями и двумя христианскими народами. С этой целью Владимиру предлагалось принять личное крещение по греческому обряду и содействовать быстрейшему обращению в христианство «бояр», «руси» и «всех людей Русской земли».

В случае выполнения этого условия международный ранг крещеной «Росии» подлежал коренному пересмотру. Ей предстояло войти в византийское сообщество народов на правах ближайшего союзника василевсов и защитника христианства в «скифских» землях. Василий II обещал закрепить почетное место Русской земли в системе внешнеполитических приоритетов империи как на уровне государственных, так и церковных отношений. Вслед за духовным усыновлением Владимира император обязывался даровать ему цесарское достоинство. В этом качестве Владимир мог рассчитывать и на вполне земное родство с Василием II через вступление в брак с его сестрой – багрянородной принцессой Анной. Светское величие царственной четы следовало подкрепить основанием в Киеве митрополичьей кафедры. Чтобы компенсировать Русской Церкви подчинение власти константинопольского патриарха, Василий II соглашался предоставить ей большую степень независимости в вопросах внутреннего устройства, выбора языка литургии и т. д.

Взамен от Владимира ожидали немедленного прекращения военных действий против империи и, по возможности скорейшей, отправки в Константинополь крупного русского отряда.

Вопрос о «двуличии» Василия II

Василий II давно заподозрен историками в неискренности, если не сказать в вероломстве, по отношению к Владимиру: будто бы, уступив на словах русскому князю, византийский император и не думал когда-нибудь выполнить свое обещание относительно его брака с Анной. Упирают главным образом на то, что Василий якобы был связан в своих решениях

строгой матримониальной доктриной византийского императорского двора, запрещавшей династические браки между членами царского дома и «варварами».

Политические, юридические и богословские обоснования этого запрета содержались в постановлениях Трулльского собора 691–692 гг., где, правда, василевсам не возбранялось родниться через браки с иноземными правителями христианского вероисповедания. Однако со временем светская власть по-своему перетолковала соборные постановления, и отнюдь не в сторону умеренности. При императорах Македонской династии (867– 1056) любое брачное предложение из-за границы стало рассматриваться как нежелательный мезальянс. Например, Константин Багрянородный высказывается по этому поводу весьма категорично («Об управлении империей», глава 13): «…никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками». В его глазах любые притязания подобного рода со стороны иноземных владык есть всего лишь «неразумные и нелепые домогательства», особенно неуместные, если они исходят от «этих неверных и нечестивых северных племен». При этом оказывается совершенно неважным, «той или иной из царских родственниц» является невеста, «из далеких или близких царскому благородству [она была], ради общеполезного или какого иного дела [она выдана]…» – в любом случае, пишет Константин, присваивая себе право толкования соборных решений и не моргнув глазом искажая их суть, «канон это запрещает и вся Церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку».

Непоколебимым приверженцем подобных воззрений зарекомендовал себя также Никифор Фока. Его отказ германскому королю Оттону I, искавшему в Константинополе невесту для своего сына Оттона II, был выражен в следующих словах: «Неслыханнейшее дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора[123] могла быть выдана за иноземца».

Все это так. И тем не менее такой методологический подход, когда о поступках конкретного человека судят с позиций абстрактного долженствования, едва ли можно признать верным. Один весьма авторитетный моральный кодекс, например, требует от нас не убивать, не красть, не прелюбодействовать и т. д., однако у историков есть масса причин полагать, что политические деятели христианских стран не всегда руководствовались им на практике. Как известно, политическая теория и реальная политика тоже далеко не всегда пребывают между собой в полной гармонии. Говорить с чистой совестью о недопустимости иноземных браков имперским «расистам» мешало отсутствие у них чистой родословной, ибо на деле отступления от заявленного «брачного императива» бывали совсем нередки, и каждое столетие являлось свидетелем нескольких подобных случаев.

В этом отношении характерен пример того же Константина Багрянородного, все-таки допускавшего исключения как в теории (замечание о франках), так и на практике: в 944 г. он женил своего сына Романа II на побочной дочери итальянского короля Гуго, Берте-Евдокии. Подобным же образом поступил в 1064 г. император Константин X – женой его сына Михаила стала дочь грузинского царя Баграта IV. Лет на десять раньше император Константин IX Мономах сам женился (четвертым браком) на аланской княжне.

Когда насущные политические нужды властно заявляли о себе, сватовство иностранного государя к византийской принцессе проходило легко и без заминок. Так, в 927 г. Роман I Лакапин был вынужден выдать свою внучку Марию-Ирину за «василевса болгар» Петра Симеоновича, чтобы приостановить болгарский натиск на балканские владения Византии. Оттон I три года (967–969) безуспешно пытался получить согласие Никифора Фоки на бра-

[123] Германский король сватал одну из дочерей покойного Романа II, которые все доводились Никифору Фоке падчерицами.

косочетание Оттона II с одной из византийских принцесс. Не помогали ни дипломатические переговоры, ни бряцание оружием. Но как только Иоанн Цимисхий, сменивший Фоку на троне, был поставлен перед необходимостью свернуть военные действия в Южной Италии, чтобы сосредоточить все силы против Святослава, брачный контракт с германским императором был немедленно подписан, причем по инициативе византийской стороны.

Конечно, могут возразить, что внучка Романа I, отданная за Петра, и племянница Цимисхия Феофано, ставшая женой Оттона II, были не чета багрянородной Анне, поскольку обе они приходились кровными родственницами не законным василевсам, а их формальным «соправителям». Но ведь при заключении в 987 г. русско-византийского договора и речь шла не о преодолении империей временных военно-политических трудностей, а о сохранении Василием II личной власти и судьбе Македонской династии в целом. В той ситуации он вряд ли руководствовался требованиями матримониальной традиции, к тому же вовсе не являвшейся такой уж незыблемой.

Василий II не был человеком, слепо придерживавшимся раз навсегда установленных правил. Наоборот, Михаил Пселл рисует его сторонником неординарных решений, особенно в минуту опасности. Политическая выгода всегда представляла для него несравненно большую ценность, нежели верность обычаю, в том числе и в области династических браков. Имеется бесспорное свидетельство того, что он отнюдь не считал смертным грехом выдачу багрянородной царевны замуж за иностранца, так как через несколько лет после замужества Анны он отдал и другую свою сестру за германского императора Оттона III. Правда, для того, чтобы получить ее, последнему понадобилось шесть лет нудных переговоров (995 — 1001), однако свадьба все-таки состоялась, хотя Василий уже не был тогда в таком плачевном положении, как в 987–988 гг.

Словом, поведение Василия II во всех трудных случаях определяли конкретные обстоятельства, что, принимая во внимание бурные события его царствования, совсем неудивительно. Поэтому нет ничего невероятного в том, что в 987 г. он с чистым сердцем пошел на заключение родственного союза с Владимиром, раз никакие другие посулы русскому князю не могли надежно гарантировать безотлагательной отправки им в Константинополь обещанной военной помощи.

В конце концов, заключая брачный договор с «архонтом росов», Василий II, как человек умный, понимал, что в данном случае он не столько нарушает официальную доктрину, сколько идет наперекор общественному мнению, настроенному враждебно по отношению к «народу рос» в связи с обострившимся ожиданием на исходе тысячелетия второго пришествия Христа[124]. Но коль скоро возможность этой брачной сделки ставилась в зависимость от крещения русского «варвара», то страдал от нее один лишь имперский предрассудок, а не христианский принцип династической политики, сформулированный Трулльским собором – не выдавать византийских принцесс замуж лишь за некрещеных варваров.

К тому же в 987 г. тяжелые раздумья о собственном будущем заставили Василия II начисто забыть об аристократической спеси «василевса ромеев». Есть сообщения арабских историков, что между сентябрем 987 и апрелем 988 г., то есть одновременно с русско-византийскими переговорами, Василий искал помощи против Фоки в Каире, у египетских Фатимидов, и согласился на предъявленные ему «унизительные условия», хотя смог договориться не более чем о дипломатической поддержке[125].

---

[124] Русы («народ рос») отождествлялись в Византии с библейским народом Рош, с которым связывалось исполнение пророчеств о падении Константинополя. В конце X – начале XI в. антирусские настроения в византийском обществе были достаточно сильны, о чем свидетельствует, например, одно византийское сочинение, где Владимир назван «змеем», похитившим несчастную Анну.

[125] См.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 221.

Серьезность намерений Василия II в отношении русского брака Анны явствует, между прочим, из истории с адресованным ему письмом французского короля Гуго Капета (987–996). Этот документ был составлен в конце 987 – начале 988 г. (неграмотный король возложил это поручение на реймсского архиепископа Герберта, который позднее станет римским папой под именем Сильвестр II). В то время основатель династии Капетингов был также не прочь породниться с византийскими василевсами, устроив брак своего сына Робера с «дочерью священной империи», под которой, несомненно, подразумевалась Анна – единственная на тот момент совершеннолетняя невеста, рожденная «в порфире»[126].

Казалось, Гуго выбрал для сватовства самое подходящее время – восстание в восточных провинциях должно было сделать Василия податливым, дабы не поставить под угрозу еще и южноитальянские границы империи. Однако письмо с брачным предложением, по всей видимости, так и не было отправлено в Константинополь. Причиной тому, надо полагать, было обескураживающее известие о помолвке Анны с русским князем[127]. Действительно, едва ли не тотчас после написания письма Гуго бросил свою константинопольскую затею как вполне безнадежное предприятие и скоропалительно (не позднее 1 апреля 988 г.) женил Робера на Сусанне, вдове фландрского графа Арнольда II. Эта поспешность, очевидно, была вызвана тем, что, по достоверным сведениям информаторов Гуго в Константинополе, свадьба Владимира и Анны считалась при византийском дворе делом решенным. Водить за нос своих политических союзников вообще было не в характере Василия II, который, по свидетельству Пселла, бывал коварен лишь на войне, а во время мира проявлял «царственность». Это понятие включало и верность однажды данному слову: «Подвигнуть его на какое-нибудь дело было нелегко, но и от решений своих отказываться он не любил».

Итак, Василий II был слишком гибкий политик, чтобы позволить политической догме опутать себя по рукам и ногам. И затем, мы не должны упускать из виду всей исключительности политической ситуации 987–988 гг., когда самой силою вещей русско-византийские отношения приобрели качественно иной характер, поставив Василия II перед необходимостью переосмыслить роль «внешней Росии» в начертанной прежними василевсами схеме внешних связей и приоритетов Византии. Дерзкое требование Владимира о династическом браке вынуждало искать другую почву для сближения, нежели сезонная торговля и наемничество. Обращение русского «архонта» и его страны в христианство (и женитьба Владимира на Анне как условие этого обращения) отвечали стратегическим интересам Византии. Как показали дальнейшие события, Василий II отлично понимал это. Важность и необходимость русско-византийского союза отнюдь не исчерпывались для него единовременной помощью русского князя против Фоки. Обманывать Владимира в таком щепетильном деле, как династический брак, значило играть с огнем. Нельзя забывать, что в 987 г. русы не были где-то далеко, они находились рядом, у самых границ империи, действуя заодно с болгарами. Дружба Самуила с Владимиром грозила Византии в самом ближайшем будущем многими бедами, возможно не меньшими, чем восстание Шоки. В цели Василия II на переговорах с Владимиром входило, таким образом, еще и расторжение военного союза Руси с Болгарией, и, забегая вперед, надо сказать, что в политическом плане это ему вполне удалось.

С учетом всех этих аспектов русско-византийских отношений на 987 г. переговорная программа Василия в том виде, в каком она изложена на этих страницах, не только не выглядит чем-то невозможным с точки зрения внешнеполитических и матримониальных традиций Византии, но, напротив того, предстает совершенно необходимым, разумным и, безо

---

[126] Три дочери брата Василия II, Константина VIII, не подходят под эту формулировку Герберта: старшая Евдокия к 987 г. постриглась в монахини; две другие – Зоя и Феодора, появившиеся на свет в 978–979 гг., – были еще детьми. Насчет Анны существует точное известие Скилицы, что она родилась 13 марта 963 г. (см.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 110).

[127] См.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 230.

всякого преувеличения, великолепным дипломатическим ходом. Словно шахматный игрок, попавший в матовое положение, Василий II пожертвовал королевой, и эта жертва спасла все.

Побудительные мотивы Владимира к принятию крещения

Заметим еще раз, что вся эта политическая сторона дела осталась совершенно неизвестной древнерусским писателям. Но мы должны признать их правоту, по крайней мере в том, что решение князя Владимира креститься нельзя сводить к одним политическим резонам, которые сегодня очевидны и более или менее понятны. Предложение Василия II породниться с византийским императорским домом было чрезвычайно выгодно и почетно для честолюбивого «робичича», по-видимому прекрасно сознававшего бесперспективность дальнейшей культурно-политической изоляции созданного им обширного государства от христианского (то есть европейского) мира. Благодаря браку с багрянородной царевной русский князь входил в семью европейских правителей, становясь на равную ногу с могущественнейшими государями, многие из которых не могли даже мечтать о столь тесном родстве с византийскими василевсами. Недаром при германском дворе завистливо судачили о киевском счастливчике, с удовольствием смакуя злые сплетни о нем[128]. Принятие Владимиром христианства, рассмотренное под этим углом зрения, выглядит не более чем прагматичной политической сделкой, ибо религиозная сторона дела была здесь поставлена в чересчур тесную зависимость от политических видов.

Но если политические соображения, сыгравшие, по всей видимости, решающую роль на русско-византийских переговорах 987 г., и оттеснили духовные мотивы обращения Владимира на задний план, где они образуют сегодня лишь едва различимый фон истории его крещения, то это совсем не значит, что мы можем полностью пренебречь ими. Правда, угадывая их, легко впасть в то же заблуждение, что и древнерусские книжники XI–XII вв., в представлении которых преображение Владимира явилось следствием некоего кризиса духа, вызванного внезапным осознанием греховности всей его прежней жизни и неудовлетворенностью старыми языческими верованиями. Уже автор первого научного труда по истории Русской Церкви, архиепископ Филарет (Гумилевский), повторил эту ошибку, придав «духовным исканиям» крестителя Руси напряженный психологический драматизм: «Ужасное братоубийство, победы, купленные кровью чужих и своих, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести даже язычника. Владимир думал облегчить душу тем, что ставил новые кумиры на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, закалал тучные жертвы перед ними. Мало того – пролил даже кровь двух христиан на жертвеннике идольском. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе – душа искала света и мира»[129].

Яркость красок, игра контрастов в этой картине заворожили многих ученых, так или иначе отдавших дань романтико-психологическому истолкованию произошедшей с Владимиром перемены. По сути, такой подход является отголоском святоотеческих представлений о всякой человеческой душе как «прирожденной христианке», томящейся жаждой слияния с божеством. Эти воззрения имели определенный исторический смысл в рамках позднеантичной культуры, с ее космополитической всечеловечностью, философскими поисками Единого и единства, религиозным скепсисом по отношению к собственным богам, усталостью, духовным разочарованием, страстным желанием утешения и «спасения». Но они совершенно не применимы к эпохе христианизации европейских «варваров» (V–XIII вв.). Если

---

[128] См.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 321–322; *Поппэ А.* Князь Владимир как христианин // Русская литература. 1995. № 1. С. 37.

[129] Цит. по: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 136.

греко-римский языческий мир отвечал на требование христианства возродиться в новой вере своими «самыми заветными муками мысли и чувства», то в «варварских» землях христианство не встретило никаких религиозных чаяний, никаких «издавна неудовлетворенных потребностей веры»[130]. Там царил культ грубой физической силы, кровавых воинских доблестей, материального изобилия и успеха, понимаемого как непрерывное приращение господства, мощи, славы и богатства. Там искали не душевного покоя, не «света и мира», а войны и побед, добычи и почестей. Братоубийство, конечно, не относилось к числу похвальных деяний, но совершенное в пылу междоусобной брани, в борьбе за власть, оно считалось выражением «божьего суда». Бог для язычников был не в правде, а в силе, и высшая правда всегда оказывалась на стороне победителя.

Близкое знакомство с римско-византийской цивилизацией, безусловно, расшатывало традиционные устои «варварского» мира, порождая тягу к усвоению политического и культурного наследия христианского юга. Однако христианская цивилизация привлекала «варваров» отнюдь не тем, что она была христианской. Напротив, именно христианство в его, так сказать, чистом виде, как нравственное учение, как образ жизни, вызывало непонимание и неприятие, ибо грозило разрушить все те ценности военизированного «варварского» общества, на которых зиждились его сила и благополучие. К новой вере приобщались пассивно, как бы нехотя и в самую последнюю очередь, когда политические, экономические и культурные связи с христианским миром крепли настолько, что становились уже нерасторжимыми.

Побуждения к принятию крещения, собственно, были теми же, по которым раньше упорствовали в идолопоклонстве: могуществу по-прежнему отдавали предпочтение перед смирением и, предавшись под покровительство христианского Бога, надеялись достичь величия и торжества над врагами[131]. Чтобы привлечь к себе эти грубые души, христианство должно было оставить в тени все, что могло казаться в Иисусе слабостью (близость с бедняками, проповедь смирения, крестные страдания и проч.), и явиться перед ними в образе Бога Сил,

Христа-Вседержителя, почти полностью слившегося с Богом Отцом. Христианские миссионеры проповедовали в «варварских» странах не столько Евангелие, сколько единобожие. Христу одному предстояло превзойти могуществом и славой мириады богов национальных языческих пантеонов. И христианский Бог – Отец и Сын одновременно – вступал со всеми ними в состязание, являя свою абсолютную власть над природой и людьми в акте сотворения мира и человека, в триумфе Воскресения, на Страшном суде. За многие столетия миссионерской деятельности Церковь опытным путем установила, что именно эти страницы Библии воздействуют наиболее сильным образом на чувства и воображение «варваров». Не случайно соответствующие эпизоды занимают не менее четверти содержания летописной «Речи философа». Причем свой рассказ о воскресении мертвых и последнем суде, когда каждому воздастся «по делом его: праведным царство небесное, и красоту неизреченную, и веселие без конца, и не умирати во веки, грешником же мука огнена, и червь неусыпающий, тьма кромешная, и муке не будет конца», греческий «философ» подкрепил демонстрацией Владимиру «запоны» (холста с вышитым или нарисованным изображением), «на ней же бе написан страшный суд Господень, и показываше ему [Владимиру] одесную [справа] праведныя в веселии предъидуща в рай, а ошуюю [слева] грешники идуща в муку вечную». Пораженный услышанным и главным образом увиденным, Владимир «воздохнув рече: «добро сим одесную, горе же сим ошуюю».

---

[130] *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. XXVI.

[131] «Сага об Олаве Трюггвасоне» рассказывает о своем герое, что, будучи еще язычником, он купил на вес золота щит с изображением креста. Сам предмет и цена, за него уплаченная, лучше всяких слов говорят о том, какого рода ценность представляла для Олава главная христианская эмблема.

Здесь литературному персонажу по имени «Владимир» приписаны чувства, действительно испытанные десятками и сотнями тысяч живых людей, которые со страхом узнавали, что их посмертная участь находится всецело в руце Божией. У Владимира, рожденного и воспитанного на языческом севере, не было внутренней предрасположенности к христианству, как у его братьев, сызмальства находившихся при дворе княгини Ольги. Душе его для обращения необходим был сильный внешний толчок, и впечатляющая картина Страшного суда вполне могла дать его мыслям нужное направление.

Стоит отметить, что тема загробного воздаяния присутствует в церковном уставе Владимира, который грозит ослушникам церковных правил «перед Богом… отвечати, на Страшнем суде, пред тьмами ангелов, и деже каждого дела не скрыються, благая или злая, идеже не поможет никтоже кому, но токмо правда избавить от вторыя смерти, от вечныя мукы… от огня негасимаго. Господь рече: в день месть воздам, содержащим неправду в разуме, тех огнь не угаснет, и червь их не умрет; сотворившим же благая [идти] в жизнь и в радость неизреченную, а сотворившим злая… неизмолим суд обрести». Не исключено, что здесь мы имеем дело с неизбывным духовным переживанием самого автора устава, навсегда завороженного грозными отблесками адского пламени. Во всяком случае, имеющиеся свидетельства о второй половине жизни Владимира показывают, что обращение его было непритворным, и, следовательно, обещая Василию II креститься, он не лицемерил и не вел беспринципную политическую игру ради того, чтобы любой ценой заполучить в жены царевну Анну. Политика и религия сплелись здесь настолько тесно, что их просто невозможно отделить друг от друга.

Крещение Владимира

Духовные беседы с севастийским митрополитом, по-видимо-му, и в самом деле произвели на Владимира глубокое впечатление, ибо тотчас по их завершении он объявил о своей незамедлительной готовности креститься. «Переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство», – свидетельствует Абу Шуджа. Его известие имеет хронологическое соответствие в древнерусских произведениях XI в., где обращение Владимира также отнесено к 987 г. Так, в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха сказано: «И седе в Киеве князь Володимер… месяца июня в 11, в лето 6486 [978 г.]. Крести же ся князь Володимер в десятое лето по убьении брата своего Ярополка», то есть в 987 г.[132] Вероятно, обряд крещения был совершен над ним в июле – августе, самое позднее, в начале сентября этого года.

Труднее решается вопрос о месте, где крестился Владимир. Как уже говорилось, в XII в., когда окончательно оформилась «корсунская легенда», официальное предпочтение

[132] Следует иметь в виду особенность древнерусского счета. Высчитывая дни или годы, прошедшие *после* отмеченного события, древнерусские люди начинали счет с того года (дня), в котором произошло это событие, а не со следующего за ним. Например, «третьего дня» означало не «через два дня на третий», а «позавчера»; «в третье лето» – «через год» (см. у того же Иакова Мниха: «на другое лето по крещении к порогом ходи, на третье Корсунь город взя») и т. д. «Десятое лето», отсчитываемое от 978 г., дает таким образом 987 г.После того как в 1888 г. А.И. Соболевский обратил внимание на эту особенность древнерусской метрологии (см.: *Соболевский А.И.* В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 399), в ученой среде разгорелся жаркий спор, так как в «Памяти и похвале Владимиру» есть и другое хронологическое указание: «По святем же крещении поживе блаженый князь Володимир 28 лет». С учетом указанного арифметического метода оно выводит на 988 г. (1015– 27 = 988). Но это значило бы, что Иаков, противореча сам себе, смыкается в данном случае с известием Повести временных лет, которая приурочивает крещение Владимира к взятию Корсуни, датируя оба события 988 г. Между тем Иаков пишет, что корсунский поход состоялся «на третье лето» после крещения князя, и, следовательно, придерживается в этом вопросе собственной, а не летописной хронологии. То, что дата крещения Владимира у Иакова не может совпадать с летописной, явствует также из того, что смерть Ярополка, от которой отсчитывается «десятое лето», датирована у него 978 г., тогда как Повесть отмечает ее под 980 г. Противоречие двух систем высчитывания времени крещения Владимира – от года смерти Ярополка и от года кончины самого Владимира, – по всей видимости, объясняется тем, что фраза «По святем же крещении поживе блаженый князь Володимир 28 лет» принадлежит не Иакову Мниху, а позднейшему редактору его «Похвалы», который ориентировался на летописную хронологию. Преподобный Нестор в своем «Чтении о Борисе и Глебе», говоря о крещении Владимира, называет, как и Иаков Мних, 987 г. Надо полагать, что в XI в. эта дата была общепринята.

летописцев было отдано Корсуни. Правда, начатки понятия о научной добросовестности не позволили им скрыть того факта, что, наряду с их мнением на этот счет, существовали и другие: «Се же не сведуще право [не знающие истины] глаголют, яко крестился есть в Киеве, иные же реша – в Василеве, другие же инако скажут; крещену же Володимеру в Корсуни».

Сказание об «испытании вер» и «Речь философа», взятые как самостоятельные произведения, действительно предполагают обращение Владимира, так сказать, «на месте», в его княжем тереме[133]. Историко-филологическая критика «корсунской легенды», выявившая ее литературное происхождение, по крайней мере в части, касающейся Владимирова крещения, придала вес показаниям «несведущих», побудив многих ученых высказаться в пользу Василева (княжеской резиденции на реке Стугне) или Киева[134]. Было заявлено, что голоса «несведущих» отражают древнейшее воззрение наших предков, согласно которому Владимир крестился в Русской земле. В доказательство их правоты приводили два иностранных свидетельства. Яхья Антиохийский вроде бы протягивает «несведущим» руку, когда пишет: «и заключили они [Владимир и Василий II] между собой договор о свойстве. И женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны… *И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя* и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою…»

Есть также показание с противоположной стороны света. Скандинавская «Сага об Олаве Трюггвасоне» (в древнейшей редакции монаха Одда) излагает историю крещения Владимира следующим образом. Когда Олав, воспитанный в «Хольмгарде», при дворе Владимира, подрос, то испытал духовный перелом. Ему было ниспослано видение, из которого явствовало, что князя Владимира, его благодетеля, и «многих людей, которые верили в деревянных идолов», ожидают загробные мучения.

Олав не медля устремился в Константинополь, где был наставлен в вере «одним превосходным епископом» и крестился. В «Хольмгард» он вернулся уже другим человеком. Отныне он не уставал напоминать Владимиру, насколько «прекраснее вера, когда веруешь в истинного Бога и творца своего, который сделал небо и землю, и все, что им сопутствует», и «как мало приличествует тем людям, которые являются могущественными, заблуждаться в таком великом мраке, чтобы верить в тех богов, которые не могут оказать никакой помощи». Владимир «долго сопротивлялся и говорил против того, чтобы оставить свою веру и тех идолов, но все же понял он благодаря Божьей милости, что многое отличало ту веру, которая была у него, от той, которую проповедовал Олав». К убеждениям Олава присоединила свой голос мудрая жена Владимира, княгиня Аллогия, и в конце концов «согласился конунг [Владимир] и все его мужи принять святое крещение и правую веру, и был там крещен весь народ».

Ввиду того, что Яхья и «Сага об Олаве», в сущности, ведут рассказ о совершенно разных вещах, приходится выбирать между ними, и это сразу сокращает доказательную базу «местной» (киево-василевской) версии крещения Владимира с двух до одного свидетельства. Первым делом естественно отпадает скандинавское известие, ибо оно отстоит от истины даже дальше, чем «корсунская легенда», которая хотя бы знает о связи между крещением Владимира и его женитьбой на Анне (в действительности Олав покинул Русь задолго до того, как Владимир принял христианство[135]). Но затем свою несостоятельность

---

[133] См.: *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 1029–1153; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 133–161.

[134] Историографический обзор см.: *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). Изд. 2-е, испр. Т. 1. СПб., 1999. С. 398–404; *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. С. 221–226.

[135] Критику исторических сведений саги об Олаве см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе

обнаруживают и сведения арабского историка, поскольку такой ход событий, когда язычник Владимир *сначала* женится на христианке Анне, а *потом* крестится и заполучает жену (!), бесспорно, обусловлен только тем, что Яхья в данном случае не совладал ни с логикой, ни со стилистикой. Разумеется, логико-стилистическая погрешность не может считаться доброкачественным историческим свидетельством. Здесь уместно вспомнить постановление Трулльского собора о недопустимости браков с язычниками – это правило в Византии действительно соблюдалось неукоснительно. Таким образом, сообщение Яхьи нуждается в серьезной поправке, состоящей в том, что крещение Владимира произошло, несомненно, до бракосочетания (или обручения) с Анной и *до* приезда в Киев «митрополита и епископов». Но тогда оно теряет всякое значение для разрешения интересующего нас вопроса.

Обращение же к русским источникам показывает, что все наши писатели XI в. (Иаков Мних, митрополит Иларион, преподобный Нестор) вообще не упоминают напрямую названий топографических пунктов, имеющих отношение к крещению Владимира. Это опровергает принадлежность «несведущих» к продолжателям древнейшей, «докорсунской» традиции, заставляя отнестись к их мнению о крещении Владимира в Киеве или Василеве как к интеллектуальному продукту того же XII в. и потому не имеющему никаких преимуществ перед «корсунской легендой».

Между тем при сопоставлении вероятного факта проведения русско-византийских переговоров на территории нижнедунайской Болгарии с указанием Абу Шуджи на то, что Владимир крестился *сразу же* после их окончания[136], открывается возможность заключить последнее событие совершенно в иные географические рамки. В этом случае обсуждению подлежат два варианта. Согласно первому, севастийский митрополит мог окрестить Владимира непосредственно в том городе или местечке Нижнего Дуная, где проходили переговоры. Однако такое скромное, почти «домашнее» крещение «архонта росов» плохо вяжется с исключительным значением этого действа в свете беспрецедентного родственного союза Владимира с византийским царствующим домом и той роли спасителя Македонской династии, которую призван был сыграть новообращенный вождь «народа рос». Соображения престижа, в равной степени важные для обеих сторон, требовали придать крещению русского князя и его предстоящему бракосочетанию с Анной торжественный характер. А достичь этого можно было только перенеся соответствующие церемонии в столицу Византии. Отсюда с необходимостью следует, что Владимир должен был креститься в Константинополе, в присутствии василевсов, их сестры, представителей знати и высшего церковного клира. Некогда так поступила княгиня Ольга, почему же ее внук, преследовавший почти те же самые цели, должен был действовать иначе? Ведь именно он был господином положения и диктовал Василию II условия соглашения.

В этой связи большой интерес представляет один отрывок из «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона (в составе его «Слова о законе и благодати»). Уподобляя в этом месте Владимира императору Константину Великому, Иларион пишет: «Он [Константин] с матерью своей Еленою крест из Иерусалима принес, по всем владениям своим части его разослал, веру укрепил. Ты же с бабкою твоею Ольгою принес крест из нового Иерусалима, града Константина – по всей земле своей поставил и утвердил веру». Воздвижение в Русской земле духовного «креста», то есть утверждение и распространение христианской веры, уподобляется здесь рассылке частичек настоящего креста, на котором был распят Спаситель, по землям Византийской империи, но этот «духовный крест», по убеждению Илариона, доставлен

(с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. М., 1993. С. 206–208.

[136] Ср. с сообщением Иоакимовской летописи: «…иде Владимир на булгары и, победи их, мир учини и приат кресчение сам и сынове его…» *(Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112). Ничего не зная о переговорах Владимира с Василием II, летописец тем не менее сохраняет ту же последовательность: заключение мирного договора – крещение.

был Владимиром, как и Ольгой, из Царьграда (не из Корсуни!). Путешествие Ольги в Константинополь ради принятия крещения – бесспорный исторический факт. Не значит ли это, что и Владимир помнился русским церковным деятелям середины XI в. как цареградский паломник? Да и христианское имя Василий, принятое Владимиром при крещении в честь Василия Великого, наводит на мысль, что император Василий II, нареченный в память того же святого, выступил в роли его крестного отца. Конечно, все это лишь косвенные доказательства, но серьезной альтернативы им на сегодняшний день не существует[137].

За крещением Владимира, видимо, должно было последовать его обручение с Анной. Эта церемония отвечала интересам обеих сторон: Владимир законным образом закреплял свои права на царственную невесту, а у Василия II прибавлялось уверенности, что его русский зять не замедлит с отправкой в Константинополь вспомогательного войска. Поездка Анны в Киев для официального бракосочетания, естественно, откладывалась до выполнения Владимиром этого важнейшего условия договора. Кроме того, Владимиру предварительно надлежало еще объявить христианство государственной религией Русской земли, ибо багрянородная сестра василевсов не могла быть послана в языческую страну, чтобы царствовать над идолопоклонниками.

После обручения с Анной у Владимира уже не оставалось причин и далее откладывать свой отъезд в Киев. Все гарантии были получены, все формальности соблюдены. Теперь Владимир должен был поспешать, дабы не дать Фоке воцариться в столице империи и обратить его договоренности с Василием II в пустой звук.

[137] За «цареградское крещение» Владимира высказывался А.Л. Никитин, поделившийся двумя своими наблюдениями над летописным текстом (см.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 48–49, 248). Во-первых, по чтению Ипатьевского списка Повести временных лет, крещение Владимира состоялось в Корсуни, «в церкви святое Софьи», что, по мнению исследователя, может быть отголоском воспоминаний о крещении князя в константинопольской Святой Софии. Затем ученый предложил по-новому взглянуть на летописный «Василев», в котором, согласно «несведущим», произошло обращение Владимира. Древнерусский Василев на Стугне был заложен уже после княжеского крещения, о чем свидетельствует его название, образованное от крестильного имени Владимира (Василий). Но, возможно, его упоминание в летописи в связи с крещением Владимира – не простой анахронизм. Этот топоним мог появиться в Повести временных лет вследствие искажения греческого слова «Василеополис», то есть «город василевсов», как нередко назывался Константинополь в самой Византии и за границами империи (так, «Царьград» является древнерусской калькой с «Василеополиса»).

Глава 4 Крещение Киева

Отправка в Византию русских «воев»

Владимир возвратился в Киев осенью 987 г. и сразу приступил к последовательному выполнению взятых на себя обязательств. По известию Иакова Мниха, первым его делом было приобщить к новой вере свою семью – многочисленных жен и детей, а также всех ближних и дальних родственников: «Крести же ся сам князь Володимер, и чада своя, и весь дом свой святым крещением просвети и свободи всякую душу, мужеск пол и женеск, святого ради крещения». Вероятно, тогда же крестилась и княжеская дружина (хотя ближние, *старейшие* дружинники могли принять крещение вместе с Владимиром в Царьграде)[138].

С наступлением зимы Владимир с дружиной, видимо, по обычаю отправился в полюдье, во время которого распорядился, чтобы весной в Киев было сплавлено необходимое количество ладей-однодеревок. Не позднее июня приготовления к походу были закончены, и русская флотилия двинулась в путь[139]. Численность снаряженного Владимиром вспомогательного войска обыкновенно оценивают в шесть тысяч человек, что не совсем верно. Эта цифра взята из исторического сочинения Степаноса Таронского (Асохика). В 1000 г., пишет он, Василий II двинул армию к грузинской границе, чтобы завладеть завещанным ему княжеством умершего иверийского правителя Давида Куропалата. Императорское войско состояло из русских и грузинских наемников. У города Хавачича (близ современного Эрзерума) несколько русов не поделили с грузинами охапку сена. Завязалась драка, один рус был убит, и стычка переросла в настоящее побоище. «Поднялись все русы, – рассказывает Асохик, – а их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых император Василий получил от русского князя, когда отдал свою сестру ему в жены, а это было тогда, когда этот народ принял веру в Христа».

Тут нужно учитывать (чего никогда не делается), что описанные армянским историком события произошли спустя двенадцать лет после прибытия русского войска в Константинополь, под начало Василия II. За эти годы русы приняли участие во многих походах и битвах, верой и правдой служа императору. Неизбежные потери должны были изрядно уменьшить их число (Асохик пишет, что у Хавачича с грузинами дрались *те самые* русы, которых прислал Владимир, то есть русский отряд с тех пор не пополнялся). По всей видимости, первоначальная численность русского вспомогательного корпуса составляла не менее восьми – десяти тысяч человек. Это в свою очередь позволяет говорить об участии в экспедиции против Фоки сильной дружины таврических русов, поскольку киевский князь вряд ли располагал такими силами[140].

---

[138] Уверенность в том, что дружинники последуют за князем в вопросах веры, выражена в летописи словами Ольги, которая увещевала Святослава: «Если ты крестишься, то и все то же сотворят».

[139] Вопрос о личном участии Владимира в походе против Варды Фоки, время от времени поднимаемый в литературе, следует решить отрицательно ввиду ненадежности источников, которые сообщают об этом. К таковым относятся прежде всего известия двух арабских писателей XIII в. – аль-Макина («и отправился царь русов со всеми войсками своими к услугам царя Василия и соединился с ним. И они оба сговорились пойти навстречу Варде Фоке и отправились на него сушею и морем и обратили его в бегство…») и аль-Асира («и женился он [царь русов] на ней [сестре Василия], и пошел навстречу Вардису [Фоке], и они сражались и воевали»). Оба автора являются всего лишь более или менее добросовестными компиляторами своих предшественников (в частности, Яхьи Антиохийского), у которых, однако, подобных сведений нет. Одно время также считалось, что можно положиться на показание Скилицы, так как в латинском переводе его исторической хроники Василий II вручает Владимиру начальство над императорским флотом, пока не выяснилось, что в греческом оригинале его сочинения данное сообщение отсутствовало.

[140] Из летописной статьи под 1093 г. явствует, что даже столетие спустя совокупная численность городовых ополчений Киева, Чернигова и Переяславля (то есть собственно «Русской земли», в узком значении термина) не превышала 8000

Подготовительные шаги к крещению киевлян

Теперь, когда главное условие договора с Василием II было выполнено, Владимиру оставалось сделать последнее – крестить киевлян и стать государем христианского народа. Культурно-историческое наследие предшествующих десятилетий в значительной степени облегчало эту задачу. Владимиру было на кого опереться. Христиане уже составляли немалую часть населения Киева. При Ярополке (во время осады Киева в 978 г.) они продемонстрировали, что в союзе с князем способны взять под контроль политическую обстановку в городе. Поэтому Владимир мог не опасаться вспышек возмущения со стороны киевлян-язычников. Но ему предстояло убедить в своей правоте городское вече, для которого княжеское слово отнюдь не являлось законом.

Низвержение идолов в Киеве

В первую очередь Владимир постарался заручиться поддержкой городской знати – *старцев градских.* Им принадлежало право предварительного совещания, без чего ни один вопрос вообще не мог быть вынесен на обсуждение веча. Старейшины вняли уговорам князя и изъявили готовность креститься (Повесть временных лет об этом не упоминает, но в других летописях сохранились сведения, что перед крещением народа в христианство обратилось «множество знатных людей»[141]). После этого исход дела был в общем-то предрешен: организованного отпора религиозному нововведению быть уже не могло. В Житии Оттона Бамбергского (начало XII в.) есть схожий эпизод, когда один поморский князь, решивший по совету германского миссионера обратить в христианство свой народ, говорит ему: «Будь покоен, отец мой и господин, никто не станет тебе противиться, коль скоро старцы и знатные приняли христианскую веру».

Тем не менее Владимир не спешил созывать вече. Он не хотел действовать напролом, не исчерпав предварительно немногочисленных средств убеждения, имевшихся в миссионерском арсенале той эпохи. Одним из них было эффектное, ошеломляющее зрелище, другим – проповедь. Язычники должны были своими глазами убедиться в ничтожности старой религии и неотвратимости предстоящей перемены веры. Для этого Владимир повелел

человек.

[141] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 63.

разрушить святилище Перуна – то самое, которое несколькими годами раньше сам же распорядился устроить «на холме вне двора теремного». «Поганьскыя богы, паче же и бесы, Перуна и Хорса и ины многа попра и скруши идолы», – пишет Иаков Мних[142]. Житийно-летописное предание добавляет еще, что Владимир приказал своим слугам сбросить статую Перуна на землю, привязать ее к хвосту коня и волочить с «горы по Боричеву [взвозу] на Ручей», колотя поверженного идола жезлами – «не потому, что дерево чувствует, но для поругания беса, который прельщал нас в этом образе». Слуги сопроводили истукана до днепровских порогов, а там – пустили его по течению. Древнерусская литература XI в. (митрополит Иларион, Иаков Мних) не знает этих подробностей. Впрочем, надругательство над поверженными богами было в обычае при подобных обстоятельствах. Например, когда в 1168 г. датчане взяли город Аркону (на острове Рюген), где находилось наиболее почитаемое в славянском Поморье святилище Святовита, датский король велел «вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь» (сообщение Гельмольда).

Доказав свою решимость искоренить идолопоклонство, Владимир разослал по городу христианских священников, которые «ходяще по граду, учаху люди вере Христове»[143]. Роль проповедников, по-видимому, взяло на себя духовенство киевских храмов, имевшихся на то время, – Святого Илии и других. Однако Иоакимовская летопись сообщает также об участии в крещении киевлян некоторого количества болгарских иереев, привезенных Владимиром в Киев с согласия Константинопольского патриарха[144]. Это известие выглядит правдоподобно, так как греческие священники по незнанию славянского языка, конечно, не годились в миссионеры.

Крещение народа

Поругание языческих святынь и увещевания христианских проповедников вызвали разлад среди киевских идолопоклонников: кто-то склонялся к тому, чтобы переменить веру, кто-то упорно держался старины, большинство же колебалось. Видя это, Владимир решил, что пора наконец прибегнуть к авторитету княжеской власти.

Летописно-житийная концепция крещения Руси, принятая Повестью временных лет, не отрицая самого факта насилия над религиозной совестью киевлян-язычников, постаралась, однако, сгладить его картиной всеобщего согласия с решением князя: «…Володимер посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящется кто заутро на реке, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник [раб, холоп], противен мне да будет. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующееся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Аналогичная запись в «Чтении о Борисе и Глебе» преподобного Нестора («ни бо единому сопротивяшеся, ни вопреки глаголющю; но яко издавна научен, тако течаху радующеся к крещению») свидетельствует, что этот официально-оптимистический взгляд на крещение Руси утвердился в церковной среде в последней трети XI в.

---

[142] В Повести временных лет сказано: «…повеле кумиры испроврещи, овы осечи [вар.: изсещи], а другие огневи предати». Различные способы «казни» кумиров вызвали реплику С.М. Соловьева: *«Осечи* относится, думаем, к каменным кумирам, *огневи предати* – к деревянным» (*Соловьев С.М.* Сочинения. Т. I. С. 307. Примеч. 248). Но на самом деле летописец не имел никакого понятия о материалах, из которых были сделаны истуканы в Киеве, поскольку в данном случае больше сверялся с Библией, чем с историческими источниками. В Четвертой книге Царств можно прочитать о том, как царь Иосия *разрушил* жертвенники Ваала и *изломал* статуи языческих богов (4 Цар., 23: 4, 14); царь Аса *изрубил* истукан Астарты и *сжег* его у потока Кедрон (3 Цар., 15: 12) и т. д. Сообщение Иакова Мниха в этом смысле более реалистично.

[143] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 63.

[144] См.: Там же. Т. I. С. 112.

Более древняя летописная традиция, отраженная в «Истории» В.Н. Татищева, повествует об этом иначе. Повеление Владимира креститься было встречено жителями Киева неоднозначно: «Тогда Владимир послал по всему граду, глаголя: «заутра всяк изидет на реку Почайну креститися; а ежели кто от некрещеных заутра на реке не явится, богат или нищ, вельможа или раб, тот за противника повелению моему причтется». Слышавшие же сие, людие многие с радостию шли, рассуждая между собою, ежели бы сие не было добро, то б князь и бояра сего не прияли. Иныи же нуждою последовали, окаменелыя же сердцем, яко аспида, глуха затыкающе уши своя, уходили в пустыни и леса…»[145]

Достоверность татищевского известия подтверждает известный фрагмент «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона: «И заповеда [Владимир] по всей земле своей крестити… и не бысть ни единого же противящеся благочестному его повелению: да аще кто и не любовью, но страхом повелевшего крещахуся, понеже бе благоверие его с властью сопряжено».

Крещение киевлян. Рис. В.П. Верещагина

Однако – и об этом нельзя забывать – несомненный оттенок принудительности в действиях Владимира по отношению к киевским язычникам был стилизован в древнерусской литературе тоже не вполне адекватно историческим реалиям конца X в. Почти безграничная власть киевского князя, которой, пускай и ропща, повинуется народ, – картина для того времени «далекая от действительности, созданная под впечатлением христианского учения о божественном происхождении власти с вытекающим отсюда требованием беспрекословного ей подчинения»[146].

[145] Там же. Т. II. С. 63.

[146] *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. С. 786. Ср. с характерным поучением позднего летописца: «Всяка душа

Ничего подобного не было и не могло быть в Киеве 988 г. Насильственное обращение в христианство некоторой части киевлян было обусловлено характерной особенностью внутриполитических отношений у славян при родоплеменном строе. Вечевой порядок требовал от участников сходки единодушного приговора. Несогласных с мнением большинства поначалу уговаривали всем миром[147], а с теми, кто, несмотря ни на что, продолжал упрямиться, поступали как с преступниками, подвергая их тяжелым наказаниям – побоям, грабежу имущества или крупному денежному взысканию[148]. Поэтому, если Владимир и позволил себе припугнуть колеблющихся, то все-таки роль главного и непосредственного притеснителя киевских язычников, безусловно, сыграло само вече, потребовавшее от «окаменелых сердцем» подчиниться выбору князя[149]. В этой связи представляется вероятным, что упорствующие идолопоклонники, будто бы сами ушедшие «в пустыни и леса», на самом деле были изгнаны вечем (изгойство было трудноперенос имым состоянием для общинного сознания людей того времени, и потому вряд ли могло стать добровольным уделом даже тех, кто открыто противился принятию христианства). В обществе, которое ставило сплоченность и единство, пусть даже формальное, на первое место в ряду социально-политических ценностей, насилие над душою было в порядке вещей – в этом не видели чего-то недопустимого или хотя бы отчасти предосудительного.

Итак, киевское вече, пошумев, одобрило призыв князя и городской знати всем миром поменять веру. На следующий день[150] поутру, на берегу реки (то ли Почайны, как сказано в татищевском источнике и в Житии Владимира особого состава, то ли Днепра, по известию Повести временных лет и Обычного жития Владимира) сошлось множество людей обоего пола и всех возрастов. Священники разделили их на группы и велели по очереди заходить в реку, которая заменила собою купель. Чтобы вся толпа могла разместиться на мелководье, первым рядам приходилось заходить в воду по шею, следующие за ними стояли в воде по грудь, а тем, кто оказывался ближе всего к берегу, вода доходила до колена. Священники читали положенные молитвы, а потом давали каждой купе крестившихся христианские имена: одно мужское – общее для всех мужчин, другое женское – всем женщинам (никакого бытового неудобства от этого не возникало, так как и после крещения в повседневном оби-

---

властелем повинуется, власти бо от Бога учинены суть; естьством подобен есть всякому человеку царь, властью же сана, яко Бог. Веща бо великыи Златоустець, тем же [кто] противятся волости [власти], – противятся закону Божью. Князь бо не туне меч носит, Божии бе слуга есть».

[147] Житие Оттона Бамбергского сообщает о крещении поморских славян: «В таком огромном городе, как Щетин, не нашлось ни единого человека, который бы, после общего согласия народа на принятие крещения, думал укрыться от Евангельской истины, кроме одного жреца… Но к нему однажды приступили все и стали его премного упрашивать».

[148] Титмар Мерзебургский сообщает о лютичах, что, «единодушным советом обсуживая все необходимое по своему усмотрению, они соглашаются все в решении дел. Если же кто из находящихся в одной с ними провинции не согласен с общим собранием в решении дела, то его бьют палками; а если он противоречит публично, то или все свое имущество теряет от пожара и грабительства, или в присутствии всех, смотря по значению своему, платит известное количество денег».

[149] В этом смысле, пожалуй, можно согласиться с утверждением П.Я. Чаадаева, что Русь обязана своим крещением *народной воле.*

[150] Относительно дня крещения киевлян существует остроумная гипотеза Рыбакова – Рапова. Изучение архитектурного устройства древнерусских храмов навело Б.А. Рыбакова на мысль, что «в древности ориентировка церквей производилась на реальный восход солнца в день празднования того святого, которому посвящен храм» (цит. по: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. С. 244). Применив азимутальный метод к киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной), возведенной Владимиром в память крещения Киева, ученый установил, что храмовый праздник этого собора должен был приходиться либо на 1 августа, либо на 2 марта. Последняя дата в церковном календаре с Богородицей никак не связана. Зато 1 августа (по старому стилю) православная Церковь празднует Происхождение изнесения честных дерев животворящего креста Господня и начало Успенского поста (в честь Успения Богородицы). В Византии в этот день совершалось освящение воды в реках, озерах и других источниках. Примечательно также, что в одной рукописи XVI в. из Московской синодальной библиотеки сказано: «крестися князь великий Володимер Кыевский и вся Русь августа 1». Год крещения, правда, перепутан, но древнерусские церковные месяцесловы вообще не отличались особой точностью в отношении «лет» (ошибались даже в годах проведения Вселенских соборов). В безупречном погодовом исчислении не было надобности, так как для праздничного поминовения имели значение дни, а не годы знаменательных церковных событий.

ходе все равно использовались только светские, «языческие» имена). Пробовали сосчитать новообращенных, да сбились со счету[151].

В конце лета – начале осени 988 г. Владимир с дружиной отправился встречать невесту. «На другое лето по крещении [имеется в виду личное крещение князя в 987 г.] к порогам ходи», – пишет Иаков Мних[152]. Сам князь с большей частью своих людей, вероятно, встал в порогах, выслав вперед, к днепровскому устью, несколько ладей, на борту которых могли разместиться Анна и вся ее свита. Посыльные, однако, вернулись ни с чем. Византийский корабль, который должен был доставить Анну в Киев, так и не появился. Неожиданное препятствие преградило «царице росов» дорогу в ее новую столицу.

[151] См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч Т. II. С. 63.

[152] Эта краткая запись не называет причины путешествия, но сама ее лаконичность, по мнению А. Поппэ, «свидетельствует в пользу древности заметки, когда повод похода князя к порогам был очевиден» (*Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 236). Единственный пример хождения киевского князя к порогам – и именно ради встречи и препровождения в Киев княжей невесты – сохранился в Лаврентьевской летописи. В 1154 г. великий князь Изяслав Давыдович, недавно овдовевший, ожидал приезда в Киев грузинской княжны, которая должна была стать его новой супругой. Сын его Мстислав, посланный навстречу мачехе, «срете ю [встретил ее] в порозех и приведе ю к Киеву…».

Глава 5 Падение Херсона

Причины похода на Херсон

Корсунский поход по праву занимает видное место в истории византийского брака Владимира. В памяти русских людей конца XI – начала XII в. прочно отложилось, что жениться на Анне Владимир смог только после того, как овладел Херсоном; там же, в одной из херсонских церквей, произошло их венчание. Но причинная связь между самым громким военным предприятием Владимира и его женитьбой на греческой царевне довольно скоро забылась, – «корсунская легенда» является поздней и неудачной попыткой ее восстановить. Этому литературному памятнику уже ничего не известно ни о международной политической обстановке 987–989 гг. в целом, ни о подлинных обстоятельствах заключения русско-византийского династического союза. Тем не менее господствующая историографическая традиция, следуя если не букве, то духу «корсунекой легенды», рассматривает корсунский поход как враждебную акцию Владимира по отношению к Византии[153].

[153] Считается, что данные «корсунекой легенды» подкрепляет одно сообщение Титмара Мерзебургского: «Он [Владимир] взял жену из Греции… По ее настоянию он принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником *и учинил большое насилие над изнеженными данайцами* [греками]». В последних словах видят указание на корсунский поход (см.: *Древняя* Русь в свете зарубежных источников. С. 318). Но при этом упускается из виду, что «большое насилие» над греками произошло, согласно Титмару, *после* женитьбы Владимира на Анне, тогда как корсунский поход предшествовал этому событию. Кроме того, из контекста Титмарова показания явствует, что греки пострадали не в военном, а в религиозном отношении, вследствие нарушения Владимиром каких-то христианских норм. Наконец, обратим внимание на то, что возможен иной перевод этого места: «…и чинил великие *насилия*…» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 440), при котором несовершенная форма глагола «чинить», указывающая на продолжительное действие («чинил»), и множественное число «насилий» совершенно лишают данный фрагмент всякой связи с походом на Корсунь. Так что, скорее всего, немецкий хронист намекает здесь на противостояние Владимира с византийской церковной иерархией, о чем речь впереди.

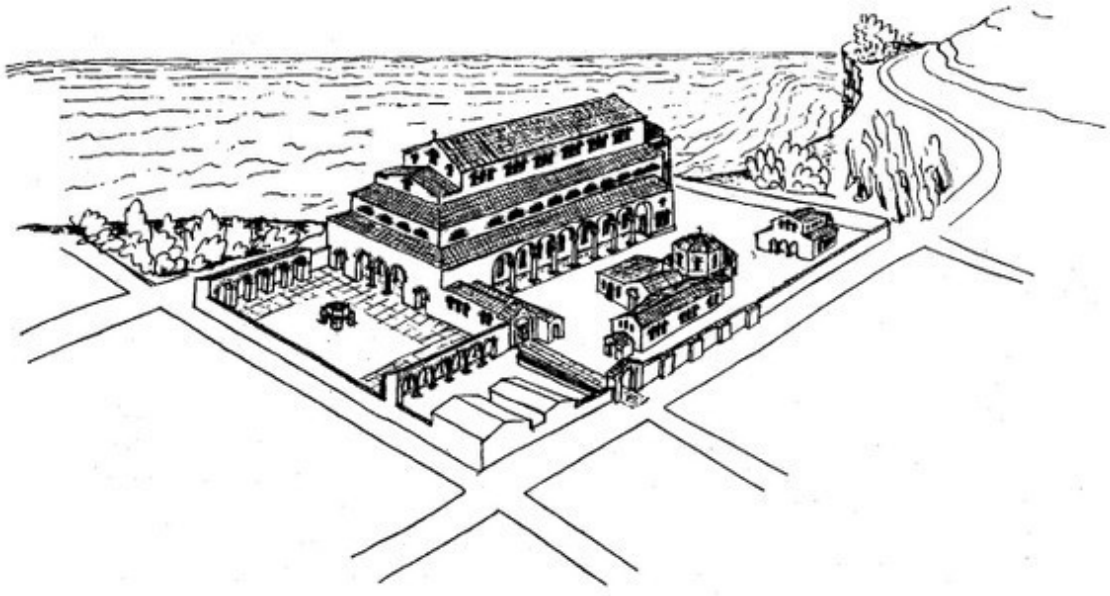
Западный Крым

Предполагается, что Владимир был обманут Василием II, который, подавив при помощи русского войска восстание Фоки, отказался выслать в Киев свою сестру. Тогда разъяренный князь напал на Херсон и силой вынудил василевса выполнить его обещание. Подчеркну еще раз, что эта версия всецело покоится на предположении о двуличности Василия

II, будто бы неукоснительно придерживавшегося матримониальной доктрины византийского двора, запрещавшей выдавать греческих принцесс замуж за «варваров». В предыдущих главах мы уже имели возможность убедиться в безосновательности этого воззрения на политические принципы Василия II.

Истинные причины похода на Херсон приоткрылись сравнительно недавно, в превосходном исследовании А. Поппэ[154]. Малопродуктивной и неубедительной гипотезе об обмане греками Владимира польский ученый противопоставил конкретно-исторический анализ положения Херсона в контексте политической ситуации второй половины 80-х гг. X в. Считаю нелишним напомнить ход его мысли.

«История Херсонеса показывает, – пишет Поппэ, – что этот однажды ставший автономным греческий город никогда более не отказывался от своих сепаратистских стремлений…»[155] Действительно, на протяжении всей эпохи раннего Средневековья отношения Херсона с центральной имперской властью были весьма натянутыми. В конце VII – начале VIII в., когда Византию сотрясали непрерывные вторжения славян, арабов, булгар, хазар и других народов, далекий таврический город во многом был предоставлен самому себе и сумел добиться довольно широких прав самоуправления[156], свидетельством чему стало появление титула «протополит» (букв, «первый гражданин») или «протевон» Херсона, который отныне закрепился за его градоначальником. Не удовольствовавшись этим, херсониты пытались вооруженным путем добиться полного отделения от империи, и лишь неоднократные военные экспедиции в Крым, предпринятые при императоре Юстиниане II (685–695 и 705–711), позволили удержать город в орбите византийской политики. Усиление в Крыму хазарского влияния заставило городской муниципалитет в 833 г. согласиться на непосредственное присутствие в его стенах стратега – военно-административного представителя василевсов, который приобрел власть над всеми должностными лицами местного самоуправления («архонтами»), кроме протевона.



Кафедральный храм Херсона. Реконструкция

[154] См.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси.

[155] Там же. С. 222.

[156] Некоторые ученые даже находят возможным говорить о «независимости» Херсона в качестве города-государства, который лишь поддерживал дружественные отношения с Византией (см., напр.: *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1973. Т. 10. С. 207–209).

Впрочем, политические основания достигнутого компромисса, фактически узаконившего двоевластную систему управления городом, были достаточно шатки. В конце IX в. василевсам пришлось подавлять одно за другим несколько восстаний херсонитов, сопровождавшихся изгнанием из города императорских стратигов или даже их убийством.

X в. принес с собой некоторое успокоение в отношениях Византии с непокорным городом. Обескровленный и ослабленный экономически, Херсон послушно взял на себя роль форпоста имперской политики в Северном Причерноморье. Однако в Константинополе были прекрасно осведомлены о том, что глубинное недовольство херсонитов центральной властью отнюдь не исчезло. Не случайно Константин Багрянородный в своих советах сыну («Об управлении империей», глава 53) подробнейшим образом описал политическую историю Херсона, особо остановившись на системе административно-экономических мер, при помощи которых предыдущим василевсам удавалось удерживать город в подчинении. Рекомендуя никогда не терять контроля над местными властями, он приводит совет, некогда данный императору Феофилу (829–842) одним из его чиновников: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и прилегающими к нему местностями, чтобы он не выскользнул из твоих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам». Если же мятеж все-таки случится, то действовать надлежит быстро и решительно: «Да будет известно, что, если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслят совершить противное царским повелениям, должно тогда, сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров-херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика [полномочных государственных чиновников]: один – на побережье фемы Армениак, другой – на побережье фемы Пафлагония, третий – на побережье фемы Вукелларии[157], чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы… Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром».

Действенность этих репрессивных мероприятий основывалась на том обстоятельстве, что благосостояние Херсона, к несчастью для него, находилось в жесткой экономической зависимости от торговли с империей. Заключительная часть советов Константина не оставляет никаких сомнений на этот счет: «Знай, что если херсониты не приезжают в Романию [Византию] и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов [печенегов], то не могут существовать. Знай, что если херсониты не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии, Вукелляриев и со склонов Армениака, то не могут существовать».

Последние слова Константина подводят нас к пониманию подлинной роли Херсона в событиях 987–989 гг., ибо «сам византийский император с предельной ясностью указывает нам экономический базис политической ориентации Херсонеса, то есть кто владеет вышеназванными провинциями на побережье Черного моря, тот располагает ключами к Херсонесу»[158]. Все порты и прибрежные города Малой Азии, где находили сбыт херсонские товары и через которые, в свою очередь, в Херсонес поступал хлеб, оказались под властью Варды Фоки не позднее весны 988 г. Можно ли сомневаться, что этот опытный полководец и государственный деятель без промедления исполнил все предписания Константина относительно принудительного обеспечения лояльности херсонитов? Следовательно, приблизительно тогда же, весной – летом 988 г., Херсон должен был волей-неволей подчи-

[157] Все три фемы находились на северном (черноморском) побережье Малоазийского полуострова.

[158] *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 222.

ниться мятежному правителю Малой Азии. По свидетельству Константина, для этого было достаточно одних только экономических санкций. Однако не исключено, что между Фокой и херсонитами имела место политическая договоренность, и Херсон примкнул к мятежу в надежде обрести наконец вожделенную вольность. Сепаратистские настроения в городе были по-прежнему сильны. Стоит только вспомнить, что во время вторжения Святослава на Балканы сын херсонского протевона Калокир открыто изменил империи и даже сам претендовал на трон василевсов.

Переход Херсона на сторону Фоки затруднил сообщение между Константинополем и Киевом. Поэтому вполне естественно, что Василий II в 988 г. поостерегся посылать Анну к ее русскому жениху, так как херсониты легко могли перехватить корабль принцессы возле крымского побережья или в устье Днепра. Владимир же, еще не зная об изменении политической ситуации в Крыму, на исходе лета отправился навстречу невесте и был оповещен о случившемся только во время длительной стоянки в порогах, когда бесплодное ожидание открыло ему глаза на истинное положение дел.

Именно таким образом женитьба Владимира на Анне вдруг была поставлена в теснейшую зависимость от необходимости овладеть Херсоном. Договоры Игоря и Святослава с греками предоставляли русскому князю законный предлог для военного вмешательства в случае отпадения «страны Корсунской» от империи[159]. Однако навигационный сезон 988 г. уже заканчивался. Поход пришлось отложить до следующего года.

Подавление восстания Варды Фоки

Тем временем прибытие в Константинополь русского войска (лето – начало осени 988 г.) вселило в Василия II уверенность в успешном завершении его противостояния с Фокой. Если еще 4 апреля 988 г. василевс горько сетовал в одном из своих указов, что вплоть «до настоящего дня в нашей жизни не только не было ничего хорошего, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого бы мы не испытали», то теперь он осмелился перейти к наступательным действиям против мятежников. В тыл Фоке, морем, был направлен небольшой греческий отряд под началом Григория Таронита – аристократа армянского происхождения, одного из немногих военачальников, сохранивших верность братьям-василевсам. По-видимому, перед ним была поставлена задача возмутить против Фоки армянские провинции, где среди местного населения имелось немало сторонников Склира, не простивших Фоке предательского ареста их вождя. Десант Таронита без помех высадился в Трапезунде и, пополнив свои ряды, выступил на юг, в направлении Евфрата. Фока был вынужден спешно снять часть своих войск с берегов проливов и перебросить их на восток. Спустя несколько месяцев отряд Таронита был разбит, но временное ослабление сил Фоки на главном театре военных действий оказалось для него роковым.

[159] Здесь я отступаю от версии Поппэ, будто Владимир осадил Херсон по просьбе Василия II, который рассчитывал таким способом вернуть империи мятежный город. Это невероятно хотя бы потому, что херсониты, без сомнения, пресекли всякую возможность посольских сношений василевса с Киевом по Черному морю и Днепру. Приписывание византийскому императору инициативы корсунского похода – безусловно, самое слабое место концепции Поппэ, почему в свое время ей и не было уделено должного внимания со стороны историков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.